

УДК 630. 161. 1(09)
ББК 63. 3-6+66. 4(0)
Р76

*Работа выполнена в рамках социально значимого проекта
«Программа памяти, посвященная 100-летию
начала Первой мировой войны» по программе государственной
поддержки неправительственных некоммерческих организаций
с использованием гранта № 826-13 Института проблем
гражданского общества*

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
президент Фонда исторической перспективы Н.А. Нарочницкая

Редакционная коллегия:
Е.А.Бондарева, Е.Н. Рудая, А.Ю. Тимофеев

Рецензенты:
А.Л. Шемякин, д.и.н., Институт славяноведения РАН
Я.В. Вишняков, к.и.н., МГИМО (У) МИД России

Р76 **Россия на Сербском фронте Первой мировой войны.**
Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914—
1918 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремич. — М. : Вече, 2014.
320 с. — (Возвращение утраченной истории. Первая мировая).

ISBN 978-5-4444-2236-6

Знак информационной продукции 12 +

Эта книга открывает серию изданий «Возвращение утраченной истории. Первая мировая», подготовленных издательством «Вече» и Фондом исторической перспективы Н.А. Нарочницкой. Первая книга освещает события на малоизученном у нас Балканском фронте.

Накануне Первой мировой войны Российская империя не была связана с Королевством Сербия союзным договором. Однако после начала военных действий в 1914 г. было принято решение оказать военную, военно-техническую и гуманитарную помощь Сербии, вступившей в боевые действия с Австро-Венгрией. Кроме черноморских проливов у России была еще одна стратегическая цель на Балканах — река Дунай. В годы Первой мировой войны интересы России на Балканах отстаивали русские моряки, саперы и инженеры на Сербском фронте. Эти моряки, солдаты и офицеры укрепляли вековые традиции русско-сербского боевого братства. Их деятельности и посвящена данная книга, в которой собраны документы российских и сербских архивов.

УДК 630. 161. 1(09)
ББК 63. 3-6+66. 4(0)

ISBN 978-5-4444-2236-6

© Фонд исторической перспективы, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014
© Тимофеев А.Ю., Кремич Д., составление, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны

В 1908 г. после сорока лет оккупации Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину (БиГ), многонациональную турецкую провинцию, самым многочисленным народом которой были православные сербы (42,76 %). Этот шаг вызвал негодование сербов не только в БиГ, но и в соседнем независимом Королевстве Сербия. Во время оккупации Австро-Венгрией сербское население области подвергалось разнообразному давлению — от попыток искусственного создания «боснийского» этноса до консервации феодальных повинностей сербских крестьян, работавших на мусульманских бегах. Аннексия похоронила все надежды сербского населения областей на обретение свободы и независимости мирным путем. Фитиль порохового погреба Европы был подожжен.

Стоит напомнить, что Россия, согласно договоренностям в Рейхштадте (1876) и Пеште (1877), согласилась с тем, что Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину. Накануне аннексии, 2—3 (15—16) сентября 1908 г., в крепости Бухлау глава МИД Российской империи А. Извольский провел переговоры по этому вопросу со своим австрийским коллегой А. Эренталем. Высокопоставленный российский чиновник попался на удочку австрийских обещаний (позднее не выполненных) поддержать российские претензии по вопросу о проливах в обмен на нейтралитет России при провозглашении аннексии БиГ. Надежда на осуществление извечной мечты о контроле над проливами

ми¹ подвигла Извольского заключить те договоренности, на которые у него даже не было полномочий. Соглашение, оставшееся официально нератифицированным, нанесло огромный ущерб российским интересам. Ошибка, названная «дипломатической Цусимой», стоила карьеры министру и другим дипломатам, ее совершившим.

Ход событий уже нельзя было повернуть вспять². Германия осуществляла прямое давление на Россию, сообщив в ультимативной форме, что отказ Сербии признать аннексию повлечет нападение на нее со стороны Австро-Венгрии. В случае вовлечения в конфликт третьих сил Берлин не смог бы оставаться безучастным наблюдателем. Констатируя неготовность России к войне (в защиту Сербии), царское правительство сделало все возможное, чтобы не предоставить Вене повод для агрессии, грозившей перерасти в более масштабный конфликт. По настоянию Петербурга и других европейских столиц Белград 3 марта 1909 г. вынужден был признать аннексию Боснии³. Произошедшее не только позволило на некоторое время отложить начало европейской войны, но и продемонстрировало стремление России к поддержанию мира даже ценой собственных внешнеполитических интересов. С другой стороны, стала очевидной и высокая степень лояльности и доверия к российской дипломатии со стороны сербских властей, действия которых диссонировали в этом отношении с недовольством народных масс. По-другому и быть не могло, ведь во главе государства стоял Никола Пашич — патриарх сербской политики, «который относился к России с особой теплотой... и глубокой внутренней симпатией». С ней он делил добро и зло, с ней был и на слове, и на деле, что в России помнили и ценили⁴.

¹ Кинятина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). Москва, 1994.

² Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Ленинград, 1964; Вишняков Я.В. Боснийский кризис 1908—1909 гг. и славянский вопрос. Вестник МГИМО-Университета, 1/2011. С. 103—111.

³ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. Москва, 1972; Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. Москва, 1985.

⁴ Шемякин А.Л. «Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений», До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Москва, 2009. С. 46—48.

Усилия российской дипломатии по укреплению союза православных балканских государств (Сербии, Греции, Болгарии и Черногории) — барьера против австро-германской экспансии на полуострове — не остались напрасными, что продемонстрировала Первая Балканская война. Однако ее результаты во многом оказались девальвированными вследствие вмешательства Вены, Берлина и Лондона.

Вторая Балканская война повлекла за собой ряд последствий, катастрофических для геополитических интересов России на Балканах: создание албанского государства, отрезавшего Сербию от моря; изъятие населенного албанцами и сербами г. Скадар из зоны влияния Сербии; эскалацию сербо-болгарского конфликта вокруг спорных районов Македонии. У Болгарии, в которой правила германская династия, от участия в Балканских войнах остались только горечь поражения, жажда реванша и непреодолимое чувство враждебности к Сербии. Из-за этого во время мировой войны, которая вскоре последовала, Сербия и Россия оказались отрезанными от сил союзников в Греции. При всей поддержке, которую Петербург оказывал христианам на Балканах, его не могло оставлять равнодушным чрезмерно ретивое стремление Болгарии приблизиться к Константинополю. Для государства, 37 % экспорта которого проходило через проливы Босфор и Дарданеллы, их статус имел значение, которое трудно было переоценить¹. Еще до начала Первой мировой войны российский посол в Константинополе М.Н. Гирс писал министру иностранных дел, что «только высадка впечатляющего военного отряда, способного занять Константинополь и воспрепятствовать тому, чтобы это сделали болгары, может позволить нам выполнить нашу историческую задачу — завладеть проливами»². И позднее эта идея не выходила из головы дипломатов и военных царской России³.

¹ Константинополь и проливы по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. Москва, 1925; Дранов Б.А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. Москва, 1948.

² Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). Москва. С. 160.

³ Айрапетов О.Р. «На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II». Последняя война императорской России. Москва, 2002. С. 158—261.

И, наконец, еще одна деталь, необходимая для понимания военно-стратегических интересов России на Балканах накануне Первой мировой войны. Речь идет об известном ослаблении ее влияния на традиционного союзника — Черногорию, значительную часть бюджета которой (прежде всего, военные расходы) составляли поступающие из Петербурга дотации. Складывалась парадоксальная ситуация, когда король Никола и, в еще большей степени, его наследники, невзирая на все династические связи династии Петровичей и Романовых, начали демонстрировать растущее пренебрежение к России. Это отмечали и военные, и гражданские представители Российской империи в Цетинье. Наиболее яркий пример приводит временный поверенный в делах Ю.А. Соловьев. По его воспоминаниям, когда 28 (15) мая 1905 г. в черногорскую столицу поступило известие о поражении русского флота в Цусимском сражении, престолонаследник Данило публично выражал восхищение храбростью и талантом адмирала Того. Данило, временно подменявший отца на престоле, вопреки настроениям общественности¹ запретил служить заупокойную службу по павшим морякам и вместо этого организовал празднование в связи с открытием итальянской табачной фабрики в Подгорице². При этом он не забывал регулярно получать из России средства не только на содержание армии и образовательных учреждений Черногории, но и для себя лично. Его личная «русская стипендия» составляла 10 000 рублей в год (8,3 кг золотых монет!). Попытка Ю.А. Соловьева помешать проведению увеселительных мероприятий, выглядевших непристойно в день общероссийского траура, вызвала истерический приступ у пребывавшего в то время в Вене короля Николы, потребовавшего от Петербурга отозвать дипломата. Немало подобных выпадов в адрес России описано в объемном двухтомном труде российского военного агента в Цетинье Н. Потапова, который за годы, проведенные в Черногории, глубоко изучил особенности ее квази-государственности и пришел к следующему выводу: «Единственный выход для Черногории из того бедственного положения, в котором она находится, это присоединение после войны к Сер-

¹ Батрићевић Ђ. Црногорци у руско-јапанском рату. Цетинье, 1996.

² Соловьев Ю.А. Воспоминания дипломата 1893—1922. Москва, 1959. С. 161.

бии». Неудивительно, что российский военный атташе констатировал: «Король Никола и его наследник демонстрируют особую озабоченность в связи с информацией о намерении России осуществить политическое объединение Черногории с Сербией... — намерение, полезное для сербства, но неприятное для черногорской династии»¹. Уже 27 ноября (10 декабря) 1914 г. русский посланник в Черногории А.А. Гирс отмечал: «Не говоря о сербах королевства, для боснийцев, герцеговинцев, далматинцев и всех остальных сербов вхождение Черногории в состав Сербии вопрос окончательно и бесповоротно решенный»². Поэтому неслучайно, что поведение династии Петровичей во время Первой мировой войны ни в коей мере не соответствовало героизму черногорского народа. Показательна откровенность принца Данило в состоявшемся 31 августа 1915 г. разговоре с германским посланником в Афинах: «Его королевское высочество престолонаследник... умолял Его Величество Короля Греции похотатайствовать в Берлине и Вене, чтобы с Черногорией при заключении мира обошлись помягче. Его Высочество постоянно подчеркивал, что черногорская королевская семья оказалась вовлеченной в войну против своей воли. Особо неллицеприятные выражения были произнесены в адрес России и ее политики»³.

Вышеописанные события привели к тому, что, безотносительно симпатий российского общества и государственного аппарата ко всем славянским православным народам, именно Сербия накануне Первой мировой войны стала самым близким и верным союзником Российской империи на Балканах. Объяснялось это не одними симпатиями

¹ Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902—1915 гг. I—II. Москва—Подгорица, 2003. С. 713—715.

² «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств. (МОЭИ) Сер. III. 1914—1917, VI, 2. Москва—Ленинград, 1935. С. 206. О непростой, противоречивой ситуации, имевшей место, см.: Ракочевић Н. Црна Гора у Првом свјетском рату: 1914—1918, Титоград, 1969; Распоповић Р. Црна Гора и Русија: огледи и есеји. Београд—Подгорица, 2005; Живојиновић Д. Неволни ратници: велике силе и Солунски фронт: 1914—1918. Београд, 2010.

³ Митровић А. «Сучељење са средњоевропским империјализмом». Историја српског народа. VI, 2. Београд, 1983. С. 90. См. подробнее: Митровић А. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908—1918. Београд, 1981.

или политическими предпочтениями тогдашних сербских властей, «привязавших свой челн к большому русскому кораблю». Стремление сербского народа, разделенного границами Оттоманской и Габсбургской империй¹, к национальному воссоединению в одном государстве соответствовало геополитическим интересам Российской империи, желавшей положить конец германской экспансии на юго-восток в целом и на Балканах в частности. Еще одной целью было окончательное лишение Турции ее европейских владений, что позволило бы России получить контроль над проливами². В этих условиях продолжали развиваться многовековые церковные и культурные связи двух государств, активизировалось военное, культурное и научное сотрудничество. Зарождалось взаимодействие в области экономики.

М. Йованович в своем обобщающем труде, посвященном истории сербско-российских отношений, подчеркивает, что начало XX в. стало «временем нового сближения, интенсивного сотрудничества и российского покровительства Сербии (в марте 1910 г. король Петр I Карагеоргиевич первый официальный визит нанес именно России, а в августе 1911 г. дочь короля княгиня Елена вышла замуж за великого князя Иоанна Константиновича. Так Карагеоргиевичи породнились с Романовыми). Этот короткий отрезок интенсивного сотрудничества был переполнен событиями. Во многом это было вызвано тем, что интенсифицировался обмен информацией, в результате чего происходившее в Сербии и России вызывало живой отклик и в сербском, и в русском обществе. Наиболее важный комплекс проблем связан с периодом, непосредственно предшествовавшим началу Первой мировой войны. Из всего круговорота событий, наложивших отпечаток на российско-сербские отношения, выделяется безоглядная поддержка, которую в ключевые недели Июльского кризиса Россия и лично император Николай II оказали Сербии, подвергшейся мощному дипломатическому и политическому давлению со стороны Австро-Венгрии. Отвечая на послание регента Александра Карагеоргиевича, царь недвусмысленно дал понять: «Пока остается малейшая надежда избежать кровопролития, на это будут направлены все мои усилия.

¹ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије: 1914—1918. Београд, 1992.

² *Айрапетов О.Р.* «На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II». Последняя война императорской России. Москва, 2002. С. 158—261.

Но если, вопреки нашему искреннейшему желанию, нам не удастся добиться этого, пускай Ваше Высочество будет уверено, что Россия ни в коем случае не оставит Сербию». Искренность и последовательность Николая II подтверждается тем, что после объявления 28 июля 1914 г. Австро-Венгрией войны Сербии Россия провозгласила всеобщую мобилизацию. Германия использовала это как повод для начала военных действий. О напряженной атмосфере тех кризисных июльских дней говорит и тот факт, что российский посланник в Белграде Николай Генрихович Гартвиг умер от сердечного приступа, случившегося с ним после визита в австро-венгерское посольство¹.

Интересы России, вступившие в противоречие с австрийскими и более широкими германскими интересами в Сербии в начале XX в., были далеки от экономики². Это видно на примере наиболее масштабной российской инвестиции, результатом которой стало строительство делового центра «Страхового общества Россия». Красноречивые воспоминания об урбанистическом значении здания оставил Василий Штрандтман, описавший первый день своей службы в Белграде под руководством Н. Гартвига: «Встал я довольно рано, чтобы без спешки прогуляться до миссии. По пути, на площади Теразии я впервые увидел большое здание, в котором располагалась отель “Москва”. В 1906 г. его построило “Страховое общество Россия”, и в нем размещалась и канцелярия представительства этого общества в Сербии. Выдающееся по своим размерам, это здание отличалось от соседних домов, по большей части одноэтажных. На панораме Белграда, на месте впадения Савы в Дунай, выделялись колокольня Соборной церкви — символ веры, королевский дворец с тремя куполами — символ королевской власти и отель “Москва” — символ веры в Россию! В то время в сербской столице проживало около 70 000 жителей»³.

¹ *Јовановић М.* Срби и Руси, 12—21 век: историја односа. Београд, 2012. С. 92—94. См. подробнее: *Поповић Н.Б.* Србија и царска Русија. Београд, 2007.

² Особый характер российско-сербских отношений того времени и сегодня провоцирует произвести ревизию причин Первой мировой войны в современной историографии. Об этом см. подробнее: *Bjelajac M.* Novi (stari) zapleti oko uzroka prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. Godišnjice. Tokovi istorije, 1. Београд, 2013. С. 15—62.

³ *Штрандтман В.* Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009. С. 75. См. также: *Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914—1917 и руска дипломатија. Београд, 1994.

Это самое большое частное здание в довоенной Сербии (нынешний отель «Москва») построили на русские средства и с использованием новейших немецких технологий¹ российские архитекторы немецкого происхождения² Павел Бергштрессер и Владислав Карпович-Отон. Едва ли подобное вложение могло сравниться с традиционным австрийским экономическим влиянием в Сербии, даже с учетом того, что австрийское влияние уменьшилось в результате Таможенной войны 1906—1911 гг.³ Это вполне естественно, ведь западные Балканы с конца XVII в. и по настоящее время относятся в целом к зоне экономического влияния германских держав. Однако безотносительно неоспоримой цивилизаторской (чтобы не сказать, «культуртрегерской») коннотации экономических интересов Германии и Австрии на Балканах, эти интересы нельзя было отделить от политики *Drang nach Osten*⁴. Это влекло за собой определенные воинственные проявления, вызванные превосходством более мощного в хозяйственном отношении общества, воплощающего демографически успешную модель, как это было в случае с немцами и австрийцами до середины XX в. Озабоченная собственными стратегическими соображениями Россия во внешней политике Сербии и ее культурной жизни весьма часто играла роль полезного для сербов противовеса австро-германской мощи⁵.

Появление в Белграде в начале весны 1904 г. «Страхового общества Россия», строительство здания которого закончилось в 1908 г., во многом состоялось благодаря Светозару Вукадиновичу — быв-

¹ «Друштвено-политичке и културне везе 1878—1917», Москва—Србија, Београд—Русија: документа и материјали. III. Београд, 2012. С. 160—161; *Лопушина М., Лопушина Д.* Хотел Москва — првих 100 година. Београд, 2008. С. 13; УР 4009, 4010, 4011, Музеј града Београда.

² *Гаврилов С.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710—1918. Москва, 2011.

³ *Ђорђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије: 1906—1911. Београд, 1962.

⁴ *Писарев Ю.А.* «Германо-австрийские планы на Балканах в годы Первой мировой войны». Новая и новейшая история. 2. 1973.; *Волков В.К.* «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918. Москва, 1977. С. 62—83, 172—190.

⁵ *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. Москва, 1985.

шему директору Сербского пароходного общества. И это не было случайностью. В статье, посвященной открытию здания «Россия» (будущего отеля «Москва») ¹, корреспондент «Политики» с полным на то основанием увязал данную инвестицию с той ролью, которую известный русофил С. Вукадинович играл в Сербском пароходном обществе, конкурировавшем с Австрийским пароходством.

В конце XIX в. — начале XX в. Россия проявляла все более заметный интерес к участию в судоходстве по Дунаю. Тем не менее в российской историографии недостаточно отражена связь между стратегическими интересами на Балканах и деятельностью судоходных компаний того времени². И это не случайно. Тема, имевшая отношение к одному из ключевых направлений политики Российской империи, оставалась табуированной для советской науки (1917—1991). А после распада СССР Россия утратила выход к Дунаю, в результате чего кругозор ее историографии естественным образом сузился.

Следует пояснить эволюцию интересов Российской империи на Дунае. Ее войска несколько раз выходили на берег этой водной артерии в районе Измаила, Килии и Рени. Окончательно Россия получила статус придунайской державы после Бухарестского мирного договора 1812 г., установившего российско-турецкую границу по р. Прут. Когда Порта уступила России устье Дуная, тот стал открытым для свободного плавания гражданских судов всех стран. Активизация торговых отношений подтолкнула развитие двух речных портов — Измаила и Рени, которые Россия вынуждена была временно оставить после поражения в Крымской войне. Вернуть их удалось только после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Уже в 1881 г. вступило в силу «Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени». В соответствии с документом, русский князь, тогдашний государственный советник (генерал штатской службы) Юрий Гагарин (1846—1905) принял

¹ «Палата Русија — Како је постала палата Русија — Како изгледа? — Шта кошта?». Политика, 9 јануар 1908.

² *Баскин Ю.Я., Рыжиков А.И.* Дунайское судоходство и его правовой режим в XX в. Измаил, 1958; *Паламарчук С.В.* Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.

на себя обязательство «содержания посредством принадлежащего ему парохода “Ольга” правильного товаро-пассажирского сообщения...» Рейсы совершались раз в две недели. В 1883 г. появилось первое российское пароходное общество «Князь Гагарин и К^о», наладившее регулярное коммерческое сообщение между крупнейшим черноморским портом России Одессой и придунайскими городами Сербии, Болгарии и Румынии. Однако проект, имевший очевидную стратегическую коннотацию, перерос возможность частной компании Ю. Гагарина, которая в 1886 г. трансформировалась в акционерное общество «Черноморско-дунайское пароходство». О его успешном развитии говорит тот факт, что к 1902 г. оно располагало 12 пароходами водоизмещением в 2087 тонн. Для сравнения, Австрия организовала пароходство на Дунае в далеком 1830 г., а в 1880-х гг. (то есть в годы появления на Дунае первого русского парохода «Ольга») компания «Donaudampfschiffahrtsgesellschaft» имела в своем распоряжении более 200 пароходов и около 1000 грузовых барж¹.

Небольшое частное пароходство не могло выдержать конкуренции с таким гигантом, поэтому российское правительство выкупило акции «Черноморско-дунайского пароходства» и 10 марта 1903 г. основало «Российское дунайское пароходство». Как и уже существовавший «Доброфлот»², оно представляло собой коммерческую торговую флотилию, которая находилась в собственности государства и способствовала достижению его долгосрочных стратегических целей. Правление компании находилось в Санкт-Петербурге, а представительства — в Измаиле и крупных торговых центрах Российской империи (Москве, Лодзи, Варшаве). За границей — в Марселе и Гамбурге. Российское пароходство поддерживало сообщение между Одессой (Россия), Свиштовом (Болгария) и Кладово (Сербия), а также осуществляло прибрежное судоходство вплоть до Батума. Вслед за пароходством в Сербию пришли и российские инвестиции. В конце 1890-х гг. русские ми-

¹ Donau-Schiffahrts-Museum Regensburg Sonderband: 175 Jahre Erste Donaudampfschiffahrts-Gesellschaft 1829—2004. Regensburg, 2004.

² Волков А.Н. Добровольный флот России. — Морская коллекция. Моделлист-конструктор, 6 (96). Москва, 2007; *Дукельский В.* Добровольный Народный Флот (исторический экскурс). Московский журнал, 8. Москва, 2006.

нитарные акционеры появились в Сербском судоходном обществе, которое с начала XX в. координировало свою деятельность с Черноморско-дунайским пароходством¹. Очередным сербско-русским коммерческим начинанием стратегического назначения стало вызывавшее раздражение австрийцев и англичан² строительство железной дороги в юго-восточной Сербии, а также порта Прахово, движущей силой которого стал Иероним Павлович Табурно³.

Военное лихолетье 1910-х гг. выявило новое внеэкономическое значение коммерческих связей сербского и русского пароходств, а также использования сербских портов в интересах товарооборота между Россией и Европой. По этой линии происходила переброска оружия и военных материалов в Сербию⁴, а представительство Русского дунайского пароходства в Одессе напрямую осуществляло доставку и оплату сербских военных заказов. Не менее важным было использование судов компании для перевозки «военной контрабанды» — доставляемых из Франции в 1914—1915 гг. по железной дороге в порт Прахово из порта Салоник (в нейтральной Греции) стратегических грузов, необходимых для военной промышленности России. Корабли пароходства использовались для доставки военных грузов в Сербию и Румынию, а его представительства автоматически инкорпорировались в российскую разведывательную сеть на Дунае. Аналогичную военно-стратегическую задачу выполняли и конкуренты из «Donaudampfschiffahrtsgesellschaft». На Первую мировую войну пришелся пик российско-австрийского соперничества на Дунае, фактический контроль над которым, несмотря

¹ АС, МИД, ПО, ФV, 249–250; АС, МИД, ПО, ФV, 262–263; АС, МНП, П, ФХХIV, № 13/97.

² Antić Č. «Crisis and Armament: Economic Relations between Great Britain and Serbia», *Balkanica XXXVI*, 2006. С. 159—160; «Politische Übersicht, 17. Februar», *Laibacher Zeitung*, 19. februar 1912; *Штрэндман В.* Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009. С. 78, 111.

³ *Иероним Табурно* (1862–1913) — русский инженер, предприниматель, журналист, издатель газет. Осуществил проектирование ряда железных дорог в России (Сибирской, Северодонецкой и Руднично-Лозовской).

⁴ АС, МИД, Пс, П, ФI, p17/1912; АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, p49/1912; АС, МИД, Пс, П, ФI, p7/1913; АС, МИД, К-О, ФI, p2/1914; АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, p99/1915.

на международный статус речной артерии, в конце концов достался третьей стороне¹.

Анализ политики Российской империи на Балканах накануне Первой мировой войны позволяет определить ее приоритеты в регионе. К таковым относился доступ к коммуникациям, связывавшим рынки России и Центральной Европы, а именно к проливам и Дунаю. В качестве естественного противника выступала Австрия и ее союзники — Германия и Турция. Россия пыталась поддерживать близкие отношения с прочими балканскими государствами, с которыми ее связывала православная традиция. Однако преодолеть влияние Англии на Грецию и Австрии на Болгарию не представлялось возможным. Сомнения вызывала и внешнеполитическая ориентация черногорской династии, что побуждало Петербург, не отказывая в помощи народу и армии Черногории, взять курс на объединение Сербии и Черногории, как двух государств единого сербского народа.

Со своей стороны, Вена и Рим воспринимали возможное объединение Сербии и Черногории как угрозу собственной безопасности². В этих условиях главным союзником Петербурга на Балканах становился Белград. Их отношения поступательно развивались, с тех пор как к власти пришел пользовавшийся симпатиями в России Никола Пашич. Основой сближения стала общность российских и сербских стратегических целей³. В этих условиях для Сербии значение России как «защитницы от своевольной Турции и агрессивной Австро-Венгрии было неоспоримым»⁴.

В январе 1914 г. состоялся судьбоносный визит в Петербург престолонаследника Александра и премьера Н. Пашича. В ходе пе-

¹ При поддержке Великобритании Румыния оккупировала российскую провинцию Бессарабия, что положило конец российскому судоходству по Дунаю. Одновременно произошел «добровольный» переход акций австрийского пароходства в собственность английского акционерного общества «Danube navigation company», основанного в 1921 г. До 1924 г. английский капитал завоевал прочные позиции во всех остальных придунайских государствах: Чехословакии, Югославии, Болгарии и Румынии.

² Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. Москва, 1985. С. 239.

³ Поповић Н.Б. Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 74.

⁴ Штрэндман В. Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009. С. 77.

реговоров российское правительство, в ответ на просьбу сербской стороны, обещало выделить Сербии 120 000 винтовок, 250 000 шинелей, 60 полевых и горных орудий, а также иные военные материалы¹. По оценке посланника М. Спалайковича, оказанный делегации прием превзошел все ожидания. В плане оборонительных мер, который генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов (начальник военной разведки) представил царю и С.Д. Сазонову (глава российского МИД в 1910—1916 гг.), роль Сербии оценивалась как значительная. Переговоры о срочных военных поставках продолжились в мае. Данные приготовления носили последовательный оборонительный характер, так как и для России, и для Сербии попытка развязать войну летом 1914 г. стала бы авантюрой. Оба государства недавно пережили тяжелые военные потрясения, а их вооруженные силы активно реформировались².

Литература и опубликованные источники о русско-сербском военном сотрудничестве в годы Первой мировой войны

Разразившийся в 1914 г. конфликт следует рассматривать через призму его предыстории, а также в свете развития отдельных государств, имевших собственные интересы на Балканах. Поэтому в данном контексте необходимо учитывать и литературу, охватывающую более ранний период, который предопределил дальнейший ход событий, находящихся в центре нашего внимания³. Данный

¹ Практика отличалась от излишне оптимистических заявлений. Россия выделила лишь часть от обещанного. А сербская армия даже и не пыталась наладить координацию с командованием союзников в Париже или Петербурге. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Москва, 2012. С. 398.

² Виноградов В.Н., Карасев А.В. и Соколовская О.В. За балканскими фронтами Первой мировой войны. Москва, 2002. С. 13.

³ О более ранних этапах русско-сербского военного сотрудничества см.: У српској историографији ранијом историјом руско српске војне сарадње су се бавили Ј. Драгашевић, Д. Динић, В. Максимовић. У савременој историографији за ову тему од посебног значаја су монографије Д. Вуксановић-Анић, Стварање модерне српске војске. Београд, 1993; Р. Љушић, Кнежевина Србија (1830-1839). Београд, 1986.

очерк, конечно, не претендует на исчерпывающее описание историографии и является скорее путеводителем для читателя, которого данная тема привлечет более детально. В качестве общих обзорных работ стоит указать на появившиеся недавно обзоры истории Сербии (Югославии) в XX в. и Первой мировой войны, вышедшие из-под пера ведущих российских специалистов в этих областях¹.

Темой российских интересов на Балканах, напрямую или опосредованно, занимались многие авторы. В центре их внимания было стремление России овладеть Константинополем и проливами, что позволило бы ей контролировать Балканы, Малую Азию, а также увеличить свой вес в Средиземноморье. Столкновение интересов великих держав затрагивало и находившиеся в зоне их влияния малые государства, оказывавшие на процесс собственное воздействие и артикулировавшие свои претензии. И то и другое — причина масштабной политической игры, особенно во время Первой мировой войны. Результаты этой игры, особенно применительно к Сербии, разумеется, зависели, в первую очередь, от российских планов и запросов, а также от договоренностей союзных держав. Само это подразумевает важность анализа политики России в отношении проливов и в целом Османской империи на всем протяжении XIX в., поскольку иначе невозможно понять ее роль в процессе освобождения балканских народов и достижения ими независимости².

Предтечей российско-сербских отношений в начале XX в. стали духовные связи двух народов, которые можно ретроспективно проследить начиная с XII в. Со временем менялась структура и интенсивность этих отношений, которые носили преимущественно культурный характер. Впоследствии они также приняли форму политического и военного сотрудничества. Как пишет Мирослав Йованович в своей обобщающей работе («Срби и Руси, 12—21 век — историја односа»), из-за всех великих держав именно с Рос-

сией сербы поддерживали наиболее продолжительные и значимые связи¹. Интересующая нас тема представлена и в появившемся на свет при участии этого безвременно ушедшего автора сборнике документов «Москва — Сербия, Белград — Россия: документы и материалы. Том 3. Общественно-политические и культурные связи 1878—1917» (Белград, 2012). Это издание, вместе с первыми двумя томами, в которых освещены периоды с XII в. по XVIII в. и с XVIII в. по XIX в., представляет собой наиболее объемный по хронологическим рамкам и числу документов сборник свидетельств о связях двух народов.

Предыстории великого конфликта на Балканах посвящена коллективная монография «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (В.Н. Виноградов, А.В. Карасев и О.В. Соколовская), в которой идет речь о международных отношениях с середины XVIII в. до конца Первой мировой войны. При этом балканские государства предстают не сателлитами, а субъектами международного права. Особое внимание уделяется политике России на Балканах во время Первой мировой войны, а также послужившему ее причиной стремлению Германии подчинить себе полуостров. Несмотря на то, что великие державы обладают мощью, позволяющей им направлять мировую политику, малые государства представляют собой источник существенных проблем. Поэтому от них исходит инициатива, их можно считать опосредованными творцами великих событий. Так и было в случае с интересующими нас балканскими перипетиями². С момента обретения политической самостоятельности Сербия стремилась и к хозяйственной независимости — как от Турции, так и от Австро-Венгрии. Экономические, а следовательно, и политические интересы последней простирались через Балканы до Салоник. В областях Рашка и Косово притязания Монархии вступали в противоречие с интересами Сербии, которая тоже желала обрести выход к Адриатике и Эгейскому морю³. Долгое время эко-

¹ Шемякин А.Л. Югославянские народы и государства в начале XX в. Сербия. Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. Москва, 2011; Айранетов О.А. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). Т. 1. 1914. Начало. Том. 2. 1915 год. Апогей. Москва, 2014.

² Кинятина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). Москва, 1994.

¹ Јовановић М. Срби и Руси, 12—21 век: историја односа. Београд, 2012.

² Там же.

³ Џевић Ј. Излазак Србије на Адрију. Београд, 1913; Џ. Ђорђевић. Излазак Србије на Јадранско море и Конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956; Милићевећ М. Пруга ка Јадрану: кратка историја железничке кампање Србије за продор на Јадранско море. Београд (Приштина-Лепосавић), 2007.

номика слабо развитой Сербии полностью зависела от огромного соседа, который поглощал почти весь ее экспорт и служил основным поставщиком промышленных товаров. Осуществление планов Дунайской монархии подразумевало подчинение экономики сербского государства, которое, одновременно, лишалось простора для политического маневра. Однако Таможенная война 1906—1911 гг. между Белградом и Веной показала, что Сербии в результате переориентации хозяйства и развития собственной промышленности удалось отвоевать свое место в европейской экономической системе. В этом свете аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. была продиктована не только экономическими интересами, но и намерением оказать давление на Сербию, поставив барьер на пути реализации ее основных внешнеполитических устремлений. Этой теме посвящена работа Д. Джорджевича о Таможенной (т.н. Свиной) войне Австро-Венгрии и Сербии 1906—1911 гг. Конфликт между «Давидом» и «Голиафом» углублялся и обострялся по мере того, как, с одной стороны, получала все большее распространение югославянская идея и, с другой, активизировалась австрийская империалистическая политика на Балканах. Развязка противостояния интересов двух держав, уходившего корнями в XIX в., произошла во время Первой мировой войны 1914—1918 гг.¹

Я.В. Вишняков в своей монографии «Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века» освещает военную тематику, а также изучает воздействие военного фактора, а точнее, офицерского корпуса, на ситуацию в Сербии до начала Первой мировой войны. Из политических событий особое внимание автор уделяет Майскому перевороту 1903 г. и Боснийскому кризису 1908 г. Не осталось без внимания и огромное, чаще всего негласное влияние, оказываемое Австро-Венгрией на события в Сербии. Примером может служить достигнутое путем различных афер ухудшение отношений между Сербией и Черногорией. Заметим, что Австро-Венгрии (тогдашнему прообразу современного Европейского союза) не по нраву было любое улучшение взаимоотношений между славянскими народами, шла ли речь о сербо-хорватских, сербо-болгарских, польско-украинских, польско-русских или

¹ *Ђорђевић Д.* Царински рат Аустро — Угарске и Србије 1906—1911. Београд, 1962.

украинско-русских контактах. С.Д. Сазонов в аннексии Боснии и Герцеговины, а также в едва ли не одновременном с этим провозглашении Болгарии царством видел одно лишь желание Вены нарушить систему международных договоров и желание ослабить Сербию (как главного союзника России на Балканах того времени)¹. Все это соответствовало целям австрийского империализма. Они отнюдь не ограничивались Балканами, где вступали в противоречие с интересами Сербии и ее союзника России. Было ясно, что это только первый шаг, за ним последуют и другие. Поэтому через призму такой тенденции надо рассматривать и события, которые произошли несколькими годами позднее — в момент начала войны в 1914 г.

Накануне Первой мировой войны произошло новое обострение проблемы проливов, обусловленное крупными событиями (Боснийским кризисом, итальянско-турецкой войной, Балканскими войнами), а также миссией Лимана фон Сандерса в Константинополе (которую исследует Ю.В. Лунева), и развивавшееся в рамках, оговоренных в англо-русском соглашении 1907 г.² Изменению режима проливов в пользу России, без которого русский флот и дальше оставался бы «запертым» в Черном море, противились не только Центральные державы, но и Англия. Англия стремилась к установлению нейтрального статуса проливов. При этом в случае их открытия для всех кораблей опасность грозила бы России не столько со стороны малых государств — Румынии и Болгарии, сколько от Германии, стремившейся к монопольным правам на Багдадскую железную дорогу, а также от Великобритании, пытавшейся сохранить гегемонию в Средиземноморье и Персии. Позиция Берлина и Лондона препятствовала урегулированию проблемы проливов, которая обострялась во время крупномасштабных кризисов и конфликтов. Если бы Турция и Румыния вступили в Балканский союз, Сазонов предпочел бы, чтобы проливы остались под протекторатом Турции, а Россия и прочие черноморские государства получили право на проход флота. Не устранив этих противоречий, великие державы вступили в Первую мировую войну.

¹ *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Москва, 2012.

² *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). Москва, 2010.

Конференции великих держав (России, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Австро-Венгрии) в Лондоне и Бухаресте, которые различались по характеру и обсуждаемым на них проблемам, беспрестанно затрагивали этот вопрос, считаясь, разумеется, лишь с собственными интересами этих держав, без внимания к чаяниям балканских народов¹. Анализ политики европейских государств на Балканах представлен в книге маститого российского ученого Ю.А. Писарева. Автор раскрыл империалистические цели Германии и Австро-Венгрии, в то же время реконструируя политику России в Юго-Восточной Европе и вклад ее дипломатии в создание Балканского союза. Исходя из этой монографии, можно прийти к обоснованному выводу о том, что через Балканы проходил путь в Переднюю Азию, а Сербия представляла собой «ворота Балкан», и стало причиной превращения полуострова в «пороховой погреб», а сербов — в его «фитиль».

Германская политика эпохи империализма и, в частности, ее восточное направление оказывали большое влияние на ситуацию в Европе. Воздействие на общественно-политическое развитие государств и народов Восточной и Юго-Восточной Европы, а также реакцию различных общественных слоев на германскую опасность рассмотрел В.К. Волков в монографии «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918». Основное внимание в работе уделено общим сферам интересов, которые оспаривали друг у друга Петербург и Берлин. Поэтому главным объектом «внимания» Германии автор считал Россию с Польшей, а также Балканы и Турцию. Экспансия немецкого капитала на восток стала, по В.К. Волкову, локомотивом политики колониализма, осуществляемой в интересах буржуазии (немецкая монополия в Багдадской железной дороге, защита Турции, в которой сильны были позиции немецкого капитала). Проследив эволюцию политики *Drang nach Osten* с момента ее зарождения в 80-е гг. XIX в. вплоть до окончания Первой мировой войны, автор рассмотрел, насколько она влияла на прочие государства, к каким действиям их подталкивала. Так, Берлин поддерживал Вену в ее стремлении к экспансии в южном направлении. При этом германское руковод-

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. Москва, 1985. С. 239.

ство полагало, что Австро-Венгрия, в силу своей слабости, будет слепо следовать его рекомендациям. И действительно, война началась именно тогда, когда Германия сочла, что наступило время продемонстрировать свое техническое превосходство над противниками. В частности, над Россией, которая только приступила к военной реформе¹.

Тем же сюжетам — восточному направлению германской и австрийской империалистической политики — посвящена работа Андрея Митровича «Прорыв на Балканы. Сербия в планах Австро-Венгрии и Германии 1908—1918 гг.». Автор, анализируя стратегический аспект германской и австро-венгерской политики в отношении Сербии, пришел к выводу о том, что готовность к разрушению сербской государственности и в целом к покорению Балкан сформировалась у обеих держав еще во время аннексии Боснии и Герцеговины. Проникнув на Восток — на Балканы и в Переднюю Азию, — Германия обзавелась бы территориями, экономическая эксплуатация которых позволила бы ей претендовать на мировое господство. Сербии предстояло первой принять удар. В свою очередь Австро-Венгрия стала сторонником этой политики, чтобы путем аннексии государств на ее южных границах решить собственные внутренние проблемы².

Коллективная монография «До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе» посвящена важному фактору — лидерам, роль которых в условиях кризисной обстановки Балкан была значительной. Среди политических вождей, предопределивших ход событий на Балканах и в Восточной Европе в первой трети XX в., были Элефтериос Венизелос, болгарский царь Фердинанд, румынский король Фердинанд I, Степан Радич, Антон Корошеч, Александр Карагеоргиевич, Никола Пашич, Исмаил Энвер-Паша, Роман Дмовский, Миклош Хорти, Пал Телеки, Томаш Масарик, Иоан Братияну и т.д. Статью «Король Югославии Александр Карагеоргиевич» написал А.А. Силкин; «Никола Пашич: на стыке унитаристских

¹ Волков В.К. «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918. Москва, 1977.

² Митрович А. Прорыв на Балкан. Србија у плановима Аустро — Угарске и Немачке 1908—1918. Београд, 1981.

и федералистских устремлений» — А.Л. Шемякин¹. Объединяет всех вышеперечисленных балканских лидеров одно — следование национальному идеалу. Через эту призму каждый из авторов и рассматривает своего героя.

Никола Пашич, как центральная фигура сербской политики довоенного и военного времени, занимает соответствующее место в большинстве работ, посвященных этой политике. Об отношении сербского премьера к союзникам, обусловленном военными целями Сербии и интересами создания Югославии, идет речь в книге Джордже Станковича «Никола Пашич, союзники и создание Югославии» («Никола Пашић, савезници и стварање Југославије»). В исследовании представлено видение государственным деятелем союзнических отношений и политической ситуации, приведшей к войне. По мнению автора, причиной войны Пашич считал соперничество двух блоков и стремление Австро-Венгрии к уничтожению малых народов, необходимостью защиты которых объясняли свои действия члены Антанты. Этой риторике они придерживались с Июльского кризиса до конца войны. Что касается Пашича, то он только в 1917 г. заявил, что к ней привело стремление Австро-Венгрии положить конец югославянскому движению. Если бы эти слова прозвучали ранее, в них углядели бы сознательное намерение начать войну с Австро-Венгрией, что неминуемо подорвало бы репутацию Сербии как малого государства, нуждающегося в помощи союзников. Интересно отметить и тот факт, что это произошло после крушения императорской России, единственной среди великих держав последовательно поддерживавшей расширение Сербии до ее этнических границ, а не создание смешанного государства католиков и православных. Стоит отметить, что формально Россию и Сербию не связывали союзнические обязательства, а статус Сербии как члена союзнической коалиции не признавался ни в одном из ее учредительных документов. Поэтому Белград не мог присутствовать на переговорах Антанты. Что еще важнее, ни одно из соглашений, подписанных союзниками, не гарантировало Сербии достижения какой-либо из ее военных целей. Это дало возможность союзникам «торговать» территориями как самой Сербии, так и

¹ До и после Версая: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Москва, 2009. С. 6–29, 30–63.

теми, на которые она претендовала, дабы привлечь на свою сторону нейтральные балканские государства и Италию. Отсюда — постоянные трения, угрозы и давление, которому Белград сопротивлялся, невзирая на возможные последствия. Пашич твердо стоял на том, что Македония, будучи стратегически важной территорией («У кого в руках Македония, тот контролирует все Балканы»), остается неотъемлемой частью Сербии. Не могло быть и речи о передаче ее Болгарии, которой Пашич нисколько не доверял. Отказ от собственных территорий в обмен на ничем не подкрепленные обещания Боснии и выхода к морю опытный сербский политик считал неоправданным риском. Помимо македонской существовала и проблема Далмации, большая часть которой должна была отойти Италии, в соответствии с Лондонским договором. Ни один из сербских представителей не только не присутствовал на его подписании, но и не был осведомлен о его условиях или переговорах, ему предшествовавших. Те же трудности имели место и в случае с Румынией, за которой признавалось право на Банат. При этом Сербия оставалась даже без защитного пояса вокруг Белграда. В то же время Пашич понимал, что Сербия полностью зависит от союзников и их финансовой помощи, что без них она не сможет решить ни одной из стоявших перед ней собственно внутрисербских задач, к которым относилось урегулирование отношений с Албанией, Черногорией и македонскими сербами. Вышеприведенные примеры дипломатической «торговли» показывают, какое место занимала Сербия в отношениях союзников, и каковы были причины тех или иных действий отдельных держав¹.

Попытка обобщения сербско-русских отношений, начиная с XII в., сделана в монографии Николы Б. Поповича «Сербия и царская Россия»². Наиболее весомой в монографии получилась та ее часть, которая относится к истории взаимоотношений эпохи их расцвета (в начале XX в.). Фактически эти главы об истории отношений двух государств во время Первой мировой войны стали развитием докторской диссертации Н.Б. Поповича, опубликованной за 20 лет до этого. Степень близости Сербии и России, как справедливо полагал

¹ Станковић Ђ. Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995.

² Поповић Н.Б. Србија и царска Русија. Београд, 1994.

автор, зависела от того, в какой мере сербские интересы совпадали с российскими. Двустороннее сотрудничество осуществлялось, в силу этого, на военном поприще — как в области попыток согласования войсковых операций, так и в поставках вооружения из России, которые продолжались вплоть до падения Сербии. По мнению Н. Поповича, в этом плане Россия и оказала Сербии наибольшую помощь. Главной политической проблемой оставалась позиция нейтральных государств. Перечисляя усилия, направленные на их привлечение на сторону Антанты, автор оценивает, в какой степени действия России совпадали с целям Сербии. Именно стремление к достижению военных целей (укрепление единства южнославянских народов и, в едином государстве, всех населенных сербами территорий — для Сербии; освобождение Константинополя и контроль над проливами — для России) определяло характер двусторонних отношений. Для Сербии таковой было создание крупного государства, способного самостоятельно за себя постоять. В этом свете, по мнению сербского историка, Сербия была заинтересована в присутствии на Босфоре России, способной нейтрализовать претензии Румынии и Болгарии¹.

В первый год войны военное сотрудничество двух государств развивалось на фоне озвученных Россией и другими союзниками в адрес Сербии требований начать наступление в Албании, а также перейти Саву и Дунай, дабы отвлечь на себя силы противника. Подобные действия не противоречили сербским военным целям, но они оставались нереализуемыми по причинам военно-стратегического характера. Поэтому во время Июльского кризиса 1914 г. Сербия отказалась предоставить великим державам право определить ее участь. Опасаясь болгар, сербы не решались оголить тыл и двинуться на север. Со своей стороны, Россия искренно верила, что Болгария не предаст славянства и не выступит против своей освободительницы — России. С другой стороны, сербы, наученные горьким опытом 2-й Балканской войны, считали лучшим способом решения проблем с Болгарией превентивную высадку там российских войск и установление лояльного интересам православного славянства режима. Россия предоставляла Сербии

¹ Поповић Н.Б. Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914—1918). Београд, 1977.

материальную помощь вплоть до 1916 г. Петроград не участвовал в реорганизации сербской армии на Корфу, однако сербское руководство по-прежнему рассчитывало на его помощь. В это время в России формировался Сербский добровольческий корпус. Россия поддерживала сербские требования, адресованные союзникам, а также сама намеревалась возобновить военную помощь, в отличие от Великобритании и Италии, заинтересованных в ослаблении Сербии. Несмотря на экономические проблемы в обоих государствах и на отсутствие между ними экономических связей, Россия оказала Сербии наибольшую экономическую помощь. По мнению Н. Поповича, российские кредиты Сербии по своим объемам не уступали союзническим.

Н. Попович не обошел своим вниманием и дипломатические игры, значительная часть которых велась вокруг привлечения Болгарии на сторону Антанты. Россия стремилась к паритету сил между Сербией и Болгарией и, соответственно, к восстановлению Балканского союза, способного воспрепятствовать германской экспансии на Восток. Болгарии в этих планах отводилась роль базы, с которой можно было осуществить захват Константинополя и проливов. Союзники обещали Софии часть сербской Македонии, а Сербии, в качестве компенсации, — населенные сербами австрийские территории (Срем, Боснию и Герцеговину), а также выход к Адриатическому морю. Здесь Россия и Сербия расходились. Противоречила попыткам объединения сербов и хорватов в едином государстве политика союзников по задабриванию Италии, которой обещали австрийские территории Далмации, Истрии, Триеста и Валоны, населенные хорватами и итальянцами. В соответствии с югославянскими амбициями Белграда, Петроград противился расширению Италии, однако не был в этом последователен. Неопределенность по вопросу сохранения Австро-Венгрии не позволяла Российской империи решительно поддержать революционное движение проживавших в ней южных славян. Проблема Баната также осложняла отношения Сербии (и России) с Румынией, которая, в свою очередь, оспаривала у Австро-Венгрии Трансильванию. Отвергая вплоть до середины 1915 г. румынские претензии на территории, простиравшиеся до Дуная и Тисы, Россия в конце концов отступила. В качестве компенсации союзники пообещали сербам расмо-

треть их югославянские планы. Отсутствовал консенсус и по греческому вопросу. С одной стороны, Англия и Франция стремились к усилению Греции, как конкурента России в ее борьбе за проливы. Видела свою выгоду в усилении Греции (как союзника в противостоянии с Болгарией) и Сербия. Интересно, что Сербия была даже готова уступить грекам свои территории — Струмицу, Дойран и Дойранский треугольник. Россию же вполне устраивал нейтральный статус Греции без потенциальных приращений ее территории в Европе, с возможными компенсациями в Азии, до которых дело могло дойти лишь в конце войны. Проблема открытия фронта на Балканах также разделяла членов Антанты. Великобритания и часть французских военных кругов считали, что западный фронт главный, и не стоит распылять силы. России этот новый фронт был нужен, чтобы разгрузить свой собственный. После разгрома Сербии главной задачей сербской дипломатии было выяснить, каковы ее позиции в России. Во время визита Пашича в Петроград Сазонов уверял его, что российское правительство поддерживает восстановление Сербии и ее объединение с югославянскими территориями из состава Австро-Венгрии. Союзники были крайне озабочены вопросом, чьими сателлитами станут государства, которые возникнут на руинах Австро-Венгрии. В силу этого Россия была обеспокоена вступлением в войну Италии, аппетиты которой на Адриатике поощрялись Францией и Великобританией. Внушала опасение и будущая ориентация югославянского государства, в котором окажется большое число прозападно настроенных католиков. Вообще стоит отметить, что видимая противоречивость политики России по вопросу о будущем Сербии — т.е. поддержка идеи построения Сербии, как государства всех сербов, или Югославии, как единого государства всех югославян — остались вне рамок монографии Н. Поповича. Значительную роль в этом, вероятно, сыграло то, что оба издания его работ вышли в период существования Югославии. Говорить в то время о том, что Россия занимала двойственную политику по вопросам о единстве югославянских народов, было сложно. К сожалению, пока нет еще работ, которые рассмотрели бы генезис этой двойственности и ответили бы на вопрос, бывший фигурой умолчания в старой югославянской и советской историографии: почему твердые консерваторы в руководстве МИД Российской импе-

рии были сторонниками единства сербских земель, но прохладно относились к идее сербско-хорватского государственного единства (т.е. к идее Югославии). И почему либералы и сторонники Англии в российском императорском МИД к идее Югославии были столь трепетно привязаны, что они и доказали после февраля 1917 г.?

Отдельную тему представляет собой организация Сербского добровольческого корпуса в России, численность которого достигала 40 000 человек. Составленный из пленных солдат австро-венгерской армии — сербов и прочих славян — корпус в определенный момент стал единственным возможным источником пополнения сербской армии. В подготовленном Н.Б. Поповичем сборнике документов «Югославянские добровольцы в России, 1914—1918» (*«Југословенски добровољци у Русији 1914—1918»*)¹) содержится немало документов, описывающих процесс создания корпуса, раздиравшие его внутренние противоречия, «диссидентское» движение, а также проблемы, связанные с его использованием. Существование корпуса, в котором большинство составляли сербы, хорваты, словенцы и чехи, послужило для сербского правительства аргументом в переговорах об объединении южных славян. В то же время документы отражают и обратную сторону всего этого процесса. Речь идет о разногласиях, возникших в корпусе на религиозной и национальной почве, в частности, между хорватами-солдатами и сербами-офицерами. Россия начала проявлять интерес к корпусу только после поражения Сербии, руководству которой пришлось согласиться на то, чтобы использовать его не на Салоникском фронте, а в Добрудже.

Проблеме открытия и развития Салоникского фронта посвящена книга Драголюбa Р. Живоиновича². Очевидно, что планы и интересы Великих держав в связи с Салоникским фронтом не совпадали. Сербская армия, находившаяся вдалеке от родины, полностью зависела от воли союзников. Единственным источником ее пополнения оставались добровольцы. Автор полагает, что сербы использовались как пушечное мясо, которое союзники бросали в

¹ Поповић Н.Б. Југословенски добровољци у Русији 1914—1918. Београд, 1977.

² Живоиновић Д.Р. Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914—1918. Београд, 2008.

бой, чтобы проложить себе путь через позиции противника. Он также констатировал несовпадение интересов Сербии и различных держав Антанты. Автор отметил, что Россия отказалась от греческой помощи в связи с Константинополем, т.к. в целом Сазонов понимал, что Англия стремится отвлечь балканские государства от России. Надеясь на исход Дарданелльской операции, Англия могла надеяться на нейтралитет Болгарии и решение балканской проблемы. Альбион вытеснял Россию с Балкан. В то же время англичане обвиняли Петроград и упрямых сербов за потерю Болгарии. Большинство западных генералов не сомневались, что исход войны решался на западном фронте, где следовало сосредоточить все силы, в результате чего задерживали открытие фронта на Балканах. Тем не менее Франция и Россия связывали с ним определенные надежды. Живоинович считает, что Петербург полагал, что сначала надо решить балканский вопрос, а затем добиваться перелома на западном фронте¹.

Андрей Митрович в монографии «Сербия в Первой мировой войне» («Србија у Првом светском рату») писал о ситуации в Сербии, ходе войны и военных операциях. Меньше внимания он уделял внешним факторам и международным отношениям, а также дипломатии и интригам, связанным с интересами великих держав².

Военные цели Сербии подробно рассмотрел Милорад Экмечич³. Исходной причиной споров по поводу формулирования этих целей сербским руководством автор считает не столкновение националистических идеологий балканских государств, в том числе и Сербии, а противодействие великих держав реализации югославянского проекта. Автор полагает, что каждая великая держава заинтересована в существовании некоей территории нестабильности, на которой бы она, в подтверждение собственного статуса, осуществляла арбитраж, и, по его мнению, Россия такой территорией считала Балканы. Стремление к проливам, поначалу не столь явное, все же было главным фактором политики России, что проявилось в формулировании ее военных целей и предложений, озвучиваемых

¹ Живоиновић Д.Р. Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914—1918. Београд, 2008.

² Митровић А. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984.

³ Екмечић М. Ратни циљеви Србије: 1914—1918. Београд, 1992.

на международной арене. По мнению академика Сербской академии наук, из балканских государств конкуренцию России могла бы составить Болгария, а из союзников — Англия. Однако для последней усиление России было меньшим злом, ведь Германия уже прочно обосновалась в Турции. И в то время как судьба Турции была уже решена, отношение к проблеме сохранения Австро-Венгрии в ходе событий изменялось. В 8 из 13 пунктов составленной российским МИД программы интересов России в Мировой войне говорилось о сохранении Монархии, в составе которой, помимо Австрии, оставались бы Венгрия и Чехия. Сербии достались бы Босния и Герцеговина, сербская часть Далмации и северная Албания. Болгария получала Македонию. В дальнейшем стала созреть идея раздела Австро-Венгрии, осколки которой, наряду с остальными, достались бы новосозданной Югославии и независимому венгерскому государству. Британцы, опасаясь создания крупного славянского государства — потенциального союзника России на Балканах, — поддерживали итальянские требования в Далмации. В ходе переговоров в Лондоне верх одержала именно английская позиция. Югославянский вопрос стал актуальной политической проблемой в период обострения итальянского и болгарского кризисов, что и вызвало многочисленные затруднения в процессе его урегулирования. По мнению автора монографии, Россия не сразу поддержала создание Югославии, беспокоясь, как бы та не стала чрезмерно самостоятельной и не подорвала бы репутацию России как освободительницы балканских народов¹. Словом, ключевой вопрос о генезисе и динамике русской позиции по вопросу о сербском / югославском государстве также, вероятно, интересовал автора, но связывать его с идеологическими и политическими колебаниями внутри российского МИД он не стал. Чтобы понять всю сложность и остроту внутренних противоречий в определении внешней политики России в годы Первой мировой войны, достаточно упомянуть лишь один факт. Глава МИД России Б.В. Штюрмер, смещенный в ноябре 1916 г., после переворота февраля 1917 г. был арестован и умер в Петропавловской крепости. С другой стороны, его наследник и последний глава императорского МИД Н.Н. Покровский

¹ Екмечић М. Ратни циљеви Србије: 1914—1918. Београд, 1992.

в апреле 1917-го возглавил Русско-Американский комитет содействия экономическому сближению России и США и был новыми властями всячески обласкан.

Непосредственно о русско-сербском военном сотрудничестве в годы Первой мировой войны или в целом о политике России на Балканах в 1914—1918 гг. было написано сравнительно мало. Концептуально, мотивы и методологию анализа русской политики на Балканах в годы Первой мировой войны лучше всего, по нашему мнению, дает сборник статей под редакцией О.Р. Айрапетова «Последняя война императорской России». Мы имеем в виду две статьи: статью (а фактически мини-монографию) О.А. Айрапетова — «На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II» и статью М. Йовановича — «Умереть за Родину — Первая мировая война, или Столкновение “обычного человека” с тотальной войной»¹. Что же касается монографического обзора непосредственных связей двух стран в годы войны, то таких работ нам удалось обнаружить не много. В период между двумя мировыми войнами появилось две важнейших монографии по этой тематике. Военно-стратегическая сторона событий на Балканском фронте (от предвоенной ситуации до конца войны) была освещена в книге Н.Г. Корсуна. Свои лаконичные выводы о военных действиях на Балканском полуострове автор подкрепил значительным объемом источников. Отдельные главы монографии посвящены Сербии². О русских солдатах, отправленных на Французский и Салоникский фронты, рассказывается в книге Ю.Н. Данилова³. Книга снабжена приложениями в виде документов французских архивов, проливающих свет на судьбу четырех отрядов, командированных на помощь союзникам. Два — во Францию и два — в Македонию. Тематика эта привлекала и других авторов межвоенного периода⁴. Важным дополнением по этой теме можно назвать синтез воззрений австрийско-

¹ Айрапетов О.Р. Последняя война императорской России. Москва, 2002.

² Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. Москва, 1939.

³ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918. Париж, 1933.

⁴ Валентинов В. Русские войска во Франции и Салониках. Военно-исторический сборник, выпуск 4. Москва, 1920; Головин Ю.Н. Русские войска во Франции и на Салоникском фронте. Париж, 1933.

го офицера О.Р. Вульфа «Австро-Венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914—1918», также опубликованный еще до Второй мировой войны. Автор служил в составе этой флотилии с момента объявления войны вплоть до краха империи Габсбургов в 1918 г. Поэтому это исследование носит отпечаток мемуаристики и позволяет взглянуть на события глазами неприятеля¹. Современная австрийская историография проблемы позволяет дополнить этот взгляд².

В новейшее время данную тему продолжил еще ряд авторов. Это, в первую очередь, Г.И. Шевцова, которая занимается благородной и кропотливой деятельностью по реконструкции российской гуманитарной помощи Сербии в войнах начала XX в.³ К сожалению, до сих пор нет специального исследования, посвященного российской Экспедиции особого назначения на Дунае. Тем не менее Экспедиция упоминается в нескольких работах. В частности, в статье М. Йовановича «Ленинским курсом: как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914—1915)», опубликованной в тематическом, «Дунайском», номере исторического журнала «Родина» за ноябрь 2010 г. М. Йованович писал о вкладе участников Экспедиции в оборону Белграда в первые годы войны и в целом о российской помощи, которая оказывалась как в виде кредитов и поставок оружия, так и посредством лоббирования сербских интересов в Париже и Лондоне. Все материалы и персонал переправлялись по Дунаю. В том же номере опубликован и интереснейший очерк В.Б. Каширина «Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко», в котором идет речь об участии русских в обороне Белграда. Перу Каширина принадлежит и еще одна ключевая статья, посвященная одному из аспектов рассматриваемой исторической проблемы, а именно деятельности русского военного агента в Сербии в 1914—1915 гг.⁴

¹ Вулф О.Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. Санкт-Петербург, 2004. Это репринтное издание довоенной работы.

² Prasky F. Die Donaumonitoren Österreich-Ungarns. Von 1872 bis zur Gegenwart. Wien-Graz, 2004; Pawlik G, Christ H., Winkler H. K.U.K. Donauflotte. 1870—1918. Graz, 1989.

³ Шевцова Г.И. Россия и Сербия: Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). Москва, 2010.

⁴ Каширин В.Б. Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде. Русский сборник. III. Москва, 2006.

При столь скромном внимании историографии к данной теме число опубликованных источников по рассматриваемому нами вопросу еще более малочисленно. Единственным исключением стоит назвать уже упоминавшуюся публикацию в журнале «Родина», сделанную В.Б. Кашириным.

Единственный сборник документов по вопросу о боевом братстве России и Сербии в годы Первой мировой войны принадлежит уже упоминавшемуся авторитетнейшему исследователю сербско-русских связей Н. Поповичу, который, впрочем, сконцентрировал свое внимание лишь на одной из составляющей этой проблемы. Н. Попович обратился к судьбе плененных австрийских военнослужащих-славян, объединенных в сербский добровольческий корпус¹. В этом контексте стоит отметить и монографию, ставшую продолжением исследования автором этой темы и посвященную судьбе тех югославян, которые остались в России после революции и участвовали в военных действиях и прочих событиях 1918—1921 гг.² Югославы, воевавшие на обеих сторонах, были разбросаны от Одессы до Владивостока. Одержав победу, большевики позаботились о том, чтобы до потомков дошла их версия истории Гражданской войны. Поэтому о югославянах в Белом движении известно намного меньше, что делает работу Н. Поповича крайне интересной для русского читателя. Остается лишь посетовать на то, что эта книга до сих пор не переведена на русский язык.

Есть и более всеохватывающие сборники документов по интересующему нас периоду. Стоит начать с обширного сборника «Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг.: Серия 3. 1914—1917: [Т. 1—10]». Сербия обильно представлена в этом сборнике. Очевидно при этом, что дипломатические документы доминируют в сборнике, а сам прикладной военный аспект находился вне фокуса авторов этого сборника.

Из свидетельств участников и очевидцев событий, прежде всего обычных людей, упоминания заслуживают следующие сборники:

¹ Поповић Н. Југословенски добровољци у Русији 1914—1918. Београд, 1977.

² Поповић Н.Б. Срби у грађанском рату у Русији 1918—1921. Београд, 2005.

«Добровольцы в войнах 1912—1918 гг. — пережитое и воспоминания» («Добровольци у ратовима 1912—1918. — доживљаји и сећања». Београд, 1971), изданный под редакцией Радивоја Кашанина; «Сербия в войнах — воспоминания» («Србија у ратовима — сећања». Београд, 1958) под редакцией Живана Живановича; «Агония Белграда в Мировой войне» («Агонија Београда у светском рату». Београд, 1931), опубликованный группой выживших защитников Белграда в 1914—1915 гг.; двухтомный труд «Голгофа и воскресение Сербии» («Голгота и васкрс Србије (1 и 2) 1914—1915; 1915—1918»), подготовленный Сильвией Джурич и Видосавом Стевановичем.

Из мемуаров необходимо упомянуть вышедшие из-под пера двух членов российской миссии — Григория Николаевича Трубецкого и Василия Николаевича Штрандтмана. Трубецкой, прибывший в качестве посланника во время второго австрийского наступления, в своих воспоминаниях охватил период с самого начала войны до 1917 г. Автор охарактеризовал международную обстановку, отношения сербской и русской дипломатии, описал ситуацию в Сербии, отступление через Албанию, а также жизнь на Корфу¹. Начиная с Июльского кризиса, Трубецкой основную часть вины за развязывание войны возлагал на Германию, а не на Австро-Венгрию, которая хотела использовать агрессию против Сербии для восстановления изрядно пошатнувшегося авторитета. Именно переговоры в Вене отражали позицию Берлина. О русском самодержце автор писал, что тот, оставаясь миролюбивым человеком, верил в разоружение во всем мире и скрепя сердце подписал указ о мобилизации. Трубецкой отмечал чувство единения, охватившее всю Россию. Автор дал характеристики отдельных значимых личностей Сербии, описал жизненную рутину и гигиенические условия, лечение больных и т.п. Он считал, что к решению балканского вопроса есть два подхода — религиозный, акцентирующий общность православных народов, и национальный, делающий упор на славянство. Проблему принадлежности Македонии Г.Н. Трубецкой предлагал решать сообща, без стремления объединить ее в рамках одного государства. При этом он не сомневался, что Сербия от нее не откажется, тем

¹ Трубецки Г.Н. Рат на Балкану 1914—1917 и руска дипломатија. Београд, 1994.

более после коварного вступления Болгарии в войну. Что касается национальной принадлежности тамошнего населения, то ее Г.Н. Трубецкой затруднялся определить окончательно. Для достижения российских целей (обретения проливов, островов Имброс, Лемнос и Тенедос, а также части суши до линии Энос — Мидия), по мнению Трубецкого, была необходима Болгария. Чтобы заручиться ее поддержкой или хотя бы нейтралитетом, Россия должна была помочь Болгарии получить часть Македонии, что решительно отвергал Н. Пашич. Поэтому российский посланник критиковал и его, и сербскую нерешительность в этом вопросе. Мемуары также содержат описание русской помощи — как военной, позволившей Сербии дать отпор Австро-Венгрии, так и медицинской, осуществлявшейся многочисленными гуманитарными организациями. Поддержку процесса сербского объединения — лично свою и России в целом — Трубецкой обуславливал уступками в Македонии¹.

«Балканские воспоминания» Василия Николаевича Штрэндтмана — важный и, по сравнению с мемуарами Трубецкого, гораздо более объективный источник, повествующий о внешне- и внутриполитических событиях в Сербии в 1914—1915 гг. Масса приводимых подробностей детализировала реакцию отдельных лиц на происходившее, характеристики сербских государственных деятелей, а также описания городов, прежде всего, Ниша и Белграда. Штрэндтман, пересказывая чьи-то оценки ситуации, характеристики целых народов и отдельных их лидеров, не забывал изложить позицию и собственной страны — России². Большая часть его воспоминаний посвящена периоду Первой мировой войны, но есть и рагменты, посвященные Балканским войнам, пребыванию автора в Софии, Константинополе, Цетинье.

Полны пристрастности и неточности воспоминания престарелого сербского короля о событиях Первой мировой войны. Петр ценил Россию и ее помощь, но был далек от слепого обожания, восклицая: «Бедная Сербия, на кого ты полагалась! Старая сербская пословица гласит: Сам с усам! И более ни на кого и никогда. Хотя бы они нам ничего не обещали. Мы ничего не просили у них и сле-

¹ *Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914—1917 и руска дипломатија. Београд, 1994.

² *Штрэндман В.* Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009.

по им верили! Но, Сербия-мать, Бог на твоей стороне, он хранит тебя и не допустит, чтобы столь храбрый и великодушный народ пропал по вине так называемого, незваного друга»¹. Вряд ли с этой констатацией соглашался даже его премьер Никола Пашич.

Для расширения кругозора и сравнительной оценки политики России в Белграде стоит обратить внимание на ее действия в Цетинье. Это две различные по объему, но крайне созвучные публикации источников. Во-первых, «Воспоминания дипломата. 1893—1922» Ю.А. Соловьева, видного дипломата, в 1895—1917 гг. служившего в российских миссиях в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Германии и Испании, в которой его застала Первая мировая войны и революция в России. Вернувшись, Соловьев продолжил карьеру при новой власти. После него остались воспоминания о странах, где он служил, о ситуациях, в которых ему пришлось побывать, и, прежде всего, о положении в Европе в годы великих потрясений². Во-вторых, это дневниковые записи Н.М. Потапова — русского военного агента в Черногории, пробывшего там с 1903 г. по 1915 г.³ Кроме развития черногорских вооруженных сил он отслеживал широкий спектр событий, происходивших на внутри- и внешнеполитической арене. Наблюдал он и за обыденной жизнью черногорцев. В публикацию вошли заметки Н.М. Потапова о Балканских войнах и об организации черногорской армии, а также о первых годах Великой войны и об изменениях политического курса применительно к России.

Таким образом, обзор доступных исследований и опубликованных источников по теме российско-сербского военного сотрудничества в Первую мировую войну свидетельствует о научной актуальности сборника материалов о деятельности российской Экспедиции особого назначения, который мы предлагаем вниманию читателя. Представление о деятельности Экспедиции, ее вкладе и достижениях важно как для понимания роли России в событиях Первой мировой войны на Балканах, так и для пополнения общих знаний о российско-сербских отношениях.

¹ *Карађорђевић Петар.* Ратни дневник, 1915—1916 године, приредио Д. Живојиновић. Београд, 1984.

² *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893—1922. Москва, 1959.

³ *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902—1915 гг. II. Москва—Подгорица, 2003.

Краткий обзор действий русских воинских формирований в Сербии во время Первой мировой войны

Сараевское покушение 28 июня 1914 г. и его последствия обусловили активизацию и без того весьма интенсивного российско-сербского военного сотрудничества. 28 июля 1914 г. поверенный в делах России в Белграде В.Н. Штрандтман поспешил передать «сообщение, что от Сазонова поступило указание оповестить его о благоприятном решении вопроса о выделении винтовок и боеприпасов Сербии. Он в ответ попросил меня смиреннейшим образом выразить глубочайшую признательность сербского правительства императору Николаю II за оказанную милость. В телеграмме министру я мог добавить, что за прием поставки назначен ответственным сербский военный атташе в Петрограде полковник Лонткиевич»¹.

Когда 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, принц-регент Александр обратился к народу с манифестом. 30 июля 1914 г. в Нише престолонаследник выступил с тронной речью перед сербскими депутатами на торжественной церемонии открытия Скупщины. Перечислив обстоятельства, приведшие к трагической развязке, то есть к войне, Александр перешел к отношению великих держав к разразившемуся конфликту. Говоря о России, он, «прежде всего, описал те чувства, которыми она руководствовалась, а также упомянул милостивое сообщение императора Николая II о том, что Россия ни в коем случае не оставит Сербию в беде. При каждом упоминании имени Его Императорского Величества и России зал, в котором проходило заседание, взрывался громогласным “Живео!”». Выражения симпатии Франции и Англии также были упомянуты и были с воодушевлением встречены депутатами»².

В тот же день состоялся разговор В. Штрандтмана с Н. Пашичем, который был озабочен «отсутствием средств в государственной казне» и «скудостью сербского арсенала вооружений. Как и военный министр Душан Стефанович до него, он еще раз решительно попросил меня поусердней ходатайствовать относительно отпра-

ки предназначенного Сербии воинского снаряжения, которое перевозилось бы по Дунаю до Прахово партиями, обозначенными, как частный груз. Сопровождение осуществляли бы сербские офицеры, возвращающиеся из России после объявления мобилизации. Всю вышеизложенную информацию и просьбы я передал своему министру иностранных дел. Как стало известно позднее, на моей телеграмме о денежной помощи Сербии царь 31 июля в Петергофе начертал “Надо помочь”. А накануне, в тот самый день, когда поступила моя телеграмма о воинском снаряжении, военный министр предпринял в Петербурге все необходимые меры — определил военные склады для отгрузки, распорядился выделить поезда для их перевозки». Однако российское Министерство иностранных дел, стремясь предпринять все меры к «решению австро-сербского конфликта мирным путем», настаивало на задержке отправки грузов вплоть до прояснения международной ситуации¹.

1 августа Н. Пашич и В. Штрандтман, не знавшие еще о вступлении России в войну, встретились, чтобы еще раз обсудить в присутствии министра полковника Д. Стефановича проблему российской военной помощи. Сербские вооруженные силы выразили готовность не только обороняться, но и даже, «с учетом твердой позиции России в отношении Австрии, переходить в наступление. Поэтому можно было предположить, что австро-венгерская армия на сербском фронте вынуждена будет ограничиться применением одной лишь оборонительной тактики. Для выполнения данного намерения Верховному командованию требовалось необходимое снаряжение, поэтому оно обратилось с просьбой предоставить в ее распоряжение плавсредства Дунайского пароходства и некоторое количество понтонов... На телеграмме по этому вопросу Его Императорское Величество 4 августа в Петергофе написал: “Надо помочь”»².

Наступили страшные годы Мировой войны, в которой царская Россия оставалась верным союзником Сербии, пока не пала, сраженная многочисленными внутренними общественными недугами, или, по словам О. Айрапетова, из-за ненасытности «генералов-

¹ Штрандтман В. Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009. С. 282.

² Там же. С. 329.

¹ Штрандтман В. Балканске успомене. I, 1—2. Београд, 2009. С. 333—334.

² Там же. С. 346.

либералов-предпринимателей»¹. Двусторонним отношениям этого времени посвящено несколько монографий разных авторов (Корсун, Попович, Писарев, Данилов), каждой из которых присущи некоторые ограничения, обусловленные характером источниковой базы и временем написания. Военно-дипломатическая история этих отношений стала бы результатом многолетних изысканий в Архиве Сербии (Дипломатическое представительство в Петербурге), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и сербском Военном архиве, а также в хранилищах документов третьих стран.

По мнению выдающегося русского военного теоретика и участника Первой мировой войны генерала А.А. Свечина, русский натиск в Карпатах дезорганизовал австрийскую армию, оказавшуюся не способной сконцентрировать усилия для успешного наступления на Балканах осенью 1914 г.² Одновременно преждевременное наступление (закончившееся поражением) русских в Восточной Пруссии не только сорвало план Шлифена по уничтожению французских армий в результате стремительной и мощной атаки концентрированных сил, но и помешало немцам прийти на помощь Австрии на южных фронтах. Тем не менее побуждение сербской армии к переходу через Саву (в сентябре 1914 г.) или к вступлению в Боснию Свечин называет ошибкой российских генералов Генштаба, не учитывавших упадка сил сербов после Балканских войн. Кроме того, сербские вооруженные силы, при всех их положительных чертах и боевом духе, слишком походили на народную армию. После стабилизации Западного фронта в 1915 г. Германии удалось объединить свои силы с австрийцами и весной—летом 1915 г. вытеснить русских из Польши и Галиции. Результатом этого стало то, что в сентябре—октябре сербы оказались лицом к лицу с удвоенными силами Германии и Австро-Венгрии, располагавшими мощной артиллерией. Роковую роль сыграл и подлый удар в спину, который Сербии нанесла Болгария, обрубившая ее коммуникации

¹ *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предугнетники: рад за фронт и за революцию (1907—1917). Београд, 2005.

² *Свечин А.А.* «Общий обзор сухопутных операций». Великая забытая война. Москва, 2009.

с союзниками. Сербия пала. Болгарская агрессия выявила ошибочность оценок российских дипломатов, пытавшихся предотвратить подобный ход событий путем дипломатического давления и апеллирующий к чувству благодарности болгар за Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.¹

Приводимые нами документы показывают, что София весьма рано начала демонстрировать собственную антирусскую позицию. Только год спустя, 6 сентября 1915 г., Болгария подписала Конвенцию с Германией о войне против Сербии, 6 октября объявила войну России, а 14-го — Сербии, на которую напала на следующий день. Вот как передает бывший секретарь нашей миссии в Софии Ю.В. Саблер внешнеполитическую историю дипломатического разрыва Болгарии с ее спасительницей: «Возвращаясь после вручения ноты Радославову в миссию, я видел страшно самодовольных немцев. Тяжело было смотреть на развертывающуюся мобилизацию. Эти массы болгар, которые должны воевать против нас и наших доблестных друзей-сербов, должны стать под своими знаменами рядом с немцами. С момента вручения ультиматума никто из нас не показывался на улице. Наши друзья, ярые русофилы, попрятались, как мыши. Заходил только Данев и, набравшись смелости, болтал что-то, — не то выражал соболезнование, не то сочувствие. На следующий день, в 2 часа 40 минут, начальник протокола Мильчев прибыл в миссию, передал запечатанный пакет с ответом на ультиматум и потребовал, чтобы я расписался на пакете и поставил час и минуту. Это было за два часа до истечения данного нами срока. Мы были готовы к катастрофе, — ответ не явился для нас неожиданным. Однако всех нас охватило чувство глубочайшей скорби и острой боли. Читая присланный ответ, написанный на болгарском языке, мы переживали ужасное состояние. Со здания миссии были немедленно сняты щит с Императорским гербом и русский флаг, а взамен их тотчас же был водружен голландский флаг, и в нашу миссию перебрался представитель Голландии, принявший на себя защиту интересов русских подданных. Затем мы

¹ *Шкундин Г.Д.* «Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года)». Первая мировая война. Пролог XX века. Москва, 1998; *Айрапетов О.Р.* «Русија између Србије и Бугарске у Првом светском рату». Годишњак за друштвену историју. X, 1—3, 2003.

стали готовиться к отъезду. День 23-го сентября прошел совершенно спокойно. Население столицы было совершенно равнодушно к происходящему разрыву. Фердинанд Кобургский, как сообщает корреспондент “Petit Parisien”, в день разрыва два раза проехал мимо здания русской миссии, чтобы посмотреть на голландский флаг, заменивший русский¹. Эту ошибку русской дипломатии не смогли решить и русские офицеры-генштабисты, отказавшиеся от военного решения болгарской проблемы. Выполнение технически сложной задачи² не представлялось возможным без необходимой военной и политической подготовки³.

В продолжение работ, посвященных данной теме, попробуем изложить в хронологическом порядке, что же все-таки России в первые годы войны удалось сделать для оказания помощи Сербии непосредственно на ее территории⁴. В этом очерке мы, прежде все-

¹ Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал, Воскресенье, 40, 11.10.1915.

² Каширин В.Б. «Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года». Новая и новейшая история, 6. Москва, 2004.

³ Примером успешного решения таковой служит триумфальное вступление советских войск в Болгарию и Сербию во время Второй мировой войны. Наиболее категорично об этом написал В. Каширин, справедливо заметивший: «События осени 1915 г. показали, что стратегия России в черноморско-балканском регионе в годы Первой мировой войны несла в себе семена неизбежного поражения. Запоздалое осознание руководством Российской империи подлинных масштабов угрозы со стороны кобургской Болгарии, вялость и беспомощность русской дипломатии, отсутствие заблаговременно разработанных планов вооруженного вмешательства в события на Балканах, традиционная недооценка армейским руководством проблемы десантных операций на Черном море, недостаточность наличных военных и морских сил, — все это предопределило катастрофические неудачи России на жизненно важном южном направлении в ходе войны 1914—1918 гг. В конечном счете, провал русской балканской стратегии в те годы стал одним из проявлений общей военной и политической слабости Российской империи». Каширин В.Б. «Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года». Новая и новейшая история, 6. Москва, 2004. С. 203.

⁴ Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны 1914—1918 гг. Москва, 1939; Емец В.А. Позиция России и ее союзников по вопросу о помощи Сербии осенью 1915 г. Исторические записки, 75. Москва, 1965.; Нарочницкий А.Л. Великие державы и Сербия в 1914 г. Новая и новейшая история, 4. Москва 1976.; Писарев Ю.А. Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г. Исторические записки, 106. Москва, 1981; Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915 гг. Москва, 1990; Токић Н.,

го, будем опираться на документы Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ)¹. Действия русских моряков и артиллеристов (наряду с поддержкой, оказанной английской и французской военными миссиями²) имели особое значение для сербов, для которых столкновение с австро-венгерской флотилией оказалось особенно непростым. Во-первых, в силу неспособности оказать адекватное сопротивление, а во-вторых, по той причине, что в довоенное время они не оценили опасность этого в то время уже относительно распространенного вида вооружений, развитие которого подтолкнула Гражданская война в США³. Как вспоминал один из участников обороны Белграда, «еще не последовало объявление Австро-Венгрией войны Сербии, как вражеские мониторы принялись обстреливать незащищенный Белград, убивая женщин и детей. Уже в тот момент стало ясно, как заблуждались военные и гражданские круги, полагавшие, что Дунайская флотилия неэффективна в военном отношении и может только парады устраивать, и не стоит на нее обращать внимание. Стали сетовать, что Сербии было запрещено иметь флот на приграничных реках. Ежедневная пресса, вероятно, по недомыслию, высмеивала мониторы Дунайской флотилии и отвлекала внимание властипредержащей от этого мощного оружия, оказавшегося под боком у Белграда. Война застала нас не готовыми к тому, чтобы воспрепятствовать свободному

Радовановић Р. Борбе на Сави и Дунаву 1914—1915. Весник војног музеја, 36. Београд, август 2009.; Каширин В. Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко. Родина, 2010/11; Јовановић М. Ленинским курсом: Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914—1915). Родина, ноябрь, 2010.

¹ В основном это документы оперативных отделов Генштаба Военно-морского флота (Морской генеральный штаб — фонд 417) и Штаба Командующего Флотом Черного моря (фонд 609). Кроме того, использовались документы отдела Главного морского штаба, осуществлявшего награждения и предоставление пенсий (Главный морской штаб — фонд 418) и занимавшегося административно-персональными вопросами. О прочих материалах, включенных в сборник для полноты картины, см. далее в сносках. Во всех случаях, кроме оговоренных, датировка указана по юлианскому календарю, официально соблюдавшемуся в то время и в России, и в Сербии.

² Мирчић М. Странци у одбрани Београда. Агонија Београда у светском рату. Београд, 1931. С. 533—541.

³ Андрић А. Дејство речних флотила на Дунаву, Сави, Тамишу и Тиси. Ратник, ХLI. Београд, 1925.

барражированию мониторов вдоль нашего берега, откуда они сеяли ужас и смерть. Сербские пули отлетали от бронированной защиты мониторов»¹.

Авангард русского морского отряда под командованием лейтенанта В. Григоренко, вооруженный торпедами и минами, прибыл в Сербию и начал расставлять мины в районе Остружницы уже 25 августа 1914 г. Торпедой удалось взорвать дамбу у впадения Босута в Саву, в результате чего заблокированными оказались два австрийских монитора. Позднее командование взял на себя старший лейтенант Волковицкий. В начале сентября отряд приступил к расстановке мин в районе городов Шабач, Дреновац и Митровица. В конце сентября продолжилось минирование, и, кроме того, используя торпеды, удалось снизить активность австрийских мониторов в районе Белграда. Ночью с 9 на 10 октября 1914 г. поблизости от острова Оршадска Ада на русской мине подрывался австрийский флагманский монитор «Темеш». В ходе начавшейся 17 ноября эвакуации Белграда русские минеры и их сербские товарищи по оружию из русского отряда минеров оставили позиции вместе с арьергардом сербской армии, уничтожая за собой мосты на Дунае, в Топчидере и Рипане, а также один туннель в Реснике. После этого и вплоть до возвращения сербских войск в Белград минеры отряда Волковицкого, присоединившись к отряду капитана Семенова, занимались постановкой минных преград в районе Прахово и Джердапа, дабы помешать проходу австрийских кораблей в нижнее течение Дуная, где они могли бы перерезать коммуникации между Россией и Сербией. В течение 1915 г. отряд минеров продолжил расставлять мины, что позволило вывести из строя еще несколько судов противника. Вплоть до окончательного падения Сербии осенью 1915 г. австрийской военной флотилии не удавалось проваться в нижнее течение Дуная, что позволило беспрепятственно осуществлять судоходство между портом Прахово в Сербии и Рени в России. При поддержке противовоздушной батареи отряд капитана Семенова успешно сражался и с аэропланами неприятеля, пытавшимися дезорганизовать работу портов, через которые поддерживалась связь с Россией. И все-таки использование русскими

¹ *Радоевић М.* Патролбот Це под Београдом 1915 год. Агонија Београда у Светском рату. Београд, 1931. С. 176.

минерами торпед нельзя назвать успешным¹. Несмотря на то, что пассивные минные заграждения нанесли австро-венгерскому флоту определенный урон, они не могли предотвратить форсирование Савы и Дуная австро-венгерскими и германскими войсками при активной поддержке австрийских кораблей. Помешать им смогла бы только крупнокалиберная артиллерия, которой не хватало и на главных фронтах Первой мировой войны. Неудивительно, что ни Россия, ни Франция, ни Англия не торопились усилить свои белградские батареи этими орудиями.

Тем не менее батареи союзников сыграли важную роль в обороне Белграда в 1915 г. Русская артиллерия была представлена двумя 152-мм орудиями, перевезенными из Очаковской крепости и расположенными вблизи церкви Ружица (там, где сейчас находится мемориальный знак), а также двумя 75-мм пушками, установленными в нижней крепости. В обороне города участвовали русские моторные катера, на которых развеивался сербский флаг, и отряды минеров. Нижеприведенные документы и другие имеющие отношение к теме источники позволяют сделать вывод, что русские минеры и артиллеристы, несмотря на малочисленность, сумели оказать австро-венгерским войскам достойное сопротивление. Нельзя установить потери противника в живой силе и малых плавсредствах. Однако имеется достаточно данных об аэропланах и мониторах. Венгерские суда «Самош» (Szamos, 1892), «Темеш» (Temes, 1904) и «Бодрог» (Bodrog, 1904) выстрелами своих орудий по Белграду, произведенными 29—30 июля 1914 г., подали сигнал к началу Первой мировой войны. Два из этих трех мониторов попали в прицел русского оружия.

Австрийский командующий Дунайской флотилией так описывает в своих мемуарах потопление «Темеша»: 23 октября у острова Грабовац монитор «Темеш» под флагманским флагом, выполнявший задачу уничтожения понтонного оборудования противника, около 2 часов и 45 минут налетел на мину. Взрыв сорвал с основания правую башню, а огонь охватил часть подпалубных помещений. Экипаж, находившийся в левой и правой башне, а также под палубой, сразу погиб. Бронированную палубу вывернуло так,

¹ *Вулф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. Санкт-Петербург, 2004. С. 132.

что дверь капитанского мостика едва ли не оказалась заблокированной. Попытка удержать судно на плаву не удалась из-за активного оружейного огня с сербской стороны. Уцелело 3 офицера и 48 матросов, которых эвакуировал патрульный корабль «В». Потери экипажа составили 31 человек убитыми. После оккупации Сербии в 1916 г. монитор подняли, отремонтировали и снова ввели в строй в 1917 г. После завершения войны в 1918—1920 гг. судно числилось в составе флота Королевства СХС под именем «Дрина» (Drina). Югославия, в соответствии с межгосударственными соглашениями, передала монитор Румынии, переименовавшей его в «Адреал» (Adreal). В 1944—1950 гг. корабль, получивший новое имя «Бердянск», принадлежал СССР, который вернул его румынам, списавшим судно в 1955 г.

В конце 1914 г. пароход «Самош» получил повреждения и после ремонта в г. Брчко вернулся в зимнюю базу в г. Славонски Брод. В Венгрии корабль использовался в гражданских целях с 1920 г. по 1962 г., а в 1980-е гг. был продан в Югославию на металлолом. 3 ноября 1914 г. незначительные повреждения получил пароход «Андор», занимавшийся разминированием того района, где затонул «Темеш». Кроме него австрийская Дунайская флотилия потеряла еще три судна. 30 марта 1915 г. неподалеку от Винчи на русскую мину налетел «Белград», который под покровом ночи должен был доставить предназначенное туркам воинское снаряжение до болгарского берега Дуная. Окончательно добила пароход сербская полевая артиллерия. 15 мая русская батарея, расположенная на крепости Калемегдан, поразила патрульный катер «С», на котором взорвался бак с горючим. Трое моряков погибли, четверо получили ранения. И наконец, 22 сентября 1917 г. в 14 км от Браилова в результате столкновения с русской миной затонул флагманский монитор «Инн» (Inn). Погиб находившийся на судне начальник штаба Дунайской флотилии. Успешными можно назвать и действия русских зенитчиков под командованием капитана М.С. Миклашевского. Батарея, вооруженная 76-мм пушками, располагалась в районе села Велика Каменица и защищала порт Кладово и штаб Краинского отряда, находившийся в с. Петрово Село. 4 августа артиллеристам удалось сбить аэроплан, упавший на берег р. Црна Река неподалеку от ее впадения в Дунай. Сентябрь отмечен двумя успехами:

4 числа был сбит еще один аэроплан, упавший на румынский берег, а 8 сентября — третий, в 10 км от г. Турну-Северин¹.

Инженерный отряд под командованием полковника инженерных войск Доброва налаживал и поддерживал переправы через реки в тылу сербских войск, а также отвечал за дееспособность понтонного парка, предназначенного для форсирования Савы и Дуная. Осенью 1914 г. сербская армия испытывала огромную потребность в обученных понтонерах. Красноречивое свидетельство представляют собой воспоминания командующего Тимокской дивизии о начале боевых действий во время переправы через Саву в сентябре 1914 г., подтвержденные командующим переправой и официальными сербскими документами. Решающую роль сыграло стечение обстоятельств: место для перехода командующий определял на глаз — по карте и без предварительного обследования берега, дна и скорости течения; «мост не удавалось вовремя возвести, так как материал для него оказался совершенно негодным, понтоны настолько ссохлись, что не смогли набухнуть в воде, а некоторые напрочь сгнили. Для наведения моста, прежде всего, не хватало профессиональных понтонеров, вместо которых привлекали обозников и инженеров». Поэтому мост, пока шла переправа, построили до середины реки и только после этого поняли, что для завершения не хватит стройматериалов. В результате работа шла очень медленно. После окончания перехода, когда потребовалось срочно отступить, оказалось, что мост дал трещину. Отремонтировали его только после нескольких несчастных случаев². В такой ситуации трудно было переоценить роль Инженерного отряда под командованием полковника Доброва, прибывшего в Сербию с группой понтонеров и понтонным парком в начале ноября 1914 г. Показательно, что председатель сербского правительства и, одновременно, министр иностранных дел Н. Пашич попросил посланника в Петрограде М. Спалайковича ходатайствовать о командировании

¹ Csonkaréti K., Benczúr L. Haditengerészek és folyamőrök a Dunán 1870–1945. Zrínyi, 1991. Вулф О.Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. Санкт-Петербург, 2004. С. 12, 13, 19, 21, 24, 25, 81; Ђокић Н., Радовановић Р. Борбе на Сави и Дунаву 1914—1915. Весник војног музеја, 36. Београд, август 2009. С. 154—168.

² Погибија код Чеврнтије. Поновно суђење ђенералу г. Влад. Кондићу, бившем команданту тимочке дивизије. Политика, бр. 4993, 18 марта 1922.

в апреле—мае 1915 г.¹ второй группы военных инженеров. Как свидетелем документов данного сборника, такая группа прибыла в Сербию. Однако ввиду отступления русских войск из Галиции не осуществились планы сербского наступления в Паннонской равнине, из-за чего роль русских инженеров свелась к наведению и поддержанию в рабочем состоянии мостов в районе г. Чуприя, использовавшихся при отступлении сербской армии в октябре 1915 г.

Наряду с инженерной следует упомянуть еще один вид русской гуманитарной помощи Сербии, который относительно неплохо изучен. Речь идет о прибытии русских врачей, выделении лекарств и организации санитарного контроля². Оказание медицинской помощи связано с именем д-ра Сергея Софотерова, письмо которого опубликовал в 1992 г. М. Йованович³. Решение о командировании д-ра Софотерова, прибывшего в Сербию осенью 1914 г., приняли российские МИД и Красный Крест. В конце того же года был сформирован специальный Комитет помощи сербам и черногорцам при русской миссии в Сербии, в который вошли епископ Нишский Досифей, посланник князь Трубецкой с супругой, секретарь миссии В. Штрандтман, подполковник Новиков и доцент Софотеров. Многочисленность персонала иностранных миссий (500 человек в 4 миссиях: французской, американской, английской и русской) позволила разделить территорию Сербии на 14 секторов. В русском секторе, охватывавшем временную столицу — Ниш, действовал русский хирургический отряд С. Софотерова, оперировавший в сербских госпиталях. Кроме того, в секторе функционировали московская Хирургическая больница, располагавшаяся в здании гим-

¹ АС, МИД, Пс, П-По, ф1, р37/1915.

² Недок А.С. Руска санитетска помоћ Србији у њеним ослободилачким и одбрамбеним ратовима XIX и раног XX века (1804 до 1917 године). Лекција, прочитана у Академији медицинских наук Сербског лекарског друштва 21. априла 2008; Ševcova G.I. *Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912—1917*. Beograd, 2010. О русской помощи сербской военной санитарной службе см.: Српски војни санитет у Балканским ратовима, прир. Поповић Б., Тодоровић В. Београд, 2012; Недок А. Балкански ратови 1912—1913: рад српског војног санитета. Београд, 2012.

³ Станојевић В. Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искуство, приређивачи М. Јовановић, М. Перишић. Београд, 1992. С. 874—882.

назии; Инфекционная больница, размещившаяся в районе железнодорожного вокзала; Александринская инфекционная больница; четыре кухни, готовившие горячую еду для беженцев, и сиротский приют. В распоряжении российского бюро в Нише по оказанию гуманитарной и медицинской помощи имелось 50 железнодорожных вагонов с медицинским снаряжением, одеждой, продовольствием и прочими необходимыми вещами, привезенными из России.

Нельзя не упомянуть еще один важный аспект российской помощи — доставку военных грузов, осуществлявшуюся конвоями пароходов в рамках Экспедиции особого назначения под командованием М. Веселкина. Содержимое десятков переправленных его усилиями вагонов было самым разнообразным: винтовки и лошади, пушки и взрывчатка, продовольствие и санитарные материалы. Все это прибывало по железной дороге в русский порт Рени в нижнем течении Дуная, откуда доставлялось в Прахово, где перегружалось в поезда, разъезжавшие по всей Сербии. Российские поставки имели большое значение с первых дней войны. Балканские войны истощили резервы сербской армии, солдатам которой в августе и сентябре приходилось идти в бой с незнакомыми им русскими винтовками Мосина¹. В своих воспоминаниях посланник князь Трубецкой² отметил роль 120 тысяч русских винтовок, ошибочно названных им «берданками», а также боеприпасов, поступивших в последний момент и позволивших отразить австрийское нападение в 1914 г. Изучение сербских и российских архивов позволяет сделать вывод, что имели место новейшие российские 3-линейные винтовки системы Мосина³ калибра 7,62 мм, а не устаревшие системы Бердана⁴ (4,2-линейные) калибра 10,67 мм.

¹ Погибија код Червентије. Поновно суђење ђенералу г. Влад. Кондићу, бившем команданту тимочке дивизије. Политика, бр. 4993, 18 марта 1922.

² Трубецки Г.Н. Рат на Балкану 1914—1917 и руска дипломатија. Београд, 1994. С. 64—67.

³ См. документ данного сборника, а также «Шифровани телеграфски извештај српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском Министарству војном о количини пушака и муниције који су из Русије послати у Србију», 9 марта 1915. в Архиве Сербии, МИД, Пс, П - ПО, ф1, р99/1915.

⁴ Трехлинейная винтовка образца 1891 года — винтовка российской армии С.И. Мосина, производившаяся в 1891—1965 гг. Получила название от калибра ствола винтовки, который равен трем русским линиям (старая мера дли-

Два первых конвоя Экспедиции прибыли в Сербию 21 октября и 24 ноября 1914 г. Из самого необходимого было доставлено 32 814 винтовочных боекомплектов и большое количество боеприпасов для артиллерии: 24 000 снарядов калибра 75 мм, 4000 — 80-мм, 6000 — 120-мм, 1000 — 152-мм и т.д.¹ По просьбам Н. Пашича и военных властей (передаваемых через российского военного агента полковника Артамонова), подобные поставки продолжались вплоть до осени 1915 г., когда сербская армия вместе с русскими инженерными, санитарными и минерными отрядами вынуждена была начать отступление из Сербии.

При этом, если из России в Сербию экспедиция везла воинские грузы, то не менее важным была и обратный путь². Речь идет о деятельности «Особой организации по провозу военных грузов через Балканский полуостров», которую во внутренних отчетах неофициально называли «военная контрабанда» — обеспечение транзита грузов от стран Антанты в адрес воюющей России через порт Салоники в нейтральной Греции. Во главе этого предприятия, т.е. перевозки грузов от греческих Салоник до порта Прахово, стоял бывший генеральный консул в Константинополе действительный статский советник Шебунин, которому помогали бывший секретарь того же консульства Дубягский и подполковник Новиков, бывший до этого комендантом железнодорожного участка станции Воронеж. Новиков активно курсировал от Рени до Ниша, чтобы убедиться в бесперебойности движения стратегически важных для России грузов. Шебунин докладывал 9 апреля 1915 г. начальнику

ны, равная одной десятой дюйма, или 2,54 мм — соответственно, три линии равны 7,62 мм). Снайперские винтовки военного назначения на базе винтовки С.И. Мосина выпускаются и по сей день в РФ (ОЦ-48К), Белоруссии (ВК-003) и Финляндии (Ткiv 85). В момент вступления России в Первую мировую войну на вооружении ее армии имелось 4 519 700 трехлинейных винтовок модели 1891. Во время войны было произведено еще 3 286 232 винтовок, что, впрочем, не смогло удовлетворить имевшиеся потребности. Поэтому пришлось заказать еще полтора миллиона винтовок этой модели в США и Франции. *Маниковский А.А.* Русская армия в Великой войне: Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Москва, 1937.

¹ *Каширин В.Б.* Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде. Русский сборник, III, 2006. С. 201.

² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3056, л. 19, 104—120, 171—172, 182, 188, 189.

военной разведки генералу М.Н. Леонтьеву в ОГЕНКВАР ГУГШ (Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба) о том, что «в Салониках ввиду секретности нашей миссии всеми делами получения грузов с пароходов, выгрузкой их и погрузкой в вагоны ведало общество “Сербская задруга”». При этом греки вагонов не давали, поэтому всю перевозку приходилось вести в сербских вагонах, скупая по пути любопытных журналистов и полицейских, пытавшихся огласить секрет Полишинеля о том, что фактически организаторами перевозки была не Сербия (с которой у Греции были подписан соответствующий договор о помощи в случае нападения), а Россия. Объем этих грузов, в том числе моторов для самолетов, взрывчатки особой мощности, специфических химических реактивов и тонких механизмов был столь значителен, что в Прахово стали образовываться целые залежи этих грузов, чьи адресаты ждали доставок от Одессы до Москвы и Петербурга. Последние части груза русские моряки под огнем противника пытались вывезти из Прахово на баржах уже после падения Белграда осенью 1915 года.

Однако сербско-русское военное сотрудничество на этом не закончилось. В январе 1916 г. в Салониках заработал русский военный госпиталь, принявший первых сербских больных и раненых. А в апреле 1916 г. последовало распоряжение о формировании 2-й отдельной пехотной бригады, которая в июне 1916 г. отправилась из Москвы в Архангельск и дальше по морю до Солуна, где к ней присоединилась 4-я отдельная пехотная бригада¹. Вместе с французами и сербами солдаты этой бригады участвовали в боях за возвращение в сербскую Македонию вплоть до 1917 г. После революции Россия перестала быть защитницей идеи объединения всех сербов в едином сербском королевстве. В 1918 г. с политической карты

¹ *Валентинов Н.А.* Русские войска во Франции и Македонии (По документам Ставки Верховного главнокомандующего). Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. IV. Москва, 1920; *Валентинов Н.А.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг. Ч. 1. Москва, 1920; *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах (1916—1918 гг.). Париж, 1933; *Писарев Ю.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916—1918 гг. Исторические записки. Москва, 1966. Т. 79; *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав 1916 г. Москва, 1993.

исчезли и Российская империя, и Королевство Сербия. По разным причинам, но спустя сто лет можно сделать вывод, что произошло это во вред обоим братским православным народам.

Нельзя коротко не остановиться на еще одном, наименее приметном, но, может быть, самом святом залоге сербско-русского боевого братства — могилах русских солдат и офицеров, погибших, умерших и похороненных в Сербии. В их числе русские артиллеристы и служащие инженерных частей Экспедиции особого назначения на Дунае, солдаты 2-й и 4-й отдельных пехотных бригад, воевавших на Салоникском фронте. Вспомним и солдат, сражавшихся с австрийцами и немцами и попавших к ним в плен, где они умирали от голода, тяжелой работы и изнеможения. Их останки до сих пор находятся на территории Сербии, покоясь под монументами, на которых указаны их имена, а также в братских и безымянных могилах. Пусть этот сборник документов о российско-сербском военном сотрудничестве в Первую мировую войну станет успокойной свечой на могиле этих людей.

ДОКУМЕНТЫ

1. Генерал Воин Максимович, профессор Военной Академии. «Военные связи и отношения Сербии и России (1806—1917)»¹

В то время как братский русский народ, подавленный великим и незаслуженным бедствием, сошел, так сказать, с мировой сцены; когда не слышен голос могучей и славянской России, которая как будто на время отошла в сторону, чтобы отдохнуть и оправиться после тяжелых жертв, понесенных ею во время мировой войны ради спасения всех нас, ее союзников, — именно в этот момент своевременно вспомнить, а отчасти и подчеркнуть те военные узы, которые связывали Сербию с Россией, и которые в течение прошлых ста тринадцати лет, особенно в критические моменты, соединяли обе братские земли, главным образом, для облегчения нашей, сербской судьбы. Но из этих связей можно извлечь и очень поучительные выводы на

¹ Максимович В. Военные связи и отношения Сербии и России (1806—1917) // Югославия, Белград: Русский архив, 1930. С. 259—316. (Максимовић В. Војин (Кладово, 1876 — Линген, 1942). Кроме Военной академии в Белграде (1902—1904), учился в Николаевской Академии Генерального штаба в Петербурге. На командных должностях с 1904 г. Осужден на 10 лет по делу о Крагуевацком заговоре 14.11.1906. Амнистирован с восстановлением в правах 25.11.1912. С 21. 11. 1913 — в Историческом отделении Главн. Генштаба. В интендатской службе с 1913 г. по 1915 г. Начальник Штаба 1-й сербской добровольческой дивизии в 1916—1917 гг. По завершении войны — на командных и военно-политических должностях. Штатный профессор Военной академии, главный редактор журнала «Ратник». Во время Апрельской войны взят в плен, умер в лагере для военнопленных. См.: Бјелајац М. Генерали и адмирали Краљевине Југославије (1918—1941). Студија о војној елити и биографски лексикон. Београд, 2004. С. 201.

будущее время. Ибо будущее, и притом великое будущее, принадлежит и России, и нам, югославянам. Теперешнее тяжелое состояние, в котором находится добрый и благородный братский народ, пройдет; Россия воскреснет опять, как она восстала и из татарского ига. И на пользу этому, еще более великому и лучшему будущему, которое ожидает и ее, и нас, да послужат выводы из того, что мы излагаем.

Военные связи Сербии с Россией за прошлые сто лет мы рассмотрим по главным эпохам и характерным моментам.

1. Эпоха восстания сербов против Турции 1804—1813 и 1815 г. до создания постоянной армии в 1830 г.

Более тесные военные связи Сербии с Россией возникают в начале XIX века; поводом к ним послужило Первое сербское восстание против турок, исторического и общего врага Сербии и России, и притом в то время, когда эта последняя вела войну с Турцией (1806—1812). Геополитические и военные связи восставшей Сербии с Россией создались в эпоху вождя Карагеоргия не только на платонической, национально-религиозной почве; они имели и чисто практическое основание, опиравшееся на вполне правильное логическое рассуждение, что тогдашняя, еще не определенная границами, но исполненная духа восстания и героическая Сербия является маленьким, но все же нужным союзником великой России¹, военачальники которой — Михельсон, Прозоровский, Багра-тион, Каменский и Кутузов — за время с 1806 по 1812 год вели военные действия против Турции в пределах Валахии и Молдавии и по Дунаю. Сербия, находясь на пороге Балканского полуострова, представляла тогда в действительности составную часть театра военных действий, на котором велась русско-турецкая война, и могла со своими 40—60 тыс. вооруженных людей привлечь на себя значительные турецкие силы и этим оказать большую помощь русской Дунайской армии, которая оперировала по обоим берегам Дуная.

¹ В инструкции, которую генерал Михельсон дал Родофиникину (пункт 5-й), говорится: «Когда наши войска начнут наступать, вы должны обратить все свое внимание на сербов, и обещаниями скорой помощи, а также освобождения от вражеского ига, пробудить в них бодрость и укрепить их усилия в нашу пользу; пусть они увеличат свои силы, не раздробляя их, но держась вместе до дальнейшего приказанья русского главнокомандующего» (ссылка В. Максимовича).

В первый раз сербы обратились к русскому командующему Дунайской армией генералу Михельсону 6 марта 1806 года, прося его помочь войсками и остальными средствами сербскому восстанию против турок. Россия немедленно исполнила желание сербов, и уже 28 июня 1807 года под Неготином была подписана военная конвенция между сербами и Россией. Эта конвенция представляла в действительности военно-дипломатический акт вождей сербского народа. Первый пункт заявляет, что Сербия желает протектората России над собой. Затем выставляются следующие требования, правитель земли, чиновники, затем идет военный отдел (4—13 пункты), указывающий на необходимость: 1) русских гарнизонов в Сербии и русских регулярных войск как ядра для образования сербской армии ради охраны границы (всего 6 батальонов, 4 эскадрона, 2 полка казаков) со стороны Видинского и Боснийского пашалыков; 2) денежной помощи; 3) специалистов для литья пушек и приготовления ядер и пороха; 4) пороха и олова; 5) резерва ружей; 6) шести артиллерийских и инженерных офицеров с отрядом пионеров и отрядом пушкарей для обучения сербских повстанческих войск и укрепления положения и 7) докторов и медицинских материалов.

В связи с этой военной конвенцией в Белград прибыл в июне 1807 года, как первый дипломатический представитель России, тайный советник Родофиникин. Ему было поручено руководить сербской политикой и содействовать тому, чтобы сербская армия перешла в Валахию для защиты правого крыла русской Дунайской армии.

Последствием этой первой связи было то, что Карагеоргий оказался в самом тесном сотрудничестве с правым крылом русской Дунайской армии против общего неприятеля, Видинского Мула-Паши (в Краине и около Видина). В 1807 году в Сербию перешел у Корбова русский отряд генерала Исаева с целью создания более твердой связи в русско-сербских операциях и ради обеспечения крайнего правого крыла русской армии на Дунае и в Валахии. Этот русский отряд в соединении с отрядом Карагеоргия сумел в битве у Штубика и Малайницы 19 июня нанести решительное поражение пятитысячной турецкой армии, находившейся под командованием Мула-Паши, и, благодаря этой победе, очистить большую часть Неготинской Краины. В этой первой общей битве сербов и русских отличился батальон 14-го Олонецкого пехотного полка и, таким

образом, он первым из всей русской армии связал свою судьбу с судьбой Сербии. Поэтому этот русский полк и получил в 1911 году наименование полка короля Сербии Петра I, и в его ряды был тогда внесен и престолонаследник Сербии, в настоящее время король Югославии, Александр I.

Когда же в 1811 году начались интриги против Карагеоргия, в Белград вступил для несения гарнизонной службы пехотный Нейшлотский полк (2 батальона), чтобы поддержать авторитет Карагеоргия в стране и дать свидетельство благосклонной политики России по отношению к тогдашней Сербии.

Присущее влиятельным русским кругам правильное понимание значения географическо-политического положения Сербии на пороге Балканского полуострова, а также и понимание того, что относительно многочисленная сербская повстанческая армия, под начальством такого решительного человека и верного союзника, каким был Карагеоргий, имеет большую ценность в смысле союзника, привели к тому, что русские военные и оперативные планы против Турции серьезно считались в то время с Сербией, как с союзницей. Вследствие этого мы видим размещение отдельных русских отрядов (г. -м. Исаява, полковника и г. -м. Орурка, г. -м. Цукато, г. -м. Заса и т.д.) на территории Сербии в борьбе против турок плечом к плечу с сербскими повстанцами. В единении с сербами русские борются в Тимокской краине в 1807, 1810, 1811 и 1812 годах, у Ниша (1811) и даже на Дрине (1812)¹. В славном для нас бою на Варваринском поле (в июне 1810 года) рядом с сербскими повстанцами храбро бились и русские пехотинцы, солдаты Ладожского пехотного полка², а также уланские и казацкие эскадроны, под общим начальством русского полковника Орурка. В этом году русские войска — 21 батальон, 10 кавалерийских и казацких полков с 28 пушками, — под командованием генерала Заса охраняют Тимокскую границу Сербии, чтобы Карагеоргий с сербским войском мог защищать западную Сербию. Это — пример отличного союзнического сотрудничества. Генерал же Орурк полу-

¹ Отряд графа Орлова, 6 батальонов, 15 эскадронов и 18 пушек (ссылка В. Максимовича).

² Знамя этого русского полка, для нас особенно дорогого, находится в русском военном музее в русской церкви в Белграде вместе с другими знаменами (ссылка В. Максимовича).

чил задание устроить сербскую милицию и приготовить ее к военным действиям, обучив по русскому образцу.

Великий вождь Карагеоргий имел в России верного друга и природного союзника, на что и он отвечал верной, упорной и непрерывной борьбой против турок, общего неприятеля. Этим он оказывал России значительную стратегическую помощь, привязывая к Сербии большие турецкие силы, от 30 до 80 тыс. человек, которые не могли быть двинуты против русских на Дунае, а кроме того, разделяя турецкие области, Боснию и Болгарию, т.е. разбивая на две половины северный фронт Турецкой империи в Европе и этим ослабляя ее для русского или австрийского вторжения в Турцию с севера.

Русский император Александр I лично составил весной 1812 года для адмирала Чичагова, который был назначен главнокомандующим Дунайской армией, следующую интересную инструкцию: «Подлое поведение Австрии, которая сдружилась с Францией, заставляет Россию употребить все средства, которые находятся в ее распоряжении, чтобы разбить суетные планы и замыслы этих двух государств. Из этих средств самые важные: Сербия, боснийцы, далматинцы, черногорцы, бокельцы, хорваты, иллирийцы, мадьяры — все они недовольны своими управлениями. Это наши сильные средства, чтобы задать Австрии заботу. Все эти народы общими силами, при содействии русских войск, могут стать значительной силой для угрозы Австрии и правому крылу французской армии, а также могут служить защитой против Турции со стороны Софии и Ниша. Когда это славянское ополчение займет приморье Боснии, Далмации и Хорватии, его следует направить, при содействии английского флота, к Тиролю, чтобы оно вступило в связь с швейцарцами. Если при прибытии Чичагова в Бухарест мир с Турцией будет уже подписан, тогда надо требовать от Турции, чтобы она заключила наступательный и оборонительный союз, причем следует поощрить Турцию и не заставлять ее двинуть свою армию против французов, но Порты должна только позволить, чтобы для этой цели были употреблены сербские войска». Из этой инструкции видно, что Александр I, еще за сто лет до мировой войны, смотрел на сербов и сербскую армию, как на весьма важный стратегическо-политический фактор в большой европейской войне, которая тогда подготавливалась. Ради поддержки этого славянского ополчения,

в сущности, сербской милиции, император Александр велел Чичагову отправить из его четырех дивизий одну в Сербию, а с тремя остальными держаться на Дунае до его впадения в Черное море. Как человек, преданный России, Карагеоргий пользовался большим уважением и доверием императора Александра Павловича, который произвел его в чин генерал-лейтенанта русской армии и пожаловал ему орден Александра Невского первой степени. В письме своем от конца 1812 года император Александр удостоивает Карагеоргия обращением «Любезный брат», которым пользуются во взаимном общении монархи.

Но нашествие Наполеона на Россию в 1812 году заставило и русскую Дунайскую армию отойти из Валахии с Дуная. После Бухарестского мира, заключенного тогда между Россией и Турцией, Сербия оставлена была на произвол Турции. Россия, связанная необходимостью отстаивать собственную землю от Великой Армии Наполеона, не могла помочь ни в военном, ни в политическом отношении своему верному союзнику Сербии. В октябре 1813 года турецкие орды, в нарушение обязательства, данного в Бухаресте, нахлынули с трех сторон на Сербию и, наконец, покорили ее. Сербский народ снова, — должно быть, уже в сотый раз — переживал свою Варфоломеевскую ночь. Турецкая кровожадность торжествовала. Ибо союзник Турции, Наполеон, хотя и был изгнан из России, но еще целых два с половиной года задавал тяжкую работу европейской коалиции, в том числе и России, на которую возлагала все свои надежды Сербия.

Император Александр I, в ответ на сербский адрес¹, открыто признавал перед Карагеоргием свое чувство тяжелой моральной ответственности, когда писал ему: «Любезный брат, Георгий Петрович. Я весьма сожалею, что Россия вынуждена оставить Сер-

¹ Адрес о верности и преданности России, который был составлен 16 августа 1812 года в монастыре Врамдевшице, был подписан Карагеоргием и всеми воеводами, сенаторами и попечителями после отхода из Сербии последнего русского отряда и именно за десять дней до Бородинского сражения. Этот адрес гласит: «Сербия и сербский народ, помня бесчисленные благодеяния России по отношению к ним, настоящим обещают и обязуются единоверной и единоплеменной России, что и на будущее время, и навсегда они останутся верными и преданными ей, и что никогда, ни в чем они ей не изменят, как это и доселе бывало доказано словом, делом и верой (сердцем и духом) всегда и во всех случаях» (ссылка В. Максимовича).

бию и употребить все свои силы против Бонапарта, чтобы спасти себя. Дай Боже, чтобы Россия спаслась и уцелела. Она не оставит Сербии, хотя бы та, вопреки ожиданиям, и пострадала; Россия спасет ее и восстановит еще лучше, чем она была»¹.

Как только Священный Союз в битве при Ватерлоо нанес окончательное поражение Наполеону и отправил его в заточение на остров Св. Елены, изменилась к лучшему и судьба Сербии. Вождь Второго восстания, Милош Обренович, теперь легче мог продолжать начатое Карагеоргием дело освобождения Сербии от турецкого ига. И когда он, уже подняв восстание в Такове, послал летом 1815 года своего воеводу Цинцар Марка Костица в Вену с поручением добиться у русского императора Александра I помощи для сербского народа со стороны России, эта просьба была немедленно исполнена. Турция, которая была предоставлена теперь самой себе, и самому существованию которой в Европе грозила опасность, была вынуждена уже в 1817 году, главным образом под влиянием России, признать за Сербией право на автономию, а это означало фактически, что половина дела освобождения была уже сделана. В 1830 году Турция должна была согласиться на признание за князем Милошем права на наследственную власть.

Таким образом, уже в первую треть XIX века Сербия запечатлела свои близкие и союзнические отношения с Россией кровью своих сынов и мудростью своих государственных людей.

Эти союзнические отношения имели, как мы видели, и формальное выражение, т.е. имелись и писанные конвенции, адреса и т.д., и из этих документов вытекали взаимные обязательства Сербии и России. Все они относились к тогдашним военно-политическим событиям, исходя из общего стремления Сербии и России сломить Турцию. Это была первая реальная военная и политическая связь Сербии с Россией.

Этой связью было создано прочное основание для дальнейшего благоприятного развития политических и военных отношений между единоверными и братскими землями и народами, русским и сербским.

¹ Петров А.Н. Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1885. Т. 3. С. 406—407 (здесь и далее мы ставим полную библиографическую номенклатуру вместо сокращений из текста В. Максимовича).

II. Период от создания постоянной сербской армии до Балканских войн (1830—1912)

1. Первые сербские офицеры из России

Когда в 1830 году князь Милош создал первую «роту» постоянного войска, он убедился уже через три года в том, что этот постоянный кадр может отлично служить не только как полицейский аппарат, но и как серьезная школа народной милиции, народной армии для защиты княжества. Он понимал, что эта кадровая сила должна развиваться, а для этого и для правильного обучения войска вообще нужно было иметь специальных командиров, главным образом офицеров. Для этой цели князь Милош послал в 1833 году двенадцать избранных им молодых людей, солдат, в Россию, чтобы они поступили в полки и подготовились к должностям строевых офицеров. Эти двенадцать первых офицеров сербской армии вернулись домой в 1836 году после трехлетней подготовки в рядах русской армии. Они были исключительно строевыми офицерами и имели русское военное образование и воспитание. Таким образом, княжеская сербская армия получила уже в первое десятилетие своего существования своих первых начальников, учителей и воспитателей из русской армии времени императора Николая I. И первое обучение постоянного сербского войска (от самого возникновения его в 1830 году) велось по русским уставам, с чисто русской командой¹.

Один из этих первых офицеров, кавалерийский полковник Младен Жувич, был в течение двух лет (январь 1859 — январь 1861) «начальником военного управления», т.е. был первым чисто военным администратором. А так как сербская армия до 1859 года не имела своего собственного военного управления, военного министерства (в 1861 году это управление получило название Военного министерства), а находилась в ведении попечительства внутренних дел, то и ее развитие, а особенно служебное движение ее офицеров, не могло быть до того времени значительно.

¹ До того времени ротой постоянного войска командовал один чиновник Любисавлевич, который служил в русской армии. Первым командиром батальона был (1832) русский офицер Павлов (ссылка В. Максимовича).

2. Сербская артиллерийская школа и ее связи с Русской военной академией

В 1850 году в Белграде была основана «Артиллерийская Школа» (с пятилетним курсом), как постоянное учреждение для подготовки молодого офицерского состава сербской армии. Первым начальником и организатором этой школы был чех, инженер Зах¹.

Только с этого времени в сербской армии начинается работа над научной подготовкой офицеров, и притом по программе, которая для того времени была и обширна, и современна. Из этой школы офицеры выходили с высшим военным образованием. Преподавание в ней велось по программам, составленным по образцу тогдашних офицерских школ Пруссии и Австрии. В России же с симпатией следили за усилением военной мощи Сербского княжества, а особенно сочувствовали учреждению «Артиллерийской Школы».

3. Русская императорская военная академия. Ее значение для высшего образования сербских офицеров

В Петрограде с 1832 года существовала «Императорская Военная Академия» с двухгодичным курсом, в котором избранные русские офицеры получали высшее военное образование. Это был военный университет. Эту академию организовал и ею, как первый директор, управлял генерал барон Жомини, известный военный философ и автор ученых трудов в области стратегии. Эти труды были напечатаны в первой половине XIX века и переведены на все главнейшие языки. Эта русская академия, прекрасно поставленная и в смысле преподавательского состава, насчитывала в своих рядах первоклассных военных мыслителей, каковы Жомини, Медем, Милютин, Обручев, Леер, Драгомиров и др. Библиотека этой академии была очень богата, и в знак братского расположения к молодой сербской «Артиллерийской Школе» из этой библиотеки (и из библиотеки Главного штаба) было отправлено в Сербию в подарок свыше 50 книг, которые и теперь сохранили большое значение. Все это были стратегические трактаты. Эти книги и поныне находятся в библиотеке Белградской Военной Академии как доказательство тогдашней духовной русской связи с сербской академией.

¹ Подобно тому, как и в России, организатором Военной Академии, позднейшей Николаевской Академии Генерального штаба, был (1830) швейцарец барон (генерал) Жомини (ссылка В. Максимовича).

В шестидесятых годах прошлого столетия сербское военное управление постановило посылать в Россию отдельных молодых офицеров с целью высшего военного образования. С этой целью в Россию отправляются в 1804 году Димитрий Джурич и Коста Мишкович в Николаевскую военную академию, Сава Груич в Михайловскую артиллерийскую, Михаил Магдаленич в Николаевскую инженерную академию. Это были первые четыре сербских офицера с высшим военным образованием. Благодаря своей подготовке они оказали большую пользу Сербии в первую и вторую войны с Турцией (1876—1877).

4. Стратегическая миссия полковника русского Генерального штаба Р.А. Леера в Сербию в 1867 году

Князь Михаил, подготавливая широкую государственную программу освобождения и объединения сербов, готовя Сербию к войне против турок, и не имея в своей стране военного авторитета, стратега, пригласил из России полковника Генерального штаба Генриха Антоновича Леера, тогдашнего выдающегося профессора стратегии в Николаевской Академии Генерального штаба, с целью производства разведки так называемого пограничного фронта Сербии с Турцией (Новопазарским санджаком). Для этого Леер провёл в Сербии одиннадцать месяцев и объехал пограничный фронт от Любовии до Копаоника. По его мнению, в случае общей войны Сербии и Черногории с Турцией сербские войска должны были вести операции, прежде всего, через Санджак, направляясь через Сеницу навстречу черногорцам; таким образом, пресекалась связь между Боснией и Косовским вилайетом, и затем операции развивались с помощью объединённых сербско-черногорских сил. Здесь Леер шёл по стопам стратегической идеи Карагеоргия в 1809 году, когда Карагеоргий с главным войском ударил на Сеницу. Этот план принес бы великолепные политические результаты, если бы в Боснии и Герцеговине было заблаговременно приготовлено восстание, и если бы, таким образом, Сербия и Черногория соединились сразу с Боснией и Герцеговиной.

Во время своего пребывания в Сербии Леер довольно хорошо познакомился с тогдашними выдающимися сербскими вождями и с сербским народом. Леер составил себе очень хорошее мнение

о Сербии и сербском народе¹. Предложенную ему честь быть сербским военным министром Леер не мог принять: он был тогда слишком углублен в свои ученые труды, которые в 1869 году привели к появлению на свет его классического сочинения «Стратегия», чтобы брать на себя практическую деятельность военного министра.

5. Полковник русского Генерального штаба Черняев, главнокомандующий сербской армией в 1-й сербо-турецкой войне

Ввиду того, что связь Сербии с Россией все более крепла и Сербия при решении вопроса о войне с Турцией могла рассчитывать на помощь только России, то в первой сербо-турецкой войне главнокомандующим сербской армией был назначен полковник русского Генерального штаба Михаил Григорьевич Черняев, способный, энергичный и храбрый военачальник, который в это время и в России имел репутацию хорошего военачальника и организатора, а в Сербию явился в качестве добровольца, чтобы бороться за ее свободу. В своем оперативном штабе Черняев имел, между прочим, и русских офицеров Генерального штаба (начальником штаба был сначала подполковник Бекер, а затем полковник Виссарион Виссарионович Комаров; кроме них, Дохтуров). С ним вместе в сербскую армию вступило еще 718 русских офицеров разных родов оружия, между которыми были и отличные люди, и специалисты, положившие в этой борьбе за свободу и независимость Сербии и свою жизнь. Это были Киреев, Новоселов, Раевский, Меженинов и др. Они погибли, борясь храбро в рядах плохо обученной и мало дисциплинированной, и еще слабее вооруженной и снабженной, но храброй и патриотически настроенной сербской милиции. Эта группа русских офицеров-добровольцев много содействовала тому, что, вообще, эта первая война Сербии с Турцией могла вестись, несмотря на громадный перевес турецких сил, целых четыре месяца, причем было сделано все, что можно было сделать, при тогдашних крайне тяжелых политических и военных обстоятельствах, чтобы сербское оружие с честью вышло из

¹ Точно так же благосклонно и правильно оценил Сербию и предсказал ей лучшую будущность и позднейший великий немецкий полководец Мольтке, когда в 1835 году он проехал через Сербию, направляясь в Турцию. Оба эти великие военные мыслители — Мольтке и Леер — дали, один через 32 года после другого, одинаково благоприятную оценку сербам и Сербии (ссылка В. Максимовича).

этой войны. Стратегическое руководство сербскими войсками велось в этой войне «по внутренним операционным линиям». Вследствие тяжелых географически-стратегических условий сербские войска должны были вести операции на четырех фронтах: против Боснии, Новопазарского санджака, на юго-востоке на р. Мораве и на востоке на Тимоке. Такие операции были бы весьма тяжелы и для современно обученной и снабженной армии на территории, богатой путями сообщения, особенно железными дорогами, даже при том условии, что такая армия обладает первоклассными военачальниками и офицерами. Но для Сербии такое ведение войны было с самого начала чрезмерно рискованно. Ввиду рискованного стратегического положения, так и, вообще, вследствие слабых политических надежд на успех войны, княжеское сербское правительство и князь Милан и выбрали именно русского полковника Черняева главнокомандующим сербской армией. При этом большую роль играли не только способности полковника Черняева к роли военачальника, но и политическая сторона этого вопроса. Благодаря появлению в Сербии полковника Черняева с семьями русских офицеров война Сербии с Турцией, которая должна была иметь, по преимуществу, политический характер, вскоре сделалась очень популярной в России; четыре тысячи русских добровольцев, унтер-офицеров, простых солдат, а также интеллигенции, врачей и т.д. бросились на помощь братской Сербии, и общественное мнение в России забурило сочувствием к Сербии, в значительной мере именно благодаря этим добровольцам. Масса щедрых пожертвований потекла в бедную Сербию. Через этих своих добровольцев русский народ почувствовал себя ответственным за судьбу Сербии. Таким образом, Россия фактически сделалась защитницей Сербии, хотя официальные круги не одобряли этой войны.

Что касается личности самого Черняева и его метода ведения войны, то дело представляется в следующем виде: экономя, насколько это было возможно, силы сербских войск, Черняев хотел в начале войны, согласно военному плану, который был выработан прежде, чем он явился в Сербию, использовать инициативу, и двинулся к самому важному географическо-стратегическому пункту, укрепленному Нишу, который стоял на чрезвычайно важном перекрестке путей в направлениях к Софии — Константинополю и к Скопью — Со-

луни. Занятием Ниша он должен был разъединить турецкие силы, которые были выдвинуты в этих двух важнейших направлениях. При этом он стремился пробиться с Тимокским корпусом от Княжевца к Пироту, рассчитывая, таким образом, побудить к восстанию против турок и болгар, в качестве союзников сербов. Однако он не имел возможности выполнить этот план вследствие того, что в направлении от Софии к Нишу и в самом Нише были расположены значительные турецкие силы (корпус Эюб-Паши). Эти силы перешли в наступление по направлению к Княжевцу, а после взятия Княжевца турки двинулись долиной Южной Моравы. Тогда Черняев напряг все свои силы, чтобы задержать это турецкое наступление. Этой цели он достиг сначала в славном бою на Шуматовце 11—24 августа 1867 года перед Алексинцем. При этом он неустрашимо рисковал и собственной жизнью, засев в Шуматовацком редуте и лично командуя гарнизоном этого оплота всей сербской обороны. Храброе самопожертвование Черняева на Шуматовце в первых боевых рядах сербской милиции имело значение того решительного влияния военачальника на войска, которое было необходимо, чтобы удержаться в тяжелую критическую минуту боя и не отступить. И это огромная заслуга Черняева, как военачальника-психолога, который понимал, что его место было не где-нибудь позади своих войск, как это обычно и, согласно всем правилам, и случается в бою: как главнокомандующий целой армией он мог сидеть где-нибудь в Делиграде или даже в Парачине в полной безопасности. Но Черняев сознавал, что он должен присутствовать лично в первых рядах сербской милиции, которая не была строго дисциплинирована, была именно милицией, да еще и со слабым, численно и качественно, офицерским составом. Поэтому Черняев отлично понимал, что при таких условиях место военачальника среди его войск, и что он должен личным примером и личным влиянием поддержать дух своих борцов и этим возместить недостаток их боевой дисциплины. И только благодаря этому Черняев имел успех. Турки, потерпев огромные потери, отказались от намерения вести наступление по правому берегу Южной Моравы, вдоль константинопольского пути, в самом кратком и удобном операционном направлении, и приступили к длительному переходу на левый берег Южной Моравы, чтобы попытаться счастья с этой стороны. В течение целых двух месяцев Черняев отражает и это второе турецкое насту-

пление. Упорные бои на Криветской и Шилеговачской позициях и у Бобовища в сентябре и в первой половине октября 1876 года велись, в сущности, не ради решительной победы над Турцией, а для того, чтобы дать время сербской дипломатии и русским славянофилам ввести в войну Россию и вызвать восстания в Турции. Турция имела значительное преобладание сил: четыре пехотные дивизии низама (кадровая служба в низаме — 5 лет), отлично вооруженные и экипированные, постепенно, в продолжение четырех месяцев, собирались из всех частей Европейской Турции и двигались долиной Южной Моравы на утомленную и поредевшую сербскую милицию. Вследствие этого, когда 17 октября 1876 года турки прорвали сербский фронт на Джунисе, Сербия была вынуждена просить мира. Ее политическая цель не была достигнута, а военные силы были исчерпаны: ни Россия, ни болгары, ни греки не пришли на помощь сербам, как это было обещано, и на что надеялись. А Европа оставалась совершенно равнодушна и холодна к этой героической борьбе сербского народа. Призыв князя Милана к русскому царю Александру II спасти Сербию встретил теплый отклик не только со стороны русского императора, но и во всей России. Могущественный его голос мгновенно остановил турецкие орды, и они не хлынули на Шумадию и к Белграду. Быстрое прекращение турецкого наступления, с которым сербские войска больше не могли бы справиться, тесно связано с Черняевым и его русскими добровольцами. Ибо, если бы их тогда не было в Сербии, и если бы их судьба не была так тесно связана с судьбою Сербии, находившейся под такой страшной угрозой, едва ли Александр II выступил бы так быстро и так решительно, угрожая Турции, что Россия начнет мобилизацию против нее, если она не остановит немедленно наступления. Если бы было пропущено несколько дней, последствия могли бы иметь катастрофическое значение для Сербии.

Получив чин генерала сербской службы, Черняев со своими добровольцами покинул после Джунисской битвы 18 октября Сербию и вернулся в Россию, где попал в немилость у влиятельных кругов. Ему ставили в вину, что участием своим и его добровольцев в рядах сербского войска он возбудил сильное воинственное настроение в России, которая совершенно не желала в 1876 году рисковать войной. Таким образом, Черняев, как политик, славянофил и рыцарь-солдат, за свой светлый характер и твердое решение прийти на по-

мощь своим русским авторитетом братьям сербам в их неравной борьбе, подвергся тяжелой участи царской немилости. Но этим Черняев доказал все величие своей славянской души и характера¹.

6. Вторая война Сербии с Турцией. Сербская армия в союзе с русской.

Во второй сербско-турецкой войне сербская армия действовала, начиная со 2 декабря 1877 года, в качестве союзницы императорской русской армии. Ее операционный план был согласован с русским и диктовался во всех подробностях русским Верховным командованием, которое было для сербской армии главным союзным командованием. В этой войне сербская армия наступает в Тимокском и Шумадийском направлениях главными силами в 40 тысяч бойцов от Княжевца к Пироту и по Нишаве и занимает Пирот, Ниш, Лесковац, Кюстендиль и Вранье. Этим она оказывает содействие русским силам, которые от Плавны наступают к Софии. Этот Тимоцкий корпус вошел в связь с русскими около Сливницы. В это время Моравский корпус, наступая по обоим берегам Южной Моравы, частью своих сил защищал наступление первых двух корпусов со стороны Косова, а другой частью принял участие в нападении на Ниш. В этой войне сербская армия довольно легко одерживала верх над турецкими силами, потому что главная масса турецких войск была совершенно прикована русской армией. Для Сербии эта война была закончена в течение двух месяцев.

7. Двенадцать лет перерыва военных отношений Сербии с Россией

Сербия была разочарована поведением официальной России по отношению к ней на Берлинском конгрессе (летом 1878 года), особенно вследствие того, что Россия бросила Сербию в вопросе о но-

¹ О Черняеве писали отрицательно, что во многом не соответствует истине. Его называли авантюристом, идеалистом, что, может быть, и справедливо. Но нельзя отрицать его большой военной энергии, храбрости и честности. Слободан Иванович говорит о нем следующее: (*Јовановић С.* Влада Милана Обреновића: Књ. 1 (1868—1878). Београд, 1926. С. 322): «Кроме Черняева, никто из главных военачальников не имел военного опыта», а уже одно это значило много, т. к. во главе сербской, совершенно неопытной, милиции стоял человек, который знал по собственному опыту, что такое война» (ссылка В. Максимовича).

вых границах с Турцией, а также вследствие стремления министра Горчакова создать Сан-Стефанскую Болгарию и уступить ей часть Южного Поморавля, которое сербская армия освободила от турок в войне 1877—1878 гг. Наконец, не надо забывать, что политика Горчакова, направленная на сотрудничество с Австро-Венгрией, способствовала сильному охлаждению сербо-русских отношений. Не имея никакого другого выхода, по совету самого Горчакова, политика Сербии пошла в направлении сближения с Веной. В 1881 году Сербия была вынуждена заключить со своим могущественным северным соседом тайную военную конвенцию. Все это противоречило чувствам сербского народа, но ответственность за это несет, прежде всего, официальная Россия. При таких обстоятельствах военные связи между Сербией и Россией совершенно прекратились: в это время ни один сербский офицер не направлялся в Россию. И более того: на тех, кто симпатизировал России, смотрели, как на врагов правительства. В эту пору у известных руководящих людей Сербии укоренилась сильная антипатия ко всему русскому и даже боязнь его.

Между тем именно в это время молодое Болгарское княжество, созданное русской кровью и русскими деньгами, сделалось любимцем России, а также поприщем военных и политических экспериментов. Первым военным министром Болгарии был русский генерал Паренсов. Он организует болгарскую армию при содействии ста русских офицеров действительной службы, по русскому типу. В 1879 году в Софии основывается военное училище, низшая школа для подготовки офицеров. В военные академии в Россию каждый год отправляются молодые болгарские офицеры для получения высшего образования. Из этого поколения вышли позднейшие генералы: Бендерев, Горев, Рачо Петров, Ратко Димитриев, М. Савов, Н. Иванов.

Как раз в это время русская армия и русские военные школы приобрели очень высокую репутацию и считались среди наилучших в Европе. Дело в том, что русская армия имела теперь самую свежую и обширную боевую практику, а русские академии имели самый последний материал для научной обработки и создания военной науки. Николаевская академия Генерального штаба в это время находилась под управлением генерала Драгомирова и служила образцом и для немцев. Фельдмаршал Мольтке намеревался в 1886 году ввести в Берлинской военной академии специальное отделение для слушателей, обнаружи-

вающих лучшие успехи (селекты), по образцу русской академии Генерального штаба, в которой имелся с 1869 года дополнительный курс для наиболее успевающих. А когда в том же году Мольтке посетил эту русскую академию, он в своем ответе на приветствия профессорского совета академии заявил, что преклоняется перед научным духом и умом генерала Генриха Леера, которому, как знаменитому автору «Стратегии», он не достоин обтереть прах на сапогах.

8. Возобновление военных сношений Сербии с Россией от девяностых годов XIX века до Балканских войн 1912 г.

После неуспеха войны с Болгарией в 1885 году, объяснявшегося главным образом слабостью сербского высшего командования, сербское верховное военное управление спешит использовать улучшение дипломатических отношений с Россией после отречения короля Милана и в девяностых годах возобновляет посылку молодых офицеров в высшие военные школы России. Туда отправляется теперь второе поколение офицеров — именно в Николаевскую Академию Генерального штаба — Петр Мишич, Драгутин Милутинович, Стефан Хаджич, Бранко Иованович, Стеван Бошкович (геодезическое отделение); а затем представители уже третьего поколения офицеров: Драгутин Оканович, Бранислав Лонткиевич, Душан Станкович, Милан Новакович и Драгутин Кушакович; наконец, как представители четвертого и последнего перед мировой войной поколения, в Россию едут в 1901—1904 гг. Воин Максимович, Владимир Белич, Миливое Милич, Милорад Терзич (двое последних на геодезическое отделение) и Милорад Майстанович. За это же время оканчивают Михайловскую артиллерийскую академию Гойко Джурич, Радивое Бойович, Миливое Йоксимович и Тома Павлович (этот последний в 1918 году), а Николаевскую инженерную академию окончили Милан Туцакович, Любомир Попович, Жарко Протич и Милан Николич. Интендантскую академию прошли Драгослав Петрович и Живоин Пейович. Кроме того, четверо прошли Военно-юридическую академию: Милан Маркович, Милан Васич, Гойко Павлович и Миливое Иоич. В это время (зимой 1902—1903 гг.) Сербия получила от России 70 000 ружей-берданок и 10 миллионов патронов. Русская политика работает над сближением Сербии с Болгарией. Создается основание для новой славянофильской политики. Россия снова стала

возвращаться к роли защитника славян на Балканском полуострове и настаивает (особенно военный министр Куропаткин) на том, чтобы Сербия посылала возможно большее число своих офицеров в русские военные школы, чтобы этим путем создавалась самая тесная связь между обеими армиями и единство военной идеологии на случай общей борьбы с общими врагами.

Таким образом, за время с 1865 до 1914 года, т.е. за время почти в 50 лет, сербская армия получила из России всего 28 офицеров с высшим военным образованием, более точно: четырнадцать человек с высшей генерал-штабной подготовкой, двух с высшим геодезическим образованием, четырех с артиллерийско-техническим образованием, пятерых с инженерно-техническим, двух с интендантским. Кроме того, еще четверо получили высшее военное-юридическое образование.

Затем известное число сербских офицеров посещало практические военные школы: 1) пехотную стрелковую школу в Ораниенбауме, 2) артиллерийскую стрелковую школу в Царском Селе кончили Марко Милисавлевич, Душан Каклич, Душан Тодорович, Чедомир Иованович и Ранко Никетич, 3) Инженерную практическую школу — Николай Дерок, 4) кавалерийскую офицерскую школу в Петрограде кончили Джордже Крстич, Петр Саватич, Милош Мимич, Младен Лукичевич и Драгутин Мичич, 5) топографическую школу окончили Петр Маджарович и Николай Кусакович, 6) военно-педагогическое образование получили Милан Живкович и Мих. С. Илич.

Кроме того, двадцать офицеров находились в русских войсках, прикомандированные к частям разных родов оружия и к разным гарнизонам. Это были Мих. Живкович, Милутин Марнович, Люб. Милич, Д. Попович, Милош Божанович, Вел. Пирочанац, Коста Милетич (авиация) и т.д.

Кроме того, около двадцати сербов прошли русские низшие военные училища разных родов оружия и потом вступили в сербскую армию.

Итак, всего сербская армия, от своего возникновения и до начала мировой войны, обучила в России около сотни своих офицеров, а именно: в академиях 28, в специальных низших школах около 40, и в войсках около 30, всего около ста человек. Это число для срока почти в 50 лет невелико: оно ниже скромного. Причина этого

заключалась в следующем: хотя в Сербии до мировой войны, за исключением одного десятилетия, Россия предпочиталась как рассадник военных знаний всем остальным странам, тем не менее существовало желание поддержать свои собственные школы, и таким образом поставить сербскую армию на собственные ноги. Хотелось создать свою собственную, национальную военную мысль, и даже отдельную, собственную сербскую военную доктрину, в чем, однако, успех не был достигнут.

Из вышеназванных сербских офицеров, которые получили образование в России, до сих пор играли выдающуюся роль и имели большое влияние на органическое развитие сербской армии и на военную мысль в ней следующие лица: 1) генерал Сава Груич, который за время с осени 1876 года до весны 1906 года был пять раз военным министром, проведя на этом посту более пяти лет. Как артиллерист и как хороший организатор, он оказал особенно большую услугу в смысле пополнения военного снаряжения во время второй войны с Турцией; генерал Груич отдался политической деятельности и был очень способным государственным человеком Сербии. 2) Генерал Дмитрий Джурич был с 1889 до 1892 г. два раза военным министром, всего полтора года; в войне с Турцией 1876 года и в войне с Болгарией 1885 года он, имея чины майора и подполковника Генерального штаба, был главным интендантом сербской армии, а в последний год своей жизни занимал должность начальника Военной академии и был одним из лучших ее начальников; он был отличным педагогом и военным философом. Им написана «Стратегия» (издана в 1895 году)¹. Это была первая полная теория стратегии на сербском языке, в сущности, репродукция знаменитой «Стратегии» Леера. 3) Генерал Михаил Магдаленич уже в последние годы прошлого века выдвинулся в первый ряд европейских фортификаторов. Обладая очень широким образованием и солидной инженерной подготовкой, генерал Магдаленич остался и до сих пор нашим непревзойденным фортификатором, теоретиком и практиком. Его библиотека, которая после его смерти (он умер в 1927 году) была подарена Военной академии, богата произведениями первоклассного значения: в огромном своем большинстве она состоит из русской литературы эпохи рас-

¹ *Ђурић Д.* Стратегија: (тактика војевања): по Стратегији руског ђенерала Лера: (са засебним атласом слика). Београд, 1895.

цвета русской военной мысли, а особенно из стратегических сочинений Леера. 4) Генерал Стеван Хаджич, уже шестой раз с 1919 года военный министр королевства Югославии, является отличным организатором и администратором, обладающим необычайной работоспособностью. Он преподавал в Высшей школе Военной академии тактику и стратегию, в войнах он командовал дивизией и был начальником штаба у воеводы Мишича. Генерал Хаджич представляет собой, несомненно, наиболее опытного военного министра, какого Сербия имела когда-нибудь. Как таковой, он проводит новейшую организацию южнославянской армии, совершает вооружение ее наиболее современным оружием. Его министерские требования пользуются, безусловно, большим авторитетом в армии, что доказывает, что командование войсками находится в крепких руках и соответствует требованиям сильной дисциплины. Он министр уже пятый год. 5) Генерал Бранко Йованович очень успешно командовал кавалерийской дивизией в 1914 и 1915 гг., и притом в очень тяжелых условиях; в 1920 и 1921 годах он был министром армии и флота, одним из лучших министров Королевства С. Х. С. В общей сложности он был министром в течение года. 6) Артиллерийский полковник Радивое Бойович, воспитанник Михайловской артиллерийской академии, был отличным профессором артиллерии и баллистики в военной академии, два раза был военным министром Королевства Сербии, и при том оба раза во время войн: в 1912—1913 и в 1914—1915 гг., всего один с третью год.

Если принять во внимание, что от возникновения военного министерства в Сербии в 1861 году и до начала 1930 года в Сербии и в королевстве Югославии было всего сорок два различных военных министра, то значит, что за это время всякий военный министр занимал свой пост в среднем один год и полмесяца. Из этого видно, что пять министров с русским образованием держали до сих пор портфель военного министерства 13 % лет, т.е. в среднем каждый по 2 года и 7 месяцев, а остальные министры в среднем оставались министрами только по полтора года. Генерал Груич с пятилетним стажем, а особенно генерал Хаджич почти с пятилетним непрерывным министерским стажем, дают пример наибольшей устойчивости министерской деятельности у нас. И это, особенно в связи с тем обстоятельством, что четверо из названных министров с русским высшим военным образо-

ванием были военными министрами (Груич в течение второй сербско-турецкой войны, Бойович в Первой Балканской войне и в начале мировой войны) во времена тяжких напряжений Сербии, когда требовалось создать боевые средства в стране и получить их извне, или же (Хаджич и Бранко Йованович в совокупности 5 с половиной лет) имели задачей организовать армию в конце мировой войны и после нее и создать новую армию королевства Югославии, — все это подчеркивает особенную даровитость именно этих русских воспитанников.

III. Влияние русской стратегической науки на сербскую стратегическую мысль

Мы видели, что крупнейшие сербские и южнославянские военные министры, организаторы и реорганизаторы вышли из круга русских воспитанников. Между тем отсутствуют русские воспитанники Николаевской академии во главе Генерального штаба, во главе которого мы видим только бывших воспитанников Высшей Школы сербской военной академии. Это становится достаточно понятным, если принять во внимание, что должность военного министра, как в королевстве Сербии, так и в королевстве С. Х. С. и Югославии, всегда господствовала над должностью начальника главного Генерального штаба, так как эта последняя, по указаниям закона об устройстве войска от 1883, 1901, 1923 и 1929 гг., всегда являлась только вспомогательным органом военного министра для подготовки военной обороны.

Связь русской стратегической науки с сербской (южнославянской) армией происходила не только непосредственно через сербских офицеров — русских воспитанников академии Генерального штаба. Эта связь осуществлялась с помощью весьма развитой русской научной военной литературы, особенно стратегической, которую генерал Леер поднял на высоту первоклассной научной ценности, признанной всем военным миром. Эти труды переводились на все главные европейские языки. Отсюда становится понятно, что стратегическая наука в Сербии (и в Югославии) разрабатывается, изучается и применяется по чисто лееровскому методу, который почти что вошел в догмат. Ибо, если признать, что основание лееровской теории «Стратегии» (как он говорит сам в 1-й книге своей «Стратегии»: «Значение операционной линии близко к роли солнца

в планетарной системе») опирается на три совокупных особенности операционной линии: 1) важность цели, 2) удобство операционного направления и 3) безопасность операционного направления, — то нетрудно убедиться, что эти основные положения Леера буквально повторяются в «Стратегиях», которые писали сербские писатели: полковник Дмитрий Джурич (издание 1895 года, стр. 205)¹, полковник Живоин Мишич (издание 1907 года, стр. 141)², компиляция Комненовича и Аранджеловича (издание 1911 года, стр. 24)³, полковник Милан Раденкович (издание 1922 года, стр. 208)⁴ и дивизионный генерал Любомир Марич (издание 1925 года, стр. 220)⁵. Отсюда следует, что вся сербская стратегическая теория построена на основе теории Леера, которую сам он разработал на основании принципов барона Жомини. Эти принципы были положены в основание всей русской стратегической теории. Это показывает, что сербская стратегическая мысль всецело усвоила стратегическую науку, которую она восприняла в Петроградской академии Генерального штаба. А если принять во внимание, что это направление стратегической науки и до сих пор продолжается в соответствующих военных школах королевства Югославии, то станет ясно, какие глубокие корни пустила у нас русская стратегическая мысль.

Если к этому прибавить следующие произведения: перевод полковника Светозара Нушича лееровского «Метода в военных науках стратегии и тактики» 1891 г.⁶, перевод полковника Миливоя Николаевича «Леер. Некоторые эволюции в стратегии» (1901)⁷, а также перевод полковника Влад. Николича «Леер. Сложные операции»⁸,

¹ *Ђурић Д.* Стратегија: (тактика војевања): по Стратегији руског ђенерала Лера: (са засебним атласом слика). Београд, 1895.

² *Мишић Ж.* Стратегија: вештина ратовања: са засебним атласом слика / предавања на вишој школи војне академије од 1898—1904. Београд, 1907.

³ *Аранђеловић Р.* Комненовић Т. Стратегија: са 20 слика у 2 прилога. Београд, 1911.

⁴ *Раденковић М.* Стратегија: (са 46 скица у прилогу). Београд, 1922.

⁵ *Марић Љ.* Стратегија: по предавањима на Вишој школи Војне академије: са 70 скица, цртежа и карата у засебној свесци. Београд, 1925.

⁶ Стратегија. Београд, 1890.

⁷ *Лер Х.А.* Неке еволуције у стратегији, с руског превео *М.Ј. Николајевић*. Београд, 1901.

⁸ *Лер Х.А.* Сложене операције: сувремена начела војсковођења, с руског превео *В. Николић*. Београд, 1894.

которые были положены в основу труда генерала Марича «Стратегия» (1925)¹, то этим еще более подтверждается вышеприведенное значение гегемонии стратегической теории Леера и в современном понимании и изучении стратегии в Югославии.

Это влияние русского стратегического учения было полезно для сербской армии во всех случаях, когда ее военачальники держались в своих стратегических рассуждениях и операциях смысла лееровского учения, основанного на стратегии величайшего боевого мастера, Наполеона. У этого последнего принцип постоянной готовности войска ко всем случайностям и представляет собой именно ту безопасность, которую требует и Леер для операционного направления.

IV. Эпоха семилетних войн Сербии (1912—1919)

1. Возвращение России к европейской политике и роли защитницы балканских славян

После несчастливой войны с Японией (1904—1905) Россия вернулась к своей прежней линии сложной политики: защите балканских славян и политике Ближнего Востока. Теперь, уже как ближайший сотрудник Франции, Россия начинает реорганизацию своих вооруженных сил, чтобы подготовиться как можно скорее к своей роли великой державы в том европейском осложнении, которое уже ясно намечалось.

Наряду с подготовкой в прямом смысле этого слова русская политика стремится и к тому, чтобы приобрести себе союзников и на Балканах. С этой целью уже в 1902 году был заключен военный союз с Болгарией на случай войны России с Австрией и Румынией.

С нарастанием южнославянского настроения и движения в южных областях Австро-Венгрии — движения, в котором Сербия играет роль Пьемонта, — в России Сербия приобретает все более видное значение наряду с Болгарией, как фактор, могущий сыграть значительную роль в общей войне, которую Россия и Сербия могли бы, как союзники, вести против Австрии, хотя бы и не в том виде, как это сто лет тому назад предполагал император Александр I, планировавший Славянское царство с уже готовыми, сформировавшимися славянскими племенами, от Тимока до Дравы. Теперь Сербия, представляя

¹ *Марић Љ.* Стратегија: по предавањима на Вишој школи Војне академије: са 70 скица, цртежа и карата у засебној свесци. Београд, 1925.

с собой магнит для южных славян в пределах Австро-Венгрии, т.е. для австрийских сербов, хорватов и словенцев, должна была выполнить задачу минирования Дунайской монархии на ее южном фронте. Разумеется, такая роль Сербии была бы более сильна и надежна, если бы за Сербией стояла, кроме Черногории, и Болгария. Этим объясняются усилия русской дипломатии, особенно после ее неуспеха в вопросе аннексии Боснии и Герцеговины в 1908—1909 гг. привлечь Сербию и Болгарию к соглашению и союзу.

2. Балканский союз христианских королевств для войны против Турции

Отношение России к Балканскому союзу.

В обоих из двух королевств в это время пришли к убеждению, что порознь ни одно из них не сможет ничего добиться для своих соплеменников в Турции, где христиане влачили, можно сказать, свои последние дни. Поэтому, при энергичном участии России, 29 февраля 1912 года между Сербией и Болгарией был заключен оборонительный союз, из которого в течение 1912 года развился так называемый Балканский союз четырех балканских королевств: Сербии, Болгарии, Греции и Черногории. Основу этого союза составляло соглашение Сербии с Болгарией, которое осуществилось после долгих усилий, но не на достаточно твердой почве, вследствие неискренности, проявленной с болгарской стороны в вопросах о разделе земель на случай успешной войны с Турцией, так как Балканский союз имел смысл только при наступательной войне с Турцией. Россия взяла на себя роль верховного арбитра в лице императора Николая II, который должен был решать возможные спорные вопросы во время войны и при ликвидации ее между Сербией и Болгарией.

Между тем в России были не слишком обрадованы, узнав о действительной цели Балканского союза и о предстоящей войне с Турцией, несмотря на то, что в договоре предвиделась и возможность войны с Австрией, в каком случае Болгария должна была выставить на помощь Сербии 200 000 человек. Это не могло не быть весьма полезным для России и шло в фарватере ее политики. С одной стороны, правящие круги опасались, что Россия может быть слишком рано втянута в войну, к которой она не была готова, и помнили опыт войны 1877—1878 гг., результатами которой русская диплома-

тия не могла очень воодушевляться. Кроме того, связанная точным союзным договором и военной конвенцией с Францией, которая не допускала и мысли о вмешательстве России в большую европейскую войну ради Балканского полуострова, русская дипломатия (Сазонов) направила все свои усилия на то, чтобы отвлечь Балканский союз от его прямого назначения. В этом направлении из Петрограда оказывается давление на Белград и Софию, сначала советами и напоминаниями, а потом и открытыми угрозами: что Россия желает победы Турции над балканскими христианскими государствами. То же самое повторяют и официальная Франция и Англия. Между тем поведение Австро-Венгрии заключало в себе недвусмысленную опасность для Сербии, а Румыния точно так же стояла за Сербией, претендуя на исправление границы в Добрудже.

3. Первая Балканская война 1912—1913 гг.

Тем не менее, несмотря на всю сложность политического положения в Европе и на могущие произойти от этого последствия, Балканский союз начал 5 октября наступательную войну с Турцией. В течение трех месяцев турки были в Македонии и Фракии совершенно разбиты и загнаны за укрепления чаталджинской линии. Мир с Турцией, подписанный в Лондоне 17 мая 1913 года, закончил Первую Балканскую войну.

Первым результатом этой войны Россия могла быть вполне удовлетворена, ибо то, над чем ее политика трудилась в течение последних 150 лет, изгнание Турции из Европы, было теперь почти окончательно исполнено и достигнуто: граница Болгарии с Турцией шла теперь по линии Энос—Мидия. Турция, один из самых старых и могущественных врагов и России и балканских славян, была теперь разбита и ослаблена. Этим была оказана помощь и России, которая в предстоящей большой войне столкнулась с уже уменьшенной и ослабленной Турцией.

4. Вторая Балканская война 1913 года

Но вследствие непримиримости Болгарии в вопросе о разделе завоеванной территории, и даже в вопросе ясного, заранее предусмотренного, обязательства передать спор на решение русского императора Николая II, во второй половине июня 1913 года дело дошло до

разрыва Балканского союза. Без объявления войны Болгария напала на Сербию и Грецию и тем навязала себе войну еще и с Румынией, кроме Черногории и, наконец, и Турции. Вторая Балканская война, законченная в сорок дней (17 июня — 28 июля 1913 года), вызвала разочарование претенциозной официальной Болгарии, и после этого она вошла в сферу влияния Германского союза.

V. Перед мировой войной, 1913—1914 гг.

1. Военно-политическая ситуация

Две Балканские войны, 1912—1913 гг., показали великим державам всю непрочность тогдашней идеи европейской политики, которая состояла в сохранении статус-кво в Европе. Создалось новое положение, с которым особенно не могла примириться Дунайская монархия, где велись непрерывные разговоры о войне против Сербии с целью устранить южнославянскую опасность, угрожавшую Австро-Венгрии. Дело в том, что Сербия, как победительница в обеих войнах, сильно возросла в своем значении. Южнославянское движение в южных землях Габсбургской монархии снова вспыхнуло, охватив интеллигентные круги и городскую буржуазию. В воздухе чувствовалась новая война: Австрия против Сербии, — война, которая имела бы своей целью аннексию Сербии, причем солидное вознаграждение должно было достаться и Болгарии. Перед Сербией стояла почти такая же опасность, как в 1813 году: теперь у Австро-Венгрии, как некогда у Турции, были развязаны руки в ее действиях против Сербии. Россия, этот прежний союзник восставшей Сербии Карагеоргия, теперь не хотела заключать с Сербией какого бы то ни было договора. Россия, которая посылала карагеоргиевской Сербии манифесты и приглашения к совместной войне против Турции, обещая создание славяно-сербского царства, спустя сто лет не хотела вступать ни в какие договорные отношения с усилившимся Королевством Сербия, вышедшим победителем из двух Балканских войн. Такое отношение России было последствием: 1) собственного опыта 1876—1877 гг., так как вызов Сербии войны 1876 года был еще слишком свежим воспоминанием, да притом еще очень грозным предостережением вследствие неуспеха на Дальнем Востоке и в связи с этим 2) военной неподготовленности России к новой, а особенно к большой европейской войне, и, нако-

нец, и главным образом вследствие тесной политической зависимости России от Франции, на основании союзнических обязательств по отношению к этой последней.

Этим объясняется, что до самого 1912 года русские военные планы не считаются с Сербией, как с союзницей. Начинались кое-какие переговоры, но они не доводились до конца. Первая серьезная попытка такой политики, чисто французско-русского союза и его военной подкладки, была сделана в 1908—1909 гг., во время так называемого аннексионного кризиса. Нападение было направлено в этот момент на Россию столько же, сколько на Сербию, а Сербия стояла на пороге войны, и в первой четверти 1909 года оказалось, что тогдашнее стратегическое развитие русской армии абсолютно не допускало быстрых наступательных действий значительных русских сил против Австро-Венгрии. Ибо за целых десять лет до того русский Генеральный штаб, гипнотизируемый излишним страхом перед наступательными способностями Германии, непрерывно побуждаемый французским Генеральным штабом к возможно значительной концентрации сил против Германии как главного (и единственного) неприятеля и не забывавший военной неподготовленности после неудачи 1905 года, отвлек стратегическое развертывание своей армии сначала из западной части Царства Польского, а потом и из восточной части его, отодвигаясь все более назад, к Двине и Днепру. Вследствие этого во время аннексионного кризиса Россия была слишком слаба в военном отношении, чтобы смыть с себя это дипломатическое пятно. И в этом кризисе, как 90 лет тому назад при Бухарестском договоре, Сербия была выдана с головой общему русско-сербскому врагу, Австро-Венгрии. В первое десятилетие XX века русское правительство не имело, таким образом, ни той свободы для политических и военных решений, какую оно имело сто лет назад, ни того широкого взгляда на роль южных славян, каким отличался Александр I.

Едва произошло неожиданное выступление Болгарии летом 1913 года, как министр иностранных дел Сазонов заявил Софии, что союз, заключенный в 1902 году между Россией и Болгарией, больше не существует. С Сербией же совершенно не хотели связываться (*Валентинов*). Военные договоры России с иностранными государствами до войны 1914 года. Исторический сборник 1914—18.

Т. 2. Москва, 1919. С. 94—128)¹, из боязни, что известная агрессивность этой последней доведет Россию до войны с Австрией, вне русла русско-французского союза. Союз с Болгарией, заключенный в 1902 году, был разорван. Казалось, что Россия, стоя перед опасностью осложнения из-за Балкан, совершенно оставила ту свою историческую роль на Ближнем Востоке, которую император Александр I строил так широко и с таким размахом в 1811—1812 гг.

Что касается Сербии, то, оставшись после Второй Балканской войны в действительном союзе только с Черногорией, она оказывалась в катастрофически изолированном положении перед лицом опасности, грозившей ей из Австро-Венгрии. При этом нельзя было сделать ничего существенного, чтобы уговориться и подготовиться вместе с Россией, этим естественным союзником, к предстоящей войне с Австро-Венгрией, войне, которая представлялась неминуемой ввиду настроения всего общества и влиятельнейших кругов его.

2. Русский военный план

Между тем европейский кризис, который возник из-за Первой Балканской войны, особенно из-за Скандрского вопроса, открыл глаза и державам «Сердечного Соглашения» (*l'Entente Cordiale*). Россия, вызванная тайной мобилизацией Австро-Венгрии в Галиции зимой 1912—1913 гг., была принуждена осенью 1912 года видоизменить свой прежний военный план, приспособив его к новой европейской ситуации, в которой Италия (утомленная войной в Триполитании) не могла выступить против Франции, но должна была остаться нейтральной. Зато Германия, тем более, должна была с самого начала войны бросить огромное большинство своих сил в наступление на Францию, оставив против России только заслон в 3—4 корпуса. Такая ситуация была положена в основу русского плана войны, который вырабатывался в России с февраля по май 1912 года под энергичным влиянием генерала Алексеева. Таким образом, в 1912 году, как раз в то время, когда на Балканах завязывался союз Сербии с Болгарией, и в России происходило кардинальное изменение плана

¹ *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. В кн.: «Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.». Вып. 2. Москва, 1919. С. 94—128 (ссылка В. Максимовича).

войны. Преобладали стратегический оптимизм и вера в свои силы: это была заслуга главным образом генерала Алексеева. План войны был выработан на два возможных случая: А) сначала большими силами нападение на Австро-Венгрию, чтобы поскорее покончить с ней как с главным неприятелем России, тогда как по отношению к Германии предполагалось держаться первое время оборонительной системы; и В) сначала наступление на Германию, а затем второстепенные силы и операции против Австро-Венгрии.

Когда началась война членов Балканского союза против Турции, и вследствие ее в Европе произошло осложнение, тогда, главным образом под влиянием французского Верховного командования, в этот выработанный русский план (утвержденный подписью царя в мае 1912 года) были внесены в ноябре 1912 года дополнения, относящиеся к Сербии. На заседаниях, происходивших в Москве, пришли к нескольким заключениям, которые и были положены в основание первоначального операционного плана русских армий юго-западного фронта: 1) Россия не должна упустить ни одной минуты для объявления мобилизации, так чтобы ее мобилизация совершалась более или менее одновременно с неприятельской, и 2) война должна быть объявлена с таким расчетом, чтобы операции русских армий могли развиваться в то время, пока еще Австрия не закончила борьбы с Сербией.

По-видимому, это было сделано под влиянием французского правительства (французского военного министра Мильтерана) с той целью, чтобы Россия воспользовалась случаем, когда Австрия будет иметь раздвоившуюся армию: против Сербии и против России. При таких неблагоприятных для нее условиях можно было рассчитывать на скорейшую победу над Австрией. Этим путем Россия могла бы сэкономить значительные силы на юго-западном фронте (против Австро-Венгрии) и двинуть эти свои сбереженные силы на Германию, в направлении к Берлину (см.: *Зайончковский*. Подготовка России к мировой войне. Планы войны. С. 180)¹. Таким образом, благодаря влиянию французского правительства русский план войны, выработанный в 1912 году, принял за основание начала своих операций военную ситуацию Сербии по отношению к Австро-Венгрии.

¹ *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. Москва, 1926.

Между тем в военной игре, которая разыгрывалась весной 1914 года в штабе Киевского военного округа и на которой разрабатывались вопросы наступления четырех армий юго-западного фронта против Австро-Венгрии, о Сербии еще ничего не говорилось. Это значит, что в умы русских военачальников еще не проникла идея сотрудничества с Сербией, как с союзницей. Были забыты очень поучительные примеры отношений с Сербией из времен 1807—1812 гг. По-видимому, войны 1876 и 1877—1878 гг. с Турцией и последствия их сильно дискредитировали Сербию в глазах русских стратегов 1914 года. Они отнеслись со слишком большим пренебрежением к этому малому союзнику, который уже три раза, как союзник России (1807—1812, 1876 и 1877—1878 гг.) принес ей гораздо больше пользы, чем вреда, союзник, которого так правильно оценил, как полезного соратника, уже сто лет тому назад император Александр I.

В первоначальном операционном плане для юго-западного фронта не допускалось и мысли о наступлении каких-либо русских сил из Галиции через Карпаты в Венгрию, навстречу сербам. Между тем такой операцией, хотя бы и со сравнительно слабыми силами, можно было бы достигнуть больших результатов: распада Венгрии и, кроме того, приобретения Румынии против Австро-Германии. Однако от этого понимания отказались в 1915 году, когда в начале этого года, ради политического влияния на скорейшее вступление Италии и Румынии в войну на стороне нашего союза, были посланы четыре корпуса через Карпаты в Венгрию. Но тогда последовало роковое австро-германское наступление у Горлицы, и русские армии должны были оставить все, что они приобрели так славно и после таких жертв в Галиции и на Карпатах.

Таким образом, Сербия и Россия встретили начало мировой войны без каких бы то ни было формальных приготовлений и соглашений. Наступил самый худший случай, чем можно было себе представить. Если для России это и не могло иметь тяжких последствий, то для Сербии это могло кончиться полной гибелью. Ибо военные связи между естественными союзниками, каковыми являются и были Сербия и Россия, имеют уже ту хорошую сторону, что при этом могут быть заблаговременно исправлены и пополнены дефекты в вооружении и военном снабжении вообще. А из Балканских войн Сербия вышла со скудным вооружением и снабжением. Насколько возрос

военный опыт сербской армии, настолько недостатки ее вооружения могли уменьшить ее тактическую, да и моральную ценность.

3. Сербский план войны против Австро-Венгрии

Сербский план войны на случай борьбы с Австро-Венгрией был основан целиком на обороне, а стратегическое развертывание сербской армии для этой войны, как оно было разработано во время аннексионного кризиса 1908—1909 гг., еще так и не менялось. Этот план был довольно неэкономичен, потому что почти половина сил предназначалась на защиту границы (именно: 4 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, а также три четверти третьего призыва), а остаток ставился на линии от Великой Моравы до Колубары, фронтом на север. Между тем на случай войны одновременно с Сербией и с Россией австрийцы готовили главное нападение на Сербию из Боснии. На севере предполагалась только демонстрация. Таким образом, для большой войны с могущественным неприятелем сербская стратегия не имела твердого основания для разработки стратегического развертывания, которое отвечало бы неприятельскому операционному плану. Этого, во всяком случае, не было бы, если бы сербский Генеральный штаб находился перед войной в непрерывном контакте с русским, да и с французским Генеральным штабом, что дало бы гораздо лучшие результаты и в области осведомительной службы, от которой и зависит правильная постановка таких крупных стратегических явлений, как развертывание и начальные операции.

Между тем отсутствие всяких соглашений Сербии с Россией, хотя и имело тяжкие последствия в смысле слабого снабжения сербской армии, все-таки не означало отсутствия всякой надежды на совместную, союзническую деятельность двух славянских земель.

4. Заступничество России за Сербию летом 1914 г.

Когда регент Сербии Александр 24 июля (6 августа по нов. ст.) послал депешу (№ 37), которая заканчивалась обращением: «...В эти тяжелые минуты я выражаю чувства своего народа, который закликает Ваше Величество заинтересоваться судьбой Сербского королевства», ответ императора Николая (депеша была получена в Белграде 27 июля (9 августа) гласил: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все мои усилия будут направлены на

эту цель. Но, если, несмотря на все наши искреннейшие желания, это не удастся, пусть Ваше Высочество будет уверено, что Россия и в этом случае не оставит Сербию». Бросается в глаза, что император Николай II, как и его предок Александр I, говорит, так сказать, одним и тем же языком: «Россия не оставит Сербию». Эти два документа, обращение сербского престолонаследника к России и ответ императора Николая II, представляют собой два основных документа первоклассного военно-политического значения для дальнейших отношений России и Сербии в течение войны, которая в те дни началась. Ответ императора Николая означает, в сущности, договор о союзе России с Сербией. Таким образом, в течение трех дней (24—27 июля ст. ст.) между Россией и Сербией формально были возобновлены старые союзнические отношения эпохи 1807—1812 и 1877—1878 годов. И действительно, Россия приняла объявление Австрией войны Сербии 28 июля 1914 года за повод для войны, и в духе ноябрьского постановления о плане войны (1912) сейчас же, 29 июля (первым днем частичной мобилизации против Сербии в Австро-Венгрии было 28 июля), объявляется сначала частичная мобилизация, т.е. мобилизуются войска для четырех армий юго-западного фронта, который предвиделся для наступления против Австрии, а 30 июля объявляется и общая мобилизация вооруженных сил России, и первым днем мобилизации назначается 31 июля. Так как в Австрии общая мобилизация была объявлена только 31 июля, причем первым днем этой мобилизации, предназначенной против России, определялся 4 августа, то это значит, что русская мобилизация имела перед австрийской преимущество в четыре дня. Таким образом, в мировой войне 1914 года Россия и Сербия снова выступили на историческую арену, как формальные союзники, в третий раз за последние сто лет. Между тем Болгария, создание русской крови и русских денег, с которой в 1902 году была заключена и военная конвенция, изменяет и своей благодетельнице России, и всему славянскому делу, и начинает переговоры о союзе с Австро-Венгрией и Германией, придерживается по отношению к ним дружественного нейтралитета и пропускает в Турцию немецких офицеров-инструкторов, солдат и военные материалы, пока, наконец, осенью 1915 года не выступает открыто в войну против всей Антанты.

VI. Сербия и Россия в начале мировой войны. Первый год войны

С наступлением военных действий в Европе Сербия с Россией составляют восточный фронт Антанты в Европе. В этой войне Сербия приобретает именно ту роль, которую предвидел за 102 года до того император Александр I: «Пусть она тревожит Австрию». И Сербия блестяще выполнила это задание. Теперь и Франция с удовольствием принимает в союз Серию и сейчас же начинает снабжать ее военными материалами. Россия, по просьбе сербского правительства, посылает Сербии в августе 1914 года 100 000 своих скорострельных ружей с патронами и материалы для мостовых сооружений на 1000 м. Кроме того, с начала зимы из России начинают посылать сербской армии продовольствие и фураж, а в 1915 году, кроме орудий и снарядов, посылают также теплую одежду. В 1812 году это снабжение продуктами совершалось из Баната, тогда как в 1914 году, благодаря удобным путям сообщения и пользованию Дунаем, продовольствие начинает доставляться непосредственно из Херсонской губернии.

1. Влияние русского и французского командования на первоначальные операции сербской армии

Уже с первых дней военных действий великие союзники Сербии, Франция и Россия, потребовали, чтобы сербская армия перешла в наступление против Австро-Венгрии. В этом смысле русский Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич посылает 12 августа следующую телеграмму (№ 3304) престолонаследнику Сербии, Верховному главнокомандующему сербской армии: «С целью одержания успеха над нашим общим неприятелем, необходимо, чтобы сербские войска предприняли решительное наступление против австрийцев». В тот же день (12 августа) русское Верховное командование приказало русскому представителю при сербском Верховном командовании настаивать на том, чтобы это потребованное сербское наступление энергично развивалось уже в ближайшие дни. Это было началом союзнических влияний на Сербию, которым не предшествовало никакого соглашения и никакой подготовки общего военного и первоначального операционного плана. Это воздействие на Сербию совершается под впечатлением известной нервности, которая в то время, т.е. в первой половине августа (нов. стиля), господствовала во Франции вследствие не-

мецкого наступления через Бельгию и верхний Эльзас. (13 августа французский седьмой корпус был выброшен из Верхнего Эльзаса, в который он вступил 8-го. Бельгийская же крепость Льеж перешла в немецкие руки 16 августа. Все это произвело сильное впечатление на французских государственных людей). В то же время французское правительство требовало, чтобы и русская армия ускорила свое наступление на Германию, и притом в направлении на Берлин.

Авторитет России, русского царя и русского Верховного командования стоял у сербских правящих кругов, как и во всем сербском народе (еще от времен восстания в начале XIX века), на недостижимой высоте. Вследствие этого и требование русского Верховного командования относительно наступления сербской армии против Австро-Венгрии было беспрекословно выполнено. Но ситуация на сербском фронте была в это время, 12 августа, радикально изменена переходом V австро-венгерской армии из Боснии в Сербию и части II армии у Шабца, через Саву. Ввиду этого сербская армия должна была сначала выгнать австрийцев из своей земли и уже после этого начать наступление на Австро-Венгрию. Получив 12 августа наступательную задачу от русского Верховного командования, сербское Верховное командование предпринимает, с повышенным чувством веры в себя и в свою армию и будучи закаленными в Первой и Второй Балканских войнах, противонаступление со всеми тремя армиями, в западном направлении. 16 августа на Цере начинается первая битва в мировой войне — в северо-западной Сербии.

В разгар этой битвы сербское Верховное главнокомандование получило 17 августа приглашение и от французского правительства, «чтобы Сербия перешла в наступление как можно скорее, так как Австро-Венгрия решила послать большую часть войск против России и Франции». Из этого обращения видно, как высоко расценивалась обоими союзниками Сербии ее союзническая роль уже в первые дни войны: Россия требует, чтобы сербская армия наступлением на Австро-Венгрию привязала к себе возможно более значительные неприятельские силы, так чтобы русские армии юго-западного фронта легче получили успех над не закончившими сосредоточение главными австро-венгерскими силами, находившимися перед ней в Галиции, а Франция требует от Сербии наступления, чтобы воспрепятствовать отправлению против Франции двух австро-венгерских корпусов

(II и V), о чем французский Генеральный штаб имел сведения еще в начале 1914 года. На оба обращения, русское и французское, сербское Верховное командование ответило энергичным контрнаступлением на V и II армии, и в битве на Цере 16—19 августа (нов. ст.) сербская армия заставила V австрийскую армию отступить и отбросила ее назад в Боснию, а потом заставила и усиленный IV австро-венгерский корпус (50 батальонов с 220 орудиями) после битвы у Шабца отступить назад за Саву в Срем. Церской битвой сербское оружие добилося в начале войны первой победы над австро-венгерскими войсками, и этим Австрии не только была задана забота, как этого желал в 1812 году император Александр I, но сделано и много больше: 1) по всей Дунайской монархии поражение на Цере вызвало страх и дурные предчувствия, что вся война кончится плохо; это тяжелое чувство охватило не только Верховное австро-венгерское командование и все высшие командные инстанции, но и 2) политических вождей: теперь министерство иностранных дел выдвигает весь свой авторитет, борясь с намерениями Верховного командования направить в Галицию против русских как можно скорее, взяв их с сербского фронта, IX и VI корпуса (4 пехотные дивизии), с тем чтобы они там приняли участие в большом сражении с русскими. И граф Бертольд уже угрожает фельдмаршалу Гетцендорфу, что, если он ослабит балканскую армию Поттиорка, выставленную против Сербии, то он не может поручиться за благоприятные политические последствия, так как благосклонное поведение Турции, Болгарии и Румынии зависит главным образом от победы над Сербией, а быстрое присоединение этих государств к центральным державам необходимо этим последним для того, чтобы обеспечить себе окончательную победу на востоке Европы, т.е. и против России, и против Сербии.

2. Значение операций сербской армии 1914 г. для России

Таким образом, значение Сербии, как союзника Антанты, а особенно по отношению к России, оказывается после победы сербского оружия на Цере весьма крупным. 1) Она нанесла большой материальный и моральный ущерб австро-венгерской армии и вместе с тем всей монархии, а особенно вызвала важные политические последствия: несогласия и трения между австро-венгерским министром иностранных дел и австро-венгерским Верховным командованием,

взаимные укоры и недоверие. 2) Она произвела неблагоприятное для Австро-Венгрии впечатление на Румынию и Болгарию, на которых рассчитывала австро-венгерская дипломатия, как на своих союзников. Между тем оба эти государства были сильно обескуражены первой неудачей Австро-Венгрии в Сербии, и они, особенно Болгария, не решаются выступить на стороне Австро-Венгрии. 3) Вследствие того, что в начале войны операциями против Сербии были задержаны гораздо более значительные силы, чем этого хотел начальник австро-венгерского Генерального штаба Гетцендорф, главная армия была сильно ослаблена, когда в начале сентября австро-венгерские силы вступили в решительный фазис великой битвы в Галиции. Здесь именно и наступил тот случай, который был предвиден вышеизложенным ноябрьским операционным планом 1912 года. Согласно этому плану, требовалось, чтобы русская армия (юго-западный фронт) била ослабленную главную австро-венгерскую армию, пока эта последняя частью еще связана своими операциями против Сербии. Таким образом, в течение Галицийского сражения запоздали, возвращаясь с сербского фронта, и вступали в битву постепенно, а не всеми своими силами, следующие австро-венгерские части: 7, 9 и 4-й корпуса, а всего 7 пехотных дивизий (23, 17, 29, 34, 31, 32 и 40-я) и 1 кавалерийская (10-я) дивизия. Кроме того, Гетцендорф после царской неудачи не мог больше и думать о том, чтобы взять с сербского фронта и перевести в Галицию и свой 8-й корпус (9-ю и 21-ю пехотные дивизии). Таким образом, Сербия к себе привлекла и привязала 9 пехотных и 1 кавалерийскую австро-венгерские дивизии, которые, по плану австро-венгерского Генерального штаба, должны были быть употреблены против России. А эта сила в 10 дивизий, запоздавших явиться с сербского фронта, и была фактором, сыгравшим решительную роль в том, что австро-венгерское Верховное командование не имело достаточно сил, чтобы в первом сражении выдержать наступление русского юго-западного фронта. Вследствие этого для Австро-Венгрии битва в Галиции оказалась проигранной; этим поражением австро-венгерская армия была, по свидетельству немецкого фельдмаршала Гинденбурга (Aus meinem Leben, s. 156)¹, так потрясена, что не могла уже затем оправиться в течение всей войны.

¹ *Hindenburg P.* Aus meinen Leben. Leipzig, 1920.

Отсюда видно, что Сербия, как союзница России и одна из держав Соглашения, сыграла весьма видную роль в нанесении Австро-Венгрии в 1914 году рокового поражения. Это произошло в начале войны, и последствием этого оказалось то обстоятельство, что этот наш могущественный неприятель уже тогда сильно поскользнулся и больше уже не имел сил, чтобы повести решительное наступление, без которого одна немецкая армия не была в состоянии одержать победу над Соглашением.

Потеряв первые два сражения в начале войны, в Сербии на Цере и в Галиции в битве с русскими, австрийцы попали в полную стратегическую зависимость от Германии. Они больше не могли держаться без помощи немцев. Наступила паника во всей Австро-Венгрии, и 22 сентября 1914 года министр иностранных дел граф Бертольд спрашивает свое Верховное командование: «Через сколько времени Вена окажется под угрозой, чтобы двор и центральное правительство могли заблаговременно быть эвакуированы?» (Conrad, a. m. IV, str. 864)¹.

Второе наступление на Сербию, предпринятое уже Потioreком 8 сентября 1914 года, закончилось после упорных 3-месячных боев огромной катастрофой для австро-венгерской балканской армии и стоило австрийцам 100 000 человек и 150 орудий. Эта вторая катастрофа Австро-Венгрии в Сербии в течение первых четырех месяцев мировой войны, в совокупности с первой неудачей, принесла Австро-Венгрии потери в 130 000 человек и 170 орудий. Теперь в Вене опять господствовала паника. Граф Тисса боится, как бы сербы не взяли Будапешта, а Гетцендорф опасается и за Вену, а также допускает возможность, что Германия заключит сепаратный мир с Россией (Conrad, a. m. D. V. 848, 849)² в ущерб Австро-Венгрии. А министр иностранных дел граф Бертольд 19 декабря снова настаивает перед своим Верховным командованием: «Для нашего положения перед южными славянами и вообще на Балканах совершенно необходима одна наша решительная победа над Сербией, а без этой предпосылки

¹ *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. Band 4: 24. Juni 1914 bis 30. September 1914. Die politischen und militärischen Vorgänge vom Fürstenmord in Sarajevo bis zum Abschlusse der ersten und bis zum Beginn der zweiten Offensive gegen Serbien und Rußland. Wien, 1924.

² *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. Band 5: Oktober—November—Dezember 1914. Die Kriegsergebnisse und die politischen Vorgänge in dieser Zeit. Wien, 1925.

нельзя и думать о окончании войны с Россией, хотя бы и на благоприятных вообще условиях». Эта оценка значения Сербии, как не-приятеля, которую делает в декабре 1914 года австро-венгерский министр иностранных дел, подтверждает старые надежды императора Александра I 1812 года: «чтобы Австрии была задана забота»...

Итак, маленькая Сербия со своей маленькой, но ценной армией сыграла решительную роль на стороне Согласия. Эта роль заключалась в том, что она до основания потрясла Австро-Венгрию и лишила ее силы нападения, которая была необходима для того, чтобы центральные державы могли добиться окончательной победы над нами. Австро-Венгрия вступила в войну в 1915 году, как вассал Германии: она уже больше не была той великой державой, какой она начинала войну. Уже этим одним Сербия уплатила свой долг, прежде всего, России за ее столь рыцарское и братское вступление в войну для защиты своего малого, но всегда преданного и верного, храброго союзника — Сербии.

VII. Сербия и Россия в 1915 году (2-й год войны)

1. Сербская армия исчерпала свои силы

Двумя одержанными ею победами, осенью и зимой 1914 года, Сербия сыграла первую часть своей союзнической роли непосредственно на пользу России, а косвенно и на пользу всего Согласия. Ибо вследствие поражения Австро-Венгрии в Галиции, что было делом русского оружия, при таком значительном содействии Сербии, Германия, и сама потерпев поражение на Марне во Франции, оставила свой первоначальный наступательный план. Ее армии на западе были остановлены, и начинается позиционная война. С запада немецкие корпуса начинают перебрасываться против России, от которой нужно спасать Австрию.

Но Сербия была уже сильно утомлена. В 1915 году, недостаточ-но снабженная медицинским материалом, сербская армия терпит весной тяжелые потери от пятнистого тифа. Мало осталось и во-енного снабжения.

2. Италия требует сербского наступления на западе

При таких тяжелых для Сербии и ее армии условиях в мае 1915 года Италия, вступив в войну, обращается к Сербии с просьбой

направить ее войска за Саву, чтобы действовать рядом с итальянцами во фланге и в тылу австрийцев, и этим обеспечить итальянской армии успех в ее наступлении против Австрии. Таким образом, в начале лета 1915 года в европейской военной ситуации наступил момент, когда от Сербии опять потребовали союзнической помощи, но теперь уже в западном направлении, так, как это замыслил император Александр I в 1812 году. Но в 1915 году сербская армия была численно и материально, несмотря на всю помощь, которую ей оказывали союзники, обессиlena и не способна играть такую роль, какую хотели ей навязать ее союзники.

3. Идея наступления из Сербии в Венгрию

Теперь такая операция на помощь Италии, ввиду затишья в австро-русских операциях на Карпатах и в Западной Галиции, могла быть выполнена с успехом, который мог иметь далекие последствия, именно со стороны сербского фронта, а именно в направлениях на Будапешт и Вену. Этим одновременно ставились под угрозу австро-германцы на Карпатах и подавалась рука помощи русским, чтобы они могли спуститься в Венгрию. Вместе с тем подвергался опасности австрийский тыл со стороны Италии, а сверх того итальянцы получали возможность пробиться к Любляне — Целовцу. Но для такого наступления со стороны сербского фронта требовались свежие и численно значительные силы. Сама сербская армия не могла выполнить этой новой задачи глубокого наступления через Саву и Дунай. Поэтому в Сербии явилась идея, которая с сербской стороны и была предложена союзникам, чтобы в Сербию из Солуни была направлена соответственно значительная англо-французская сила с достаточным количеством средств, и чтобы именно такая комбинированная союзническая сила предприняла наступление против Австро-Венгрии. Эта идея сделалась особенно осуществима в то время, когда союзническая Дарданелльская операция была закончена в феврале 1915 года без успеха, и тогда все силы с Дарданелл могли быть переброшены через Солунь в Сербию.

Чтобы доказать русскому Верховному командованию невозможность для сербской армии выполнить ту роль, которая ей должна была быть навязана ради выгоды Италии, сербским Верховным командованием был отправлен к русскому Верховному командованию начальник оперативного отделения, который должен был уведомить русское

командование об этом плане, а через него косвенно подействовать и на западных союзников, чтобы осуществилась идея сербского Верховного командования о наступлении значительных сил союзников из Сербии на Австро-Венгрию. Что же касается идеи сильного наступления из Сербии, то союзников нельзя было склонить к этому плану. Таким образом, весной и летом 1915 года не осуществилось наступление из Сербии против Австро-Венгрии, которое могло бы спасти и русскую армию от крушения в мае (8—15) в Галиции.

4. Бессмысленное и неуспешное русское наступление через Карпаты

Вместо наступления союзников из Сербии на помощь России союзникам удалось навязать русским идею, чтобы из Галиции значительные русские силы в апреле предприняли наступление через Карпаты в Венгрию, прежде всего для того, чтобы войти в связь с румынской армией, наступление которой на Венгрию тогда напрасно ожидалось, в апреле же русское наступление должно было начаться, согласно договору Италии с нами и нашими союзниками. (*Бонч-Бруевич*. Потеря нами Галиции в 1915 году. 1921. Т. 1. С. 102)¹. Между тем это русское наступление вскоре не только было остановлено, но и превратилось в отступление, вследствие того, что армия австро-германской группы Макензена пробила русский фронт у Горлицы — Тарнова, а потом, в течение лета 1915 года, русское наступление превратилось в полное оставление Галиции и Польши.

Таким образом, вместо того чтобы помочь России наступлением из Сербии (и из Румынии), вышло, что, по политическим причинам, ради Италии, русская армия, которая весной 1915 года была уже не способна к большим наступательным попыткам, должна была быть принесена в жертву, не оказав своим наступлением пользы никому из своих союзников и сама потеряв все, что приобрела своей кровью за предшествующие восемь месяцев войны.

5. Катастрофа Сербии в 1915 году

Огромный неуспех России летом 1915 года был завершен отходом русской армии из Западной Галиции, Западной Польши и

Литвы; в конце сентября русский фронт едва удержался на линии реки Двины, от устья до Двинска, и оттуда к югу, через Барановичи, Пинск и Бучач, к западу от Черновиц. Таким образом, Россия погубила весь свой первоначальный фронт, на котором только она и могла быть полезна Согласию, как его союзник в войне против Австро-Венгрии и Германии. Кроме того, Россия понесла огромные материальные жертвы, особенно людьми и военным снабжением.

А наши враги хотели уже с конца 1914 года открыть себе путь через Сербию в Турцию, которая, как их союзник, находилась в тяжелом положении, не имея достаточных военных средств и вооружения, особенно с начала 1915 года, когда английская и французская морская экспедиция против Дарданелл стала сильно угрожать и самому Константинополю. Кроме того, ради необходимости поднять престиж Австро-Венгрии, сильно упавший вследствие ее двух тяжелых поражений в Сербии в 1914 году, а также ради того, чтобы хоть в 1915 году заставить Румынию, а особенно Болгарию, вступить в войну на стороне Центральных государств, австро-германцы более полугода вели переговоры о совместном наступлении на Сербию. Для этой цели, после успеха над Россией, была привлечена и Болгария, вожди которой после крупной неудачи России полагали, что победа Центральных держав над Согласием вполне обеспечена уже осенью 1915 года. Военной конвенцией, которая была подписана Германией, Австро-Венгрией и Болгарией в Плесе 6 сентября, предвиделось общее наступление войск этих трех держав против Сербии, и именно в составе 6 германских, 6 австро-венгерских и 6 болгарских пехотных дивизий, всего 280 батальонов с 780 орудиями и 70 эскадронами оперативной армии. Эти силы, предназначенные для действий против Сербии, охватили Сербию во второй половине сентября 1915 года с трех сторон: вдоль Дрины, Савы, Дуная по направлению к Тимоку, и дальше на юг, до Гевгелии. В начале октября 1915 года Сербия подверглась нападению войск, значительно превосходивших ее силы, с трех сторон.

Осенью 1915 года для Сербии наступила катастрофическая опасность, подобная той, какую она пережила в 1813 году, и теперь, как и тогда, в связи с катастрофой России. Тогда, зимой 1812 года, Наполеон вступил в Москву, и Россия должна была использовать все свои силы, до последнего солдата, чтобы спастись от Наполеона. Теперь, в 1915 году, русская армия была отброшена на реки Двину и Припять,

¹ *Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 году. Т. 1. Москва, 1921.

и угрожала опасность, что австро-германцы будут продолжать наступление на Петроград и Москву. А главное, русская армия осталась с ничтожным количеством оружия и снабжения. Ее человеческие пополнения состояли из людей, мало или совсем не обученных. Следовательно, в 1915 году, Россия была территориально значительно урезана, а материально так ослаблена, что при всем добром желании не могла помочь Сербии, хотя и была теперь связана с ней важной коммуникационной линией, по которой от Солуни железной дорогой через Сербию до Прахова и оттуда Дунаем в Россию ввозились из Франции технические и авиационные средства и материалы.

Сербия заслужила того, чтобы союзники теперь пришли к ней на помощь и спасли ее. За это говорили как обязательства нравственной природы союзнической лояльности, так и чисто практические требования стратегического характера: ведь Сербия со своим географическо-стратегическим положением представляла собой чрезвычайно выгодного союзника для направления из нее большого наступления против Австро-Венгрии. Этим оказывалась бы помощь одновременно и России, и Италии, а Румыния была бы вовлечена в войну на стороне Соглашения. Что же касается Болгарии, то она была бы вынуждена занять пассивное положение.

Как только в Сербии узнали в августе о намерении австро-германцев начать указанное наступление, сербское Верховное командование подняло у союзников вопрос о быстрой и достаточной помощи. Россию просили оказать давление на Болгарию десантом на Варну, так как наступление через румынскую Добруджу не могло быть выполнено вследствие того, что Румыния тогда еще соблюдала нейтралитет. Но Россия не имела ни сил, ни средств для оказания просимой помощи и воздействия на Болгарию. Седьмая русская армия, которая осенью 1915 года собралась около Одессы и про которую в Сербии ходили слухи, что она совершит десант в Болгарии, не могла быть употреблена для этой цели, во-первых, потому что она уже была предназначена для операций на русском юго-западном фронте, а во-вторых, и потому что русский Черноморский флот не имел достаточно силы для быстрой и успешной перевозки всей этой армии из Одессы до Варны. Турецкий флот на Черном море, усиленный немецкими подводными лодками, представлял грозное препятствие для такой русской десантной операции.

Между тем в русском Верховном командовании в конце августа 1915 года произошла радикальная перемена. Великий Князь Николай Николаевич был смещен с должности Верховного главнокомандующего вместе со своим начальником штаба, генералом Янушкевичем. Император Николай II лично встал во главе русского верховного командования, чтобы этим путем в критический момент, после тяжелой неудачи в Польше и Галиции, поднять своим авторитетом царя веру армии и страны в военный успех. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал Михаил Васильевич Алексеев, который в это время обнаружил большие достоинства в высоких ролях на юго-западном и западном фронте. Но неориентированность генерала Алексеева в балканских делах и, вообще, его недостаточная ориентированность в новом положении, как и тревога, которая ему внушена была прорывом русского фронта немецкой кавалерией около Сморгони, а затем заботы об устойчивости всего фронта, не способствовали облегчению положения Сербии.

А так как и генерал Сарайль со своими тремя пехотными (1 английской и 2 французскими) дивизиями не мог рисковать пройти из Солуни в Сербию, где его поджидали у Ниша, то сербская армия в октябре—ноябре 1915 года, под натиском неприятельского обхвата, была вынуждена покинуть отечество. Связь Сербии с Солунью, этой естественной базой Сербии в 1915 году, была нарушена, и сербская армия была отброшена в дику Албанию, оставив свою полевую и тяжелую артиллерию, а также свои обозы и позиционные учреждения оперативной армии.

6. Интервенция императора Николая с целью спасти сербскую армию из Албании

Находясь в отчаянном положении, сербское правительство и сербское Верховное командование возобновили в конце ноября (нов. ст.) свое обращение к русскому Верховному командованию, прося его спасти сербскую армию от гибели в Албании. Тогда император Николай II после обеда в Ставке заявил французскому, английскому и итальянскому представителям, что если западные союзники не придут на помощь сербской армии в Албании, то он (император) готов заключить сепаратный мир. Ибо Россия вступила в войну с целью спасти Сербию. Этот урок императора Николая на-

шим западным союзникам имел последствия. В декабре 1915 года сербская армия была принята французским и итальянским флотами на берегу Адриатического моря и перевезена в начале 1916 года на Корфу, где она реорганизовалась и подготовилась к новым действиям, теперь уже на Солунском фронте.

Таким образом, Россия во время катастрофы Сербии в 1915 году, если и не могла оказать непосредственной помощи, все же оказала Сербии косвенную помощь: 1) демонстрациями (7-я армия около Одессы и крейсирование Черноморского флота с бомбардировкой Варны) помогла задержать 3-ю болгарскую армию (2 пехотные дивизии и кавалерийская бригада), которая была расположена в северо-восточной Болгарии, против Добруджи, на случай возможного русского наступления с моря или со стороны Добруджи; 2) благодаря энергичному вмешательству императора Николая сербские войска были спасены от окончательной гибели в Албании и перевезены на остров Корфу, чтобы там, при помощи союзников, реорганизоваться, оправиться и стать способными к новым операциям. Ибо, по мнению русского правительства и русского Верховного командования, сербская армия и вне своего отечества оставалась важным военным и политическим фактором. Имя Сербии, как союзника, не должно было исчезнуть. Таким образом, Россия старалась, как могла, облегчить участь Сербии, стремясь сохранить сербскую армию и этим дать возможность Сербии, как члену Соглашения, продолжить свое участие в войне до окончательной победы. Следовательно, и в 1915 году (как и в 1914-м) Россия осталась верна заявлению Александра I, данному в 1812 году, что он не оставит Сербию на произвол судьбы.

VIII. Сербия и Россия в 1916 году (3-й год войны)

И в 1916 году Сербия находилась главным образом под защитой России, посредничеством которой и создается Солунский фронт, где, недалеко от Сербии, и расположились сербские войска, как политический и военный фактор Соглашения.

1. Две русские пехотные бригады на Солунском фронте в 1916 году

В знак моральной помощи, оказываемой главным образом, сербской армии и Сербии, русское правительство послало две русские пехотные

бригады (2-ю и 4-ю), а всего 12 батальонов, на Солунский фронт в состав Восточной армии (Валентинов, «Русские войска во Франции и Салониках», приводит заявление: «Отправление обеих бригад вполне отвечает намерениям правительства»¹). А 1-я и 3-я пехотные бригады были посланы во Францию. Две эти бригады, отправленные на Солунский фронт, храбро сражались в августе—ноябре 1916 года в непосредственном соседстве с 1-й и 3-й сербскими армиями во время Горничевского и Битольского наступления. Духовная связь русских офицеров и солдат с сербскими была, несомненно, очень велика: они питали друг к другу полное доверие и охотно сражались рядом.

2. Первая сербская добровольческая дивизия в России

Еще осенью 1915 года в России начали появляться добровольцы, именно сербы, солдаты и офицеры австро-венгерской армии, которые находились в русском военном плену. Они хотели идти на помощь Сербии. Таким образом, возникла идея создания целой добровольческой дивизии, состоящей из австрийских сербов. Эта дивизия должна была организоваться в России. Русское Верховное командование пошло навстречу этой идее и дало возможность ей осуществиться в 1916 году.

Именно вследствие катастрофы, постигшей Сербию в 1915 году, эти добровольцы из России не могли легко и быстро отправляться на Солунский фронт. А с острова Корфу в Россию отправилась в марте 1916 года через Италию, Францию, Англию и Скандинавию первая группа сербских активных и резервных офицеров (73), врачей и чиновников (22), унтер-офицеров (22) и солдат, под начальством полковника Генерального штаба Стевана Хаджича, в качестве кадра для формирования Первой сербской добровольческой дивизии в России.

Итак, одновременно с тем, что 12 батальонов русских появилось на Солунском фронте с целью засвидетельствования борьбы против болгар и австро-германцев братства по оружию с сербами и остальными союзниками, в составе русского 47-го корпуса генерала Зайончковского храбро сражались в августе—сентябре 1916 года в Добрудже 12 батальонов добровольцев Первой сербской добро-

¹ Валентинов Н.А. Русские войска во Франции и Македонии (По документам Ставки Верховного главнокомандующего) // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. IV. Москва, 1920.

вольческой дивизии. В этой дивизии было также 105 хорватов-офицеров, 87 чехов-офицеров и 48 словенцев-офицеров. Таким образом, эта дивизия, при огромном большинстве солдат и офицеров сербского племени, включала в себя еще и хорватов, и словенцев, именно представителей интеллигенции. Она символизировала ту славную славяно-сербскую армию, о борьбе которой против общего западного неприятеля мыслил уже император Александр I, мечтавший в 1812 году о возможности такой армии.

На 1916 году фактически заканчиваются полезные, при потери своей территории, союзнические отношения Сербии с Россией. Ибо революция 1917 года и ее последствия вывели в конце 1917 года измученную и окровавленную Россию из круга ее союзников. Сербская армия на Солунском фронте смотрела с болью в душе, как в обеих русских бригадах падает воинский дух, как их охватывает пораженческое настроение, и как дорогих и храбрых русских братьев вынуждены были взять с фронта и отправить в тыл.

В то же время и 1-я сербская добровольческая дивизия в России должна была много перестрадать из-за хаоса, анархии и вражеской агитации. В августе 1917 года эта дивизия снова была выведена в Бессарабию, в резерв русско-румынского фронта. Ее прибытия туда категорически требовал штаб русско-румынского фронта. «Иначе нельзя поручиться за сохранение фронта», — сообщал депешей начальник штаба этого фронта генерал Щербачев Ставке, требуя, чтобы 1-я сербская добровольческая дивизия пришла на подкрепление русско-румынского фронта. Случилось нечто аналогичное тому, что было сто лет назад, когда сербы требовали, чтобы русские войска поддерживали их дух и моральную стойкость в борьбе с турками.

Выполнив свою задачу в России, 1-я сербская добровольческая дивизия была выведена в течение зимы 1917—1918 гг. из России и переброшена на Солунский фронт, чтобы там, в количестве 2 пехотных полков, принять участие в прорыве болгарского фронта, находясь в составе южнославянской дивизии сербской армии.

Из всего вышеизложенного видно, что в течение последнего столетия Россия и Сербия, под влиянием политических событий, четыре раза участвовали в войне, как союзники. Именно от 1806 до 1812 года — всего 6 лет, во время сербского восстания против Турции под начальством Карагеоргия и русской войны с турками на

Дунае Сербия была верным союзником России, занимая правое крыло Балканского фронта. В войне Сербии с Турцией 1876 года Россия официально остается якобы в стороне, но ее общественное мнение и интеллигенция находятся через славянское общество в тесном союзе с Сербией и внушают ей мысль о войне с Турцией, а потом в течение четырех месяцев помогают ей добровольцами, деньгами и другими средствами. А когда в 1877 году Россия вступила в войну с Турцией, Сербия снова, хотя и была исчерпана и измучена предшествующей войной, выступает рядом с Россией, как это было и за время с 1806 по 1812 год, но с большим успехом: русские и сербские войска освобождают Болгарию, сербская армия доходит до Косова и до Куманова. Значит, в трех войнах сербов с турками русские были союзниками сербов, причем в первом и третьем случаях существовали и письменные договоры, тогда как во второй раз сербы воевали без участия официальной России.

В мировой войне, безо всяких предварительных переговоров о союзе или о военной конвенции, Сербия, подвергшись нападению, нашла в России своего первого и естественного союзника, благодаря которому было спасено самое существование Сербии. За это Сербия достойно отплатила как России, так и остальным своим союзникам. Союзнические военные связи продолжают и в течение 1915, 1916 и 1917 гг. — до того времени, когда Россия была выведена революцией из круга своих союзников.

Как это ясно видно, из всех славянских народов и государств Россия только с Сербией имела такие близкие, крепкие, взаимно полезные и ни разу не нарушенные союзнические военные связи. Конкретно эти связи охватывают 10 лет: против Турции шесть лет и против Австро-Германии три с половиной года. Сербия и русские никогда и нигде во всей их истории не сталкивались как враги.

Малая числом, но сильная героизмом своего народа, руководимая способными, выдержанными и верными политиками, Сербия умела и могла отплатить России за ее заступничество и жертвы. В этом открыто признаются императоры Александр I в период 1807—1812 гг. и Николай II в период 1914—1917 гг.

Только зная все это, можно понять, почему теперь в армии Юго-Славянского Королевства служат в качестве офицеров действительной службы больше 160 русских, находящихся на высших и низших

офицерских чинах, а свыше тысячи русских, обладающих военным образованием, исполняют с пользой различные должности военных чиновников.

Этот краткий исторический очерк военных связей и отношений Сербии с Россией может дать нам поучительные выводы относительно будущего, которое не может не соответствовать прошлому. Ибо, хотя карта Европы сильно изменилась после мировой войны, тем не менее и теперь взаимные географическо-стратегические условия Югославии и России остаются неизменными, как по отношению к центральной, неславянской Европе, так и по отношению к Балканскому полуострову. Перед лицом всех этих факторов Сербия и Россия всегда находились на линии общих политических интересов.

Наши политические вожди и военачальники, зная это великое прошлое наших взаимных отношений, сумеют и смогут построить из этого прошлого лучшее будущее наших государств и народов, южнославянского и русского.

2. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова о военной помощи, оказанной Россией Сербии с начала войны до сентября 1914 г.

На телеграмме Поверенному в делах в Нише от 27 сентября сего года относительно желательности покупки Сербским правительством керосина в Румынии в целях стеснения закупок Германией этого топлива, в коем начинает нуждаться ее армия, Вашему Императорскому Величеству угодно было сделать помету: «Есть ли у Сербии нужные деньги?»

С начала войны Сербии оказана была как нами, так и нашими союзниками самая серьезная помощь, как деньгами, так и вооружением.

На приобретение в России военных припасов, с соизволения Вашего Императорского Величества открыт кредит в размере шести миллионов рублей. Кроме того, Военным и Морским ведомствами сделано все возможное, чтобы удовлетворить многочисленные ходатайства Сербской армии относительно снабжения ее оружием, военными припасами и предметами обмундирования.

Независимо от 120 000 трехлинейных винтовок и 120 000 000 патронов, отпущенных Сербии перед самой войной и доставка коих производилась уже после начала военных действий, удовлетворены следующие просьбы военного характера, обращенные к нам Сербией через Министерство иностранных дел: о предоставлении двух 6-дюймовых орудий¹ с 1000 снарядов и при них 10 нижних чинов, 10 000 запасных частей для винтовок, 13 000 снарядов для полевой артиллерии, 22 000 ружей, 75 000 комплектов обмундирования. В Одессе собран Морским ведомством плавучий парк, могущий заменить понтонный мост. Независимо от сего отпущено Военным и Морским ведомствами значительное количество отдельных предметов военного снаряжения вследствие ходатайств Сербского Военного ведомства, обращенных непосредственно к названным Ведомствам Сербским Военным агентом.

Помимо сего, вследствие ходатайств Сербского правительства, всецело поддержанных послом в Париже, во исполнение указаний Вашего Императорского Величества о необходимости оказания таковой помощи, Французское правительство открыло Сербии кредит в 90 000 000 франков золотом и обещало ему полное содействие к получению и доставке военных припасов, заказанных заводу Крезо. Из запасов французской армии отправлено до девяти горных батарей и 1200 снарядов к каждому орудию.

В тех же видах оказания денежной помощи, Великобританское правительство открыло Сербии кредит в 20 000 000 франков.

Наконец, Греческое правительство, вследствие наших настояний, признало возможным отпустить из своих запасов все годные взятые у болгар полевые орудия и допустить отправку двух горных батарей, заказанных во Франции.

Петроград, 30 сентября 1914 года.

С.Д. Сазонов.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3445, л. 32—33об.

¹ Орудия калибра 152 мм (модель 1904 г.) вместе с артиллерийскими расчетами были размещены на Калемегдане и участвовали в обороне Белграда. До конца 1913 г. в России было собрано и испытано 152 орудия. 48 — произведено, но не протестировано. Сербия в 1914 г. располагала 6 тяжелыми орудиями калибра 150 мм Schneider-Canet (модель 1897).

3. Записка В.А. Григоренко о боевых действиях в Сербии в августе—декабре 1914 г.

*На Дунае в 1914 году. По рассказам участника войны*¹

3 августа 1914 года потребовали меня в Штаб Севастопольского порта и спросили:

— Знаете ли Вы о Вашем новом назначении?

Я отвечал полным неведением, так как и не предполагал о каких-либо переводах с «Ростислава»².

— Ну, так вот. Вам предстоит отправиться на Дунай для содействия сербам в борьбе против мониторов.

Неожиданное назначение при условии скорого отъезда заставило меня поскорее приняться за дело. Надо было принять мины, проверить и пристрелять их, ознакомиться с командой и устроиться с их довольствием и пр., в чем я до сего дня ничего не понимал. Мне дали 16 человек команды прямо из экипажа, запасных уже и забывших обращение с минами.

Когда зашла речь о довольствии команды, мне дали 1000 рублей и сказали:

— Натё Вам деньги, что хотите, то и делайте с ними.

Конечно, это просто сделать, но как отчитаться в них? Рассуждать было, впрочем, некогда, и через несколько дней я отправился морем до Одессы. В Одессе груз и люди были помещены на пароход Русско-Дунайского Общества «Болгария», который должен был доставить нас до Орсовы на Дунае. В Одессе же к нам присоединилось 40 человек сербов, застрявших в России и просивших разрешения проехать на данном мне пароходе. Благодаря любезности генерала Никитина³, командующего армией и выдавшего мне открытый лист, я быстро устроил свои дела в Одессе, а через 72 часа после выхода из нее был уже в Прахове. В этом местечке присое-

динился к нам «инженерный поручик» сербской армии Карач¹, — очень милый господин, который должен был исполнять при нашем отряде роль проводника, переводчика и пр. ... Карач оказался воспитанником Инженерного училища в Петрограде, прекрасно владел русским языком и отличался веселым нравом. С ним мы делили и горе, и радость, проведя не одну утомительную ночь за работой без всяких приспособлений и при самых ленивых помощниках.

Из Прахова по ж[елезной] д[ороге] отправился я в местечко Тарлак возле Белграда, где была расположена квартира оперировавшей в этих районах армии. Все начальство радостно приветствовало мое прибытие, выразило готовность оказать всякое содействие и предоставило мне самому выбор способов и мест для выполнения моих задач. Из главной квартиры отправился я осматривать берега Дуная, чтобы наметить позиции и ориентироваться в местности.

Одним из удобных мест оказалась возвышенность правого берега Савы выше Белграда около Острожицы. В этом месте была расположена сербская артиллерия, и открывался большой простор для наблюдений за течением реки и левым — австрийским — берегом ее. Впрочем, все сербские берега пограничных рек возвышенны и представляют прекрасную естественную оборону против низменного австрийского побережья. Около Острожицы и была поставлена одна мина Уайтхеда². Около мины были поставлены три человека для дежурства и наблюдения за мониторами. Последние стояли на Дунае выше Белграда около Земунa и часто беспокоили сербов своей артиллерией, когда проходили по рекам. Из Острожицы поехали мы дальше вверх по Саве до Дубака. В одном месте решил я набросать банку мин. Австрийцы заметили уже наши работы и следили за нами, почему работать днем не было никакой возможности. Ширина Савы в этом месте около 30—40 метров, и стрелять в людей можно было на выбор. Впрочем, местность благо-

¹ Первая научная публикация: *Каширин В.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко. Воспоминания командира русского отряда моряков-минеров в Сербии. Родина. 2010. № 11. С. 132—138.

² *Василий Аполлонович Григоренко* (1884—1973) — участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Эмигрировал во Францию.

³ *Владимир Николаевич Никитин* (1848—1922) — в то время командующий 7-й армией, дислоцированной на границе с Румынией.

¹ Согласно российским исследованиям (*Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. Москва, 1990. С. 151; *Каширина В.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко // Родина, 2010. 11. С. 38), имя поручика было «Боривое». Фамилия, вероятно, была «Корач». Однако в списках воспитанников нет ни «Боривое Корача», ни «Карача». Москва—Србија, Београд—Русија: документа и материјали. Том 3. Друштвено-политичке и културне везе 1878—1917. Београд, 2012. С. 662—667.

² Так в то время назывались торпеды.

приятствовала производству работ. У самого берега возвышались два небольших холма, разделенных узкой падью, за этими холмами мы собирали днем мины, а ночью ставили их на Саву. С 12 по 24 августа провозились мы с этой работой.

Из Дубак отправился я с людьми через Младеновац в Валево по ж[елезной] д[ороге], а дальше — в Шабач, куда и прибыл 27 августа на лошадях. Оттуда вновь по ж[елезной] д[ороге] до Богатича, а 31 августа на лошадях приехал в Босут. С собой привезли части мины Уайтхеда, которую и стали собирать. Несмотря на то, что части были от различных мин, сборка произошла удачно. Но не было аппарата, а потому приходилось изловчиться выпустить мину какими-либо иными способами. А задача предстояла серьезная и ответственная, в особенности, если принять во внимание большой недостаток мин. Во всем нашем отряде было только то, что мы взяли с собой. Сами же сербы ничего не имели и ничего дать нам не могли. Предстояла же нам следующая задача. В метрах 30—40 от устья Босута у австрийцев был устроен шлюз, искусственно поддерживающий воду в канале. В этом бассейне стояло два монитора. Выход их приурочивается к высокому уровню в Саве, который колеблется на 3 метра.

В данное время вода на Саве была не из больших, а потому разница уровней воды в ней и в канале была значительна. Если бы нам удалось подорвать шлюз, то вода из канала вышла бы, и мониторы должны были сесть на мель.

Ширина Савы против канала — 30 метров, да столько же было до шлюза.

Верст 16 от Раденковац до канала мину везли на волах по непролазной грязи. Команды и данные мне в помощь 40 «чичей», т.е. стариков «третьей позыви», выбились из сил. Только после невероятных напряжений, упрашивания, ругани и пр[очих] мер ободрения мина была доставлена к берегу. Предстояло подать ее еще к самой воде. У наружного края кукурузного поля, в котором остановилась наша телега с миной, шла полоса грязи, затем ров для стрелков, а впереди его густая стена кустарника, которую в трезвом виде не пройти; у подножия берегового склона шла еще песчаная отмель, так как вода на Саве была невысока. Чтобы пройти кустарниковую стену, прорубили в ней просеку.

Мину тащили на руках и на склоне берега были на виду у австрийцев. На наше счастье на их берегу было мало людей, иначе мы все были бы перебиты. «Чичи» тащили мину невыносимо долго, останавливаясь на каждом шагу, и порывались обратиться вспять, опасаясь австрийских пуль.

Кое-как дотащили мину до реки и начали готовить ее к спуску. Взявши большое бревно квадратного сечения, мы прорезали в нем канавку в 14 дюймов Т-образной формы, подбили с боков планки для поддержки мины с боков и сзади хвоста, привязали к хвосту концы для прицеливания, а на передок надели дверную планку с длинным концом для спуска мины. Пока мы возились с этой работой, люди разговаривали довольно громко, а на австрийском берегу видны были силуэты солдат, почему-то не стрелявших в нас и, видимо, не предполагавших, какой гостинец мы им готовим. Наконец все было готово. Мы стояли по грудь в воде вокруг мины. Надо сказать, что работала в воде лишь наша команда, и работала отлично. «Чичи» же неохотно мочили свои ноги и предпочитали убраться в ров за кусты. На фоне неба вырисовывался прорез Босутского канала, и я прицелился в его правую кромку, рассчитывая на течение, дернул за шнурок от курка, и мина стремительно ринулась вперед.

Раздался взрыв, и почти одновременно началась стрельба по нас. Все стрелки бросились от берега. Я побежал прямо через кусты и, потеряв кокарду, проскользнул через них, хотя в обычное время сделал бы это с трудом, имея в руках даже топор.

Прорвавшись через заросли, я увидел внизу огонек и, сообразив, что это должен быть ров, благополучно спрыгнул в него. Другие участники дела отделились не так благополучно. Сербский полковник Волков, победивший через просеку, не видел рва и упал в него на голову, а поручик Карач сел на шею нашему унтер-офицеру¹. Бедный возница, стороживший волов, поплатился больше всех. Волы испугались взрыва и бросились по кукурузе, таща по земле за собой «чичу», которого неистово хлестали толстые стволы растений.

Кое-как удалось ему распутать завязанные на руку вожжи, а волы убежали так далеко, что пришлось потратить на их поиски

¹ «Сербский полковник Волков» — это, по-видимому, военный псевдоним полковника инженерной службы Миодрага Васича, упоминаемого в документе № 4 настоящего сборника.

три дня. Было и несколько раненых вояк, бросившихся из рва в кукурузу, где и достали их австрийские пули.

Ввиду темноты невозможно было видеть результаты взрыва мины, и она могла попасть лишь в берег и взорваться там, так как я подточил боевую чеку до минимума, чтобы мина ни в коем случае не досталась австрийцам. Вскоре, однако, послышался шум текущей воды, и можно было предполагать, что выстрел был удачен. Действительно, наутро стало видно, что мина попала в берег у самого шлюза и образовала прорыв воды. Течение dokonчило работу, размыв берега; шлюз упал, вода ушла, и мониторы оказались на мели. Таким образом, выведены были они из строя до высокой воды и простояли в разрушенном канале месяца полтора, пока не поднялась Сава.

В этот период времени приехал в Сербию ст[арший] л[ейтенант] В[олковицкий]¹, принявший командование над нашей миссией. Вместе с ним приехала и команда, число которой теперь достигло 44 человек.

В следующую очередь была поставлена работа по минированию Савы где-либо около Шабаца, Дреноваца и Митровицы.

4 сентября были уже в Шабаце. Под этим числом помечено в книжке: «Спал в Шабаце, идет зверская перестрелка. Австрийцы перешли и взяли Дреновац».

Неприятель был близко, и отсюда надо было уходить подобру-поздорову. 5 сентября прибыли в Царево-Малу, что около Владимирца. Отсюда направились на розыски мест для минирования реки.

В это время из Белграда пришло известие, что мониторы начали беспокоить город, выходя ночью из-за прикрытия Земуна. Каждую ночь один из мониторов выходил на Дунай против города и, обстреливая французскую батарею и береговой прожектор, отвлекал на себя внимание. Тем временем другой монитор под левым берегом Дуная пробирался вниз по реке. Мне предложено было отправиться в Белград и постараться уничтожить монитор. Ст[арший] лейт[енант] В[олковицкий] остался ставить мины, а я поехал в Белград, забрав с Острожицы мину Уайтхеда, стоявшую там с 12 по 24 сентября в воде. Как я говорил, никаких приборов с собой у нас не было, не было и насоса, так что проверить мину не представля-

¹ Волковицкий Юрий Фадеевич (1883—1983) — офицер военно-морского флота, участник Русско-японской войны.

лось возможным. Попробовал ее вхолостую — винты работали, но сколько было воздуха — выяснить было нельзя.

Установив мину, я остался около нее на ночь, собираясь лично выпустить ее при проходе монитора. В эту ночь, однако, суда австрийские не выходили. На следующую ночь из-за острова Ратно показался монитор, который, став между о-вом Б. Ратно и Кожар, начал обстреливать Белград. Сербский прожектор начал искать второй монитор и, поймав его в луч, следил за ним до поворота левого берега Дуная ниже о-ва Кожара. Тут сербы бросили монитор и осветили нас с миной. Я стоял во весь рост около мины, всматриваясь в силуэт трубы монитора, которую легко было видно на небе. Каждая минута была дорога, да еще и сердце болело за мину — выдаст или не выдаст.

Наконец монитор пришел на прицел, и я пустил мину. Винты зашумели, запенилась вода, мина с шумом направилась к монитору. Но, видно, кто-то ворожил этому судну. Взрыва не последовало ни у монитора, ни у берега. Между тем боевая чека была срезана настолько, что удара о мягкий берег было достаточно для взрыва. Видно, воздух из мины вытравился, и она не дошла до назначения. Так обидно прошел прекрасный случай посчитаться с австрийцами, да и сама мина исчезла безвозвратно. До самого утра сидел я на берегу, чего-то ожидая, страшно расстроенный происшедшим. 29 сентября поставил новую мину на том же месте, но мониторы больше уже не показывались и не тревожили город.

Затем я установил 10 мин заграждения. Когда работа была кончена, сербы обратились ко мне с просьбой обезопасить построенный ими плавучий мост, соединявший берег с о-вом Велика Циганлия, от сплавляемых австрийцами для его разрушения бревен, мин и пр. Тогда выше его мы поставили бон из бревен, связанных цепями. Вся дрянь, которая неслась по течению, после этого задерживалась, не доходя до моста. Кроме того, на том же о-ве я установил и мину Уайтхеда.

Наконец пришел долгожданный насос в разобранном виде. Принялись за его сборку и установку. Пришлось все делать собственными руками, т.к. команда отвыкла от насоса и работы с ним, а в Сербии никто, конечно, не мог оказать в этом деле мне содействия. Много раз я приходил в отчаяние от неудач, много потратил времени на исправление поломок, происшедших от неопытных в обращении с механиз-

мами рук, но все же насос был собран и, пущенный в ход, заработал совершенно исправно. Этот день был радостным днем для всех нас.

4 октября поставили вновь мину у Острожицы, но мониторы упорно не появлялись после случая с неудачным нашим выстрелом, и нужно было идти им самим навстречу.

К сожалению, никаких способов передвижения по реке у нас не было, а сербы могли предоставить лишь несколько рыбацких шлюпок, с которых трудно было ставить даже по одной мине. Приходилось делать из этих плоскодонных корыт подобие плотика и производить работу при таких примитивных условиях. Все же 6 числа попробовали сделать кое-что. Мне хотелось установить одну торпеду у вершины австрийского о-ва Б. Ратно. Ночью мы сели на шлюпку и пробовали буксировать мину вверх по течению. После двух с лишним часов усиленной работы веслами мы оказались в нескольких десятках метров ниже исходного пункта и с грустью должны были отказаться от плана.

Но задача была соблазнительная, а потому через несколько дней я осуществил ее, спустившись к Ратно по течению и перетащив мину до вершины острова по берегу. Когда мина была установлена, оставил там трех дежурных, а сам вернулся в Белград и поставил мину в купальне.

Постановка ее была очень удачная, т.к. купальня совершенно скрывала дежурного у мины от наблюдателей с левой стороны берега.

В это время пришло известие, что взорвался австрийский монитор «Темеш» на минах, поставленных у Оршадска-ада. Действительно, оказалось, что в ночь с 9 на 10 октября «Темеш» с флагманом на борту напоролся кормой на мину. От взрыва корму монитора завернуло набок и всунуло между трубой и командирским помещением. Затонул он на незначительной глубине, т.к. рубка и мачта видны над водой. Несколько десятков человек команды погибли при взрыве, но офицеры спаслись все, т.к. находились в момент взрыва на верхних палубах и мостиках. Успех этот обрадовал как нас самих, так и сербов.

12 октября начали стрельбой от Белграда вызывать мониторы к выходу, но они упорно отстаивались на месте и не желали уже рисковать выходом.

Конечно, им хорошо было известно о наших работах, а потому за нашей партией было установлено тщательное наблюдение. Те-

перь уже нечего было и думать работать днем, а ночью мы боялись луны. При незначительной ширине реки даже ночью можно было прекрасно наблюдать и реку, и берег, а потому нашими друзьями были лишь темные безлунные ночи.

Окончив работы около Белграда, я поехал в Шабац, но не мог ничего предпринять, т.к. австрийцы наступали усиленно, и надо было спасаться самому и увозить вещи. Действительно, через какой-нибудь час после нашего отъезда Шабац был занят австрийцами.

С этого момента начинается тяжелая страда. Начинают распространяться слухи о полном очищении всего побережья Савы и Дуная и даже об эвакуации Белграда.

27 октября вернулся я в Белград и начал ликвидировать дела нашей миссии. Прежде всего, сняли мину с вершины о-ва Б. Ратно и затем принялись и за остальные, чтобы ничего не оставлять австрийцам.

Было жалко и обидно бросать начатое дело, и зло брало на австрийцев, что не давали они полностью померяться с ними силами. А тут еще, кстати, прислан был для нас моторный катер, с которым мы могли бы выполнять наши задачи успешнее, но использовать его не пришлось. Под вторым числом ноября только и записано одно слово в записной книжке — «кисло», зная, не очень приятно было новое предприятие и невеселое было у нас настроение.

30 октября жизнь наша несколько разнообразилась новым родом деятельности: мы с Карачем превратились в «Шерлоков». Нам сказали, что из одного из домов Белграда каждый вечер производится подозрительная сигнализация. Всегда вечером австрийский прожектор освещает вначале этот дом, производя как бы вызов, а затем в окнах появляются световые сигналы. Мы вооружились револьверами и поместились у окна в доме против подозрительного. Однако за весь вечер ничего не видели.

Когда мы вышли на улицу, то увидели пять сербских полисменов, с открытыми ртами наблюдавших за окнами, из которых сигнализировали австрийцам. Конечно, при таком явном надзоре, таинственные сигналисты благоразумно не выдавали своего присутствия. Мы обратились к полиции с просьбой убрать неосторожных блюстителей порядка, но и без них просидели даром всю ночь.

В день Корпусного праздника, 6 ноября, провели время за дружеской беседой, причем отдали честь традиционному гусю.

Очищение Белграда, между тем, шло своим чередом. 8 ноября заканчивала свою деятельность французская батарея из 2-х орудий Канэ, установленных у берега Дуная около конца города.

В воскресенье 16 ноября велено было нашей команде выступать из города, а мне и Карачу поручено было взрывать мосты на Дунае и у Топчидера. Карач начал с железнодорожного моста через Дунай, а я направился в Топчидер.

Там я ждал, когда вернется мой компаньон, выполнив свое поручение, т.к. в глубь страны мы отправлялись вместе, разрушая за собой ж[елезно] д[орожный] путь. Наконец Карач появился, подорвав основательно Дунайский мост. Все фермы его свалились в воду или целиком, или одним концом.

С утра 17 ноября начали взрывать и жечь мосты около Топчидера. В этом месте имелся один небольшой ж[елезно] д[орожный] мост, один железный шоссейный и два деревянных шоссейных. Оба железных моста подорвали удачно, но с деревянными несколько задержались. Их мы начали жечь, но получился результат неважный — частью горел только один керосин и солома, частью сгорала только настилка моста, а все устои и связи оставались целы. Надо было продолжать разрушение, а керосину у нас не хватало. Не раздумывая долго, разбили какую-то лавчонку и завладели запасами керосина в ней.

Таким образом, из практики мы выяснили нежелательность уничтожать деревянные мосты огнем, необходимо подрывать их, и только в этом случае можно надеяться на успешное разрушение. Проба подрезать столбы мостов шашками не увенчалась успехом, так как шашка разлеталась в стороны, а столб оказывался цел. Впрочем, у нас и не было выбора в способах, так как ощущался большой недостаток во взрывчатых веществах. Большая часть его была не сербского происхождения, а «заробленная» от австрийцев, и, не снабжай они сербов им, нам пришлось бы выполнять работы голыми руками.

Обиднее всего было уничтожать моторный катер, который был приведен уже в порядок, опробован, но использовать еще не удалось. При уходе из Белграда собирались взять его с собою, а потому

вытащили даже из реки. Ждали только обещанной платформы. Но наша работа подходила к концу, в городе не оставалось уже ни одного вооруженного человека, у нас с собой не было даже револьверов, а австрийцы уже были на левом берегу Савы и не переходили ее, опасаясь какой-либо засады, отлично зная и видя, что город очищается. В 11 часов дня подложили патрон под катер и взорвали его, чтоб хоть не доставался австрийцам. Вообще говоря, уничтожали все — и наша партия, и сербы в других местах — самым добросовестным образом, в полной уверенности, что Белград отдается австрийцам навсегда и, во всяком случае, без надежды на скорое возвращение на старые места. Лишь крестьяне, бежавшие от наступающего неприятеля с самым малым запасом вещей, только тех, что могли нести на себе, жалели свое добро, уничтожаемое военными, со слезами и плачем проклинали и австрийцев, и заодно нас.

Тяжело было смотреть на толпы бегущих крестьян и городских обывателей, пробивавшихся через пылающие мосты, теряющих и малых детей, и незатейливый скарб свой в общей суматохе. Тронулись и мы, взобравшись на дрезину. Мы были последними следовавшими по ж[елезной] д[ороге], и нам предстояло на всем пути взрывать и портить линию, стрелки, водонапорные башни и пр. Мне припомнилось указание во время прохождения в классе подрывного дела на то, что при подрывании рельс шашку следует подкладывать сбоку его. Я не знал еще причины, почему нельзя подкладывать шашку под рельс, и желал испытать этот способ. Мы были с дрезиной очень далеко, когда раздался взрыв и в воздухе засвистали осколки. И вдруг недалеко от нас с шумом упала целая рельса, силою взрыва поднятая на страшную высоту. Тогда я понял, что действительно опасно рвать рельсы, подкладывая шашку под него.

У Ринанского моста подорвали один устой очень удачно. Весь запас подрывного вещества, состоявшего из самых разнообразных сортов пороха, подложили под основание быка. После взрыва от него не осталось и следов, а фермы свалились вниз.

От Ресника до Младеновца ехали на паровозе. В последнем получили приказание вернуться обратно и взорвать двухсотсаженный тоннель у Ресника. Набрали в городе сколько нашли пороха и на поезде с вагоном впереди тронулись в путь. У тоннеля слезли и пошли к нему; я был впереди и вдруг слышу в темноте оклик и вижу

наведенное на себя ружье. Помню, что мне ужасно жалко было сознавать, что меня убьют сербские же солдаты, я крикнул, чтобы он не «пуцал», если серб, т.к. мы не враги. Ружье опустилось, и я был спасен. Невольным чуть не убийцей оказался адвокат из Белграда Лазарь Марковцев, с которым мы много вспоминали об этом случае.

Чтобы выполнить заданное нам поручение, нужно было выбить в стене туннеля мину, а у нас, как на грех, не оказалось инструментов. Хорошо еще, что нашли два молота, с которыми и приступили к работе поочередно, меняя устававших солдат. При таких условиях работа не спорилась, и лишь через несколько часов могли заложить мы мину. Но и этим не кончились наши мытарства, т.к. мина не взрывалась, несмотря на неоднократную смену запалов. Под конец, чтобы не терять времени, решили зажечь и фитиль, дабы взорвать туннель либо тем, либо другим способом. Когда произошел взрыв, все облегченно вздохнули, да и время было произойти ему, т.к. австрийцы входили уже с противоположного конца и нескольких их задавило обвалом.

От туннеля вернулись в Младеновац, а оттуда поехали в Чуприю, где находилась русская миссия инженеров с полковником Добровым во главе¹.

Из Чуприи меня отправили в З[айчар] и П[рахово], т.к. прошел слух, что австрийцы намереваются произвести нападение на Дунай у румынской границы, чтобы отрезать сообщение Сербии с Россией. Местом постановки мин я избрал фарватер Дуная между островом и левым берегом реки несколько ниже Железных ворот. Железными воротами называются искусственные струи — направляющие дамбы, построенные на месте мелкого переката. В настоящее время там глубоко, но зато течение так велико — до восьми узлов, — что проход через ворота считается одним из самых трудных по всему Дунаю.

Из Зайчара поехал в Ниш с целью осмотреть этот город. Оказался незначительным и грязным местечком, более похожим на деревню. Из Ниша приехал 2 декабря в Неготин, а оттуда был направлен в Шабач, т.к. австрийцы были за это время разбиты наголову и отступали.

¹ *Добров Петр Иванович* (р. 1870). В 1909 г. произведен в чин полковника, инженер корпуса морской строительной части.

8 декабря узнал, что взорвался второй монитор «Самос» на минах, поставленных у железнодорожного разрушенного нами моста у Белграда, и затонул на 22-метровой глубине со всем составом¹.

14 декабря через Валево и Шабач отправился в Дреновац, где и был 23 декабря. По дороге пришлось наблюдать путь отступления австрийцев. Можно было проследить по оставленным бежавшими предметам, как овладевал ими панический ужас, как постепенно расстраивался их порядок и падали последние остатки дисциплины. Сначала попадались целые горы снарядов, освободившись от которых, австрийцы собирались облегчить свой обоз, затем начали попадаться передки, а вскоре и самые пушки, увезти которые не могли выбивавшиеся из сил лошади. Вскоре показались и сами лошади, совершенно истощенные и измученные и добытые самими отступающими. Всюду разбросаны были в громадном количестве остатки обозов с запасами кофе, сахара, консервов и пр., свидетельствовавшие о не совсем стройном отступлении австрийцев.

Надо сказать, что такая решительная победа над неприятелем была полной неожиданностью для сербов, которые начали уже примиряться с мыслью отдать врагу чуть не четверть королевства и готовились к еще худшим испытаниям в будущем.

Лишь ужасы войны, да вид разоренных гнезд несколько умеряли восторг победителей. Впрочем, отступление австрийцев было столь спешно, после совершенно неожиданного для них и такого решительного разгрома, что много вреда они стране причинить не успели, — все, что они попортили, было выполнено ими при движении вперед, при попятном же — им приходилось заботиться лишь о спасении собственной жизни и свободы. Оставленное же ими добро несколько вознаградило убытки населения, а военному ведомству дало богатейший материал для защиты своих интересов оружием неприятеля.

Оставленные орудия, в полной исправности и с запасами снарядов, прекрасно служили сербам против австрийцев.

По приезде в Дреновац, начали готовить приспособление для постановки мин. Когда плотик был готов, ночью выехали на ра-

¹ Пароход «Шамос» (Szamos, 1892) был только поврежден и после ремонта в Брно вернулся в зимнюю базу в г. Славонски-Брод. *Вулф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. С.-Петербург, 2004. С. 19.

боту, подойдя почти к неприятельскому берегу. Когда были совсем близко от него и начали установку мин, не подозревая близости неприятеля, вдруг раздались выстрелы чуть не в упор. Нечего было думать работать при таких обстоятельствах, надо было спасаться. На середине Савы плотик начал тонуть, пробитый пулями, и когда уже совсем погрузился в воду, команда бросилась до сербского берега вплавь. Успели поставить лишь три мины, а на продолжение работы было мало надежды, так как австрийцы внимательно следили за нами. Вернулись 29 декабря в Шабач и поставили семь мин.

Из следующих дней наибольший интерес представляют работы по заграждению фарватера у П[рахово] корпусом парохода «Синус». Как ни доказывал я полную невозможность выполнить эту работу в данном месте, сербы приступили к ней и даром потратили лишь силы и пароход, т.к. затонул он, развернувшись вдоль реки, почти не заграждая фарватера.

Затем, 22 января устанавливали мины у разрушенного моста в Б[елграде] на 22-х метровой глубине.

Вот почти все наиболее крупное, сделанное нашей миссией в Сербии. Надо заметить, что австрийские мониторы проявляли очень мало инициативы, действовали совершенно разрозненно, без определенного плана, почему все операции их носили случайный характер. В общем, сила их не была использована в полной мере, а потому и борьба с ними не могла быть планомерной. Впрочем, это было бы трудно выполнить и с нашей стороны при полном почти отсутствии средств. При всей любезности сербских властей и при всем воинственном пыле простых солдат, сербы, видимо, были мало подготовлены к операциям на воде и мало понимали в них. Надо было удивляться их наивности, когда они спрашивали нас: «а разве надо», — когда мы просили дать шлюпки и пр. для работ. Вообще, при работах приходилось удовлетворяться минимумом средств, притом набранных с бору да с сосенки. Как бы там ни было, а мы сделали все, что было в наших силах, и принесли австрийцам немало горьких минут. Сербы очень ценили нашу деятельность, не совсем удовлетворяясь работой миссий других держав.

Как будет обстоять дело сербов в будущем — сказать трудно, но можно утверждать, что в настоящее время для борьбы с австрийцами на реках они подготовлены значительно лучше, чем в начале

кампании, — у них есть и опыт, и оружие, отнятое от неприятеля, а то раньше во всей армии не было ни одного бронебойного снаряда. После «победоносной карательной прогулки» австрийцев и пушками, и снарядами хоть пруд пруди.

Приходится жалеть лишь о том, что в Сербию не были посланы офицеры, знакомые с условиями речного плавания и со своеобразной обстановкой борьбы в ней. При этом условии мы выполнили бы задач больше и продуктивнее использовали бы время, не теряя его на изучение вопросов, знакомых речникам.

Сообщил И.

* * *

От редакции [«Морского сборника»]

К сожалению, интересные сведения о дальнейшей деятельности нашего отряда в Сербии на этом прерываются; не подлежит, однако, сомнению, что русский отряд сделал все, что он мог выполнить при последнем разгроме доблестной Сербии полчищами австро-германцев и изменников-болгар.

Проводимый ниже приказ Морского министра в достаточно сильных выражениях освещает оценку этой деятельности со стороны свидетеля ее английского адмирала Трубриджа¹.

¹ Эрнест Трубридж (Ernest Troubridge, 1862–1926) — адмирал британского военно-морского флота. Происходил из семьи, многие поколения которой были связаны с флотом. Отец Э. Трубриджа Томас Трубридж потерял правую ногу и левую ступню во время Крымской войны. Э. Трубридж тоже начал свою карьеру на Средиземноморье, а затем перешел на дипломатическую службу. Был офицером-наблюдателем на японском флоте во время Русско-японской войны. По выполнении миссии награжден японским и британским орденами. Продолжил службу в Средиземноморье. Ссылаясь на распоряжение Черчилля, намеренно пропустил германские корабли «Goeben» и «Breslau», присоединившиеся в Черном море к турецкому флоту. После этого попал под суд, но был оправдан британским трибуналом. Это роковое событие, которое английский историк Дж. Корбет назвал «пятном на славном имени британского флота», имело катастрофические последствия для южных границ России и значительно ослабило ее влияние на Балканах. Турция вступила в войну, а Болгария, не опасаясь более высадки русских войск в Варне, присоединилась к Центральным державам и вонзила нож в спину Сербии. По завершении трибунала, оправдавшего Трубриджа, он в январе 1915 г. был командирован в Сербию в качестве начальника британской миссии. Во время эвакуации через Албанию организо-

* * *

*Приказ по Флоту и Морскому Ведомству.
В Петрограде, Января 24 дня 1916 г. № 34.*

Министр иностранных дел препроводил мне копию ноты, переданной ему пребывающим в Петрограде Великобританским послом, относительно выдающейся деятельности нашего морского отряда в Сербии под командою старшего лейтенанта Григоренко, следующего содержания:

«Почитаю приятным для себя долгом уведомить Ваше Высокопревосходительство, согласно указаниям моего Правительства, что было получено донесение от адмирала Трубриджа, командовавшего в последнее время великобританской морской экспедицией в Сербии, весьма восхваляющего действия русской морской экспедиции в этой стране. Адмирал уведомляет, что эта экспедиция, бывшая под начальством старшего лейтенанта Василия Григоренко и официально никоим образом не подчиненная ему самому, неизменно выполняла всякие работы, которые он ее просил исполнить, и всегда подчинялась его пожеланиям, как будто находилась под его командою. Адмирал добавляет, что он желал бы подтвердить свое восхищение настойчивостью и мужеством, проявленными русской экспедицией во время боев при Белграде с 5 по 8 октября».

О таковой выдающейся деятельности нашего морского отряда в Сербии под командою старшего лейтенанта Григоренко мною было предоставлено на благовоззрение Государя Императора, и Его Императорскому Величеству благоугодно было, в 18-й день сего Января, Высочайше повелеть ввести в послужные списки старшего лейтенанта Григоренко и офицеров экспедиции, бывшей под его командованием, лестную оценку их деятельности английским адмиралом, о чем объявить в приказе по Флоту и Морскому ведомству.

Подписал: Морской министр, генерал-адъютант Григорович.

«Морской сборник», 1916. Том 2 (393).

вал переброску сербских военнопленных на Корфу. После прорыва Салоникского фронта назначен командующим силами союзников на Дунае. Corbett J. Naval Operations. New York, 1920; Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август—октябрь 1914 года). Москва, 2009; Fotakis Z. The Goeben episode // Greek Naval Strategy and Policy, 1910–1919. New York, 2005.

4. Отчет старшего лейтенанта Волховицкого о действиях отряда с момента ухода из Севастополя до эвакуации Белграда, август—ноябрь 1914 г.

От 3 августа до 4 августа лейтенант Григоренко с 11 часов утра получил словесное приказание от капитана 2-го ранга Кетлинского немедленно отправиться на пристрелочную станцию в Сухарную балку приготовить мины заграждения и пристрелять мины Уайтхеда (4) и в 5 ч. вечера выйти в город Одессу с 6 нижними чинами на транспорте «Дунай». Ввиду того, что до спуска флага не удалось погрузиться, вышли 4-го в 10 ч. утра. Прибыли в Одессу 5-го в 6 ч.у. В Одессе из Морского батальона получил 2 ящика консервов и перевязочные материалы. 6-го в 4 ч. дня на пароходе «Болгария» Русско-Дунайского пароходства вышли в море для следования по назначению.

Переход был вполне благополучен. По пути нигде не останавливались. Но вечером прибыли в Радугац. Утром 10-го перешли в Прахово, где приступили к перегрузке материалов на ширококолейную железную дорогу; в Зайчаре перегрузили на узкоколейную; в Парачине опять на ширококолейную. Вечером 12-го прибыли на станцию Ресники. Здесь материалы: 20 шаровых мин, 4 мины Уайтхеда, 3 аппарата и принадлежности были погружены на транспорт, запряженный быками. 12-го и 14-го была произведена лейтенантом Григоренко рекогносцировка и намечено первое место для постановки заграждения у Дубока и мины Уайтхеда у Остружницы. 15-го поставлены мина Уайтхеда в Остружниче. 16-го, 17-го делались попытки поставить минное заграждение у Дубока с имевшейся в распоряжении одной плоскодонной рыбацкой шлюпки. Однако это оказалось невозможным, ибо шлюпки не выдерживали мину и переворачивалась. Мины были установлены на 2 фута. Вместе с тем выяснилась вся трудность работы ввиду отсутствия материальных средства, течения, незнакомства сербов с рекой, далекой видимости, распространения шума на далекое расстояние по воде, а также неподготовленности команды. Утром 18-го было приступлено к постройке плотика из 2-х шлюпок. Того же числа прибывший с лейтенантом Григоренко отряд в числе 16 нижних чинов вступил под командование старшего лейтенанта Волховицкого. Старший лейтенант Волховицкий 7-го августа получил предписание с 30 шаровыми минами, моторным катером

«Кореец» и 28 человека команды отправиться в Одессу на транспорт «Казбек» для дальнейшего следования в Сербию. Выйти из-за погрузок из Севастополя удалось только 10-го и того же числа в 11½ часов ночи прибыли в Одессу. В 4 ч. дня 11-го вышли на пароходе Русского Дунайского Пароходства «Граф Игнатъев» по назначению, имея баржу на буксире. В ней, кроме груза Морского ведомства, находились еще винтовки и патроны для сербской армии. В Одессе на всякий случай было взято из Морского батальона 5 револьверов с патронами. Путь прошел благополучно. Заходили только в Рени для принятия угля. На пути на Дунае появилось 3 австрийских коммерческих парохода. Из них 2 вооруженных пулеметами. По этому поводу вся команда получила винтовки и патроны, а на барже было установлено постоянное дневальство 3 человек с винтовками. 15-го утром в 10 ч. пароход прибыл в Прахово. Ввиду большого числа перегрузок только 17-го утром прибыл в Ресник. Выгрузка закончилась только вечером. 18-го старший лейтенант Волховицкий явился к начальнику Дунайской дивизии 1-го позыва¹ и затем приступил к совместным работам с лейтенантом Григоренко.

С первого дня работ, т.е. 18-го ночью, удалось поставить только 4 мины, для этого лейтенант Григоренко с нижними чинами, взяв на плот 2 мины, выходил на реку Саву и бросал в намеченных на глаз местах. В ночь с 19-го на 20-е поставлено было в тех же условиях 6 мин и с 20 на 21-е 2 мины. Всего 12. Ввиду большой опасности работ (стрельба во время перехода на работы и во время работ) приходилось работать как можно быстрее. Вследствие этого невозможно было производить какие-либо подготовительные работы. Поэтому минное заграждение было поставлено на глазок. В ночь с 22 на 23 была поставлена мина Уайтхеда на Дубоке. 21-го старший лейтенант Волховицкий отправился на западный фронт через Валево. 22-го явился к начальнику инженеров всей сербской армии и просил его выписать из России мин Уайтхеда и 2 шестидюймовых орудия для установки их на берегу. Того же числа выехал в Шабац для производства рекогносцировки на западный фронт. 23-го произвел разведку у о-ва Дреновачка Ада с инженерным майором Протичем и выбрал там же место для постановки минного заграждения. 24-го

¹ Полковник Миливое Анджелкович-Каяфа (1868—1940).

получил приказание явиться в штаб 2-й армии выбрать место для постановки минного заграждения между селениями Босут и Митровица. 25-го выехал в село Раденовичи, произвел рекогносцировку и выбрал место для постановки минного заграждения у острова Вертачка Ада. 26, 27 и 28 пытался поставить мины на выбранном месте, но это оказалось невозможным, ибо был дан только один понтон, который при погрузке на него мин сейчас же переворачивался. 29-го прибыл утром в Раденовичи лейтенант Григоренко с сербским полковником Васичем. Был доставлен еще один понтон, и можно было образовать двойной понтон. Но этот понтон был разошедшийся, и других в армии не было. Так мы бились 29 и 30-го, когда были обстреляны, и пришлось оставить всякую мысль о постановке минных заграждений в данном районе ввиду общего настроения противника. В это время было сообщено, что 2 монитора укрываются в канале Босут и что, если разбить шлюз, то они останутся на дне. В это время в Раденовичи пришли из России 2 мины Уайтхеда. Решено было употребить одну из них для разрешения шлюза. Лейтенант Григоренко изготовил мину и вечером под проливным дождем, по колено в грязи отряд отправился к Босутскому каналу. Мина была протаскана на банку, и лейтенант Григоренко с матросами, державшими мину, вошел в воду и пустил ее по направлению канала. Мина взорвалась недалеко от шлюза и, очевидно, произвела выемку в грунте. Вследствие этого через час вода из канала с огромным шумом выкатилась в Саву. Австрийцы за время работы не стреляли, а открыли жестокий огонь только после взрыва. Им был убит 1 серб и 1 ранен. У нас потерь не было¹.

1-го и 2-го сентября были последние неудачные попытки поставить минное заграждение у Вертачкой Ады. Неудача последовала вследствие сильного обстрела австрийцами позиции и отказа штаба 2-й армии поддержать операции орудийным огнем. 3-го получили приказание поставить минное заграждение у Дреновачкой

¹ Как пишет Вульф, из-за резкого падения уровня воды в Саве мониторы не могли поддержать огнем австрийские войска. От Белграда вверх по течению можно было доплыть только до Купиново, в результате чего отрезок реки Рача—Купиново не контролировался флотилией. Поэтому сербам удалось форсировать Саву. Только 17 (4) сентября мониторы смогли, скребя днищем, потихоньку тронуться с места и принять участие в боях за Шабац. *Вульф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914—1918. С.-Петербург, 2004. С. 10—12.

Ады, но когда 4-го стали производить разведку, австрийцы заняли Дреновачку Аду и произвели нападение на Шабац. Тогда было приказано поставить минное заграждение у устья реки Дубрава, у о-ва Оршадская Ада. 5-го ночью мины были приготовлены лейтенантом Григоренко. 6-го утром он получил приказание выехать на запад к Саве с полковником Васичем пустить плавучие мины по течению для взрыва австрийского моста. Эта попытка 6 и 7 не удалась, т.к. оба берега были уже заняты неприятелем. Транспорт с минами вышел из Раденковича за 10 минут до входа туда противника. 6-го ночью старший лейтенант Волховицкий на плоту, сделанном из одной рыбачьей шлюпки и одного австрийского алюминиевого понтона, поставил минное заграждение из 9 мин у Оршадской Ады. Брали на плоты по 3 мины, и за время постановки и возвращения по берегу плот сносило до 1 километра. Этой постановкой заканчивается как бы первый период работ. Главной ошибкой, совершенной Верховным Командованием, был отказ в разрешении нам поставить минное заграждение в тех местах, которыми на обоих берегах Савы владели несколько дней сербы, и в Земуне. Мне кажется, что причиной этого было убеждение, что сербам не скоро придется отступать. Но судьба повернулась иначе. После отступления нам назначались для постановки заграждений различные места, но куда мы ни являлись, всюду было слишком поздно — австрийцы переходили на сербский берег.

После постановки заграждений у Оршадской Ады весь отряд разделился на две части. 13 мин и 11 человек были оставлены в Великом Бошняке для действий около Шабца и на наблюдательном посту у Оршадской Ады. Остальная команда с обоими офицерами отправилась на Торлак около Белграда в распоряжение Калемегданской обороны Белграда. Здесь были сосредоточены 17 мин заграждения и все 5 мин Уайтхеда. Наконец, на воду был спущен моторный катер «Корец», до того времени стоявший в Реснике. Катер этот оказался, однако, непригодным для действий минами, ибо: 1) он очень шумен, 2) не было подходящего аппарата, 3) он слишком легкой конструкции и с малой остойчивостью.

За время 1-го периода мониторы чувствовали себя стесненными и не покидали Земун с первых же дней нашего прибытия в Серию.

Но за время нашего отсутствия они осмелели и стали выходить опять и обстреливать Белград. Лейтенант Григоренко, приехав в Бел-

град 1 сентября, вытащил мину в Остружнице и поставил ее в Белграде на Дунайском Кее на пути монитора. В ночь с 14-го на 15-е он произвел выстрел по монитору, но мина, пройдя около 100 м, перестала работать, очевидно из-за недостатка воздуха. Проверить давление было невозможно, т.к. еще не дошли приборы. 10-го сентября утром мины заграждения на Дубоке на Оршадской Аде видны были из-под воды. Вечером они были уже покрыты водой на 20 см, а 15-го воды над ними было 2 метра. Два монитора воспользовались этим и ночью с 15-го на 16-е прошли к Шабцу через оба минных заграждения. Мину Уайтхеда у Дубоки не мог выпустить минный машинист, т.к. заели краны резервуара. 18-го спустили на воду моторный катер и на нем выходили за о-в Ада Циганлия, но были обстреляны своими же. 17-го поставили 9 мин заграждения у железнодорожного моста. Одна из этих мин при постановке перевернулась и затем взорвалась. 19-го поставили там же 5 мин, из коих одна оторвалась, но была поймана за мостом лейтенантом Григоренко. 20-го поставили бон между Адой Циганлией и сербским берегом для прикрытия от плавучих мин сербских мостов. Того же числа были отправлены 2 электрических сербских проектора, который они наладили. 21-го тянули из-за моста пароход «Ферти», но были обстреляны орудийным огнем, и потому пришлось до ночи бросить эту затею. 21, 22, 23 и 24-го лейтенант Григоренко устанавливал и регулировал собственноручно насос Уайтхеда, ибо в минах уже не было воздуха. Насос был установлен на паровой мельнице «Вшетечки». 25-го поставили мину Уайтхеда на Аде Циганлии. 26-го поставили мину Уайтхеда на Дунайском Кее. До 3-го октября занимались переборкой мин Уайтхеда. 4-го установили мину в Остружнице. 6-го сняли мину с Дунайского Кея, чтобы перенести ее на Б. Военный о-в, поближе к Земуну. Это не удалось, т.к. буксировать мину не было возможности из-за течения. Решили тащить ее по о-ву. 7-го с Дунайского Кея перевезли ее в нижний град и 8-го поставили мину на Ратном о-ве в непосредственной близости от Земунa. Установили там суточное дежурство матросов, снабдив их теплым бельем и консервами. Дежурство было крайне трудно, т.к. днем надо было лежать в болоте в камышах и абсолютно не шевелиться. С этого момента наша активность возымела свое действие, ибо мониторы, зная о ней через шпионов, совершенно перестали выходить из-за Земунского угла. Добраться до них не представлялось возможности из-

за отсутствия нешумящих шлюпок, для гребных же наши мины были, безусловно, слишком тяжелы. В ночь с 9-го на 10-е на заграждении у Оршадской Ады взорвался монитор «Темеш». 11-го установили мину из Остружницы у купальни. 12-го вызывали стрельбой монитор на Ратном о-ве, но он не вышел. 13, 14 и 15 лейтенант Григоренко перебирал четвертую мину и заменил ею мину на Аде Циганлии, а 16-го прибыл английский адмирал. В течение несколько дней он осматривал наши позиции и интересовался нами. 23-го поставили при нем мину Уайтхеда на Дунайском Кее. 24-го, 25-го и 26-го лейтенант Григоренко произвел разведку постановки минного заграждения у о-ва Скела. Он остановился на позиции у дер. Новое Село. В этом числе прибыл французский морской отряд с 3-мя 140-мм орудиями и приступил к их монтированию. 29-го сняли мину Уайтхеда с Ратного о-ва, т.к. сломался ключ от крана резервуара. 31-го утонула мина вместе с аппаратом у купальни, несмотря на поплавки. Попытки встретить ее, производимые 2 дня, не увенчались целиком, т.к. ее очевидно отнесло течением. 1-го ноября поставили мину Уайтхеда у купальни, т.к. эти позиции считались сербскими штабами весьма важной. 2-го было получено приказание эвакуировать Белград, и 3-го все мины и принадлежности были собраны на Торлаке и отправлены на ст. Чуприя. 4-го были поставлены еще 2 мины заграждения у моста. 8-го французы открыли огонь по мониторам, но неудачно, т.к. мониторы ушли. 16-го числа Белград был эвакуирован.

Старший лейтенант Волховицкий.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3444, лл. 151—159.

5. Рапорт начальника инженерного отряда особого назначения в Сербии полковника Доброва начальнику Морского генерального штаба

*8 ноября 1914 г.
№ 91, г. Чуприя.*

РАПОРТ

Доношу Вашему Превосходительству, что утром 12 октября с отбытием из придунайского местечка Прахово пароходов и освобожденных барж под начальством капитана 1-го ранга флигель-

адъютанта Веселкина¹ состоящая при мне команда в составе 1 кондуктора флота², 1 фельдшера, 57 матросов и 23 вольнонаемных рабочих была переведена мною на освобожденную от прибывшего груза баржу Русско-Дунайского пароходства № 619. В этой барже мною было устроено 2 помещения, одно для нижних чинов, другое для вольнонаемных. Кроме того на ней была устроена кухня из приобретенных мною для отряда 2 кухонных переносных печей с очагами и кухонных принадлежностей и соответствующее отхожее место. Для наблюдения за прилегающей к барже частью Дуная, за сгруженными на берегу мостовыми каюками и за порядком на барже был поставлен вооруженный часовой. Состоящий в моем отряде офицерский состав (из 2 инженеров-подполковников, 1 старшего техника морской строительной части, 1 военного врача, командированного от штаба Одесского военного округа, и капитана дальнего плавания, командированного от Русско-Дунайского пароходства), оставшийся в Прахове, разместился на оставленном пароходе «Тирасполь», который был привлечен в состав экспедиции капитаном 1-го ранга флигель-адъютантом Веселкиным. Все заготовленное имущество для моста, как то: якоря, тросы, лебедки, железо, цепи, блоки, инструменты, мины, орудие 75 мм, 2 пулемета, телефонная станция, повозки, а также пищевые продукты были мною оставлены на барже № 522 для постепенной разгрузки. Доски и бревна были сгружены на берег вместе с каюками. С утра 13 октября началась выгрузка материалов с баржи № 522, леса и каюков на подаваемые платформы и вагоны. Погрузка задерживалась чрезвычайно, ввиду отсутствия вагонов и платформ. Всего было погружено в Прахово 204 платформы и вагонов, из коих 66 вагонов было крытых, а 138 платформ и полувагонов. Утром 28 октября погрузка была закончена, и отряд выехал на назначенное место стоянки отряда, разборки материала и составления мостов — гор. Чуприя, расположенный на железной дороге между Нишем и Белградом. «Тирасполь» передан, по приказанию, в посольство. За время стоянки

¹ Флигель-адъютант — звание, которое присваивалось офицерам армии и флота, состоявшим в свите императора. Было знаком особого доверия, которое испытывал государь к титулованной особе.

² Кондуктор флота — воинское звание в русском флоте, присваиваемое унтер-офицерам.

в Прахово были рассчитаны 7 вольнонаемных, 4 по болезни, 1 как оказавшийся слабым и 2 за пьянство и прогулы. В отношении нижних чинов, позволявших себе пьянство, нерадивость, принимались дисциплинарные взыскания. Для устройства помещения в Чуприи 14 октября туда был командирован мною инженер-подполковник Буляков и врач отряда, коим вместе с сим было дано предписание ознакомиться с местами перегрузок вагонов и платформ в другие вагоны и платформы узкой колеи. Перевозка была очень затруднена этими перегрузками, так как в Прахово по выгрузке надо было грузить в вагоны и платформы ширококолейной ж.д.; далее в гор. Зайчары следовало все выгрузить и перегрузить в подвижной состав узкой колеи; после сего в гор. Порочине снова предстояла выгрузка и загрузка в подвижной состав широкой колеи и наконец в гор. Чуприя выгрузка из подвижного состава на берег. По выяснении работ с перегрузками и по устройству помещения в Чуприи, командировал в помощь инженеру Белякову старшего техника Волчанецкого с 1 плотником-десятиником и 7 нижними чинами, которые выехали из Прахово 19 октября.

Так как мне не было прислано с командою ни одного офицера, несмотря на мои просьбы, пришлось возложить заботы о довольствии команды на инженера-подполковника Лебедева. Попытка организовать правильную поставку продуктов в Прахово не удалась. Один раз доставили хлеб на следующий день, другой раз то же произошло с мясом, третий раз соседний отряд сербской милиции забрал доставляемое мясо, четвертый раз часть мяса оказалась недоброкачественною. Так как доставка мяса происходила из гор. Неготина, удаленного от Прахово, пришлось изыскать другой путь. Недалеко от Прахово на другом берегу Дуная расположена румынская деревня Груево¹, где имеются 2 завода. Пользуясь имеющимся пароходом и моторными катерами, организовали приобретение продуктов в Груево, где близ пристани аккуратно к 7 час. утра подвозили нужные нам продукты. Это оказалось тем более удобным, что продукты стоили в Груеве дешевле и были лучше, чем в Неготине. Большое содействие в приобретении продуктов оказали нам агенты Русско-Дунайского пароходства — радевацкий г. Софронов и груевский г. Смирнов.

¹ Рум. Gruia.

Стоя в Прахово, отряд оказал содействие сербам. Мною было получено известие, что баржа, груженная зерновыми продуктами и задержанная Румынией около Груева, получила разрешение на проход к берегам Болгарии. Баржа и продукты принадлежат Австро-Венгрии. Для наблюдения за нею и, в случае отхода, для задержания сербскому артиллерийскому отряду, стоявшему близ реки Тимок, граничащей с Болгариею, мною был дан 14 октября вплоть до отбытия из Прахово моторный катер. Катер находился при этом отряде с моими людьми до 25 октября, когда выяснилось, что баржа не может отойти, так как разрешение на ее выход было задержано со стороны Румынии. Вторая помощь дала Сербии турецкую баржу, ценою приблизительно на 30 тысяч рублей. Когда Турция объявила войну России, у Прахова мною была замечена турецкая баржа, для удостоверения в чем была послана команда, взявшая документы, которые подтвердили принадлежность баржи Турции. Документ мною был передан командиру порта Прахово с просьбою задержать баржу до выяснения вопроса с русским посольством. Наш русский посланник снесся с сербским правительством, и 24 октября, по распоряжению сербского правительства, баржа была задержана сербскими властями, и на ней был поднят сербский флаг.

21 октября, день восшествия на престол Государя Императора, был отмечен расцвечиванием флагами (русскими, сербскими и союзных государств) парохода «Тирасполь» и баржи, а также служением молебствия на барже приглашенным на молебствие сербским священником из Радевца. Сербские власти в лице начальника краевого округа, губернатора, священника — благочинного этого округа и местных ближайших властей прибыли на молебствие и принесли отряду свои поздравления и пожелания. Со своей стороны отряд пригласил всех прибывших властителей к обеду. За молебствием было провозглашено многолетие Государю Императору, всему Царствующему Дому и русскому воинству. После предварительного краткого слова, сказанного мною выстроенной команде, была провозглашена здравица Государю Императору и Всей Царствующей Семье с громогласным провозглашением «Ура!» и пением «Боже, Царя храни!». После сего последовало провозглашение здравиты Королю Петру, наследнику престола и сербскому народу. После выражения сербами одушевляющих их чувств мною была

составлена телеграмма русскому посланнику с просьбою повергнуть через Морского Министра к стопам Государя чувство воодушевления, охватившего отряд и прибывших представителей Сербии. Телеграмма была передана на сербском языке прибывшими на молебствие агентами Русско-Дунайского пароходства господами Смирновым и Сафроновым, прочитана представителям Сербии и при громких «Ура!» ими вполне одобрена.

Жизнь отряда в Прахово протекла спокойно, больных не было. Затруднение было в том, что все матросы присланы были запасные, отвыкшие от дисциплины. Единственный строевой офицер, бывший у капитана 1-го ранга флигель-адъютанта Веселкина и приглашенный им из армии, отбыл с ним, и посему офицерам-инженерам нужно было ввести строевые занятия, чтобы наладить дисциплину.

За время пребывания отряда в Прахове он пользовался особенным вниманием со стороны Краинского начальника. Из местных властей отряд находил постоянное энергичное содействие у коменданта станции Прахово поручика Радовановича.

28 октября вечером отряд по окончании загрузки выехал с поездом в Зайчары. В поезде в одном вагоне были установлены переносные очаги, и взят запас провизии, так что отряд с этой стороны был обеспечен. По прибытии отряда в Зайчары, людям был дан чай, после чего приступили к перегрузке прибывших с отрядом вагонов с минами, с 2-моторными катерами и необходимыми пищевыми продуктами в вагоны узкоколейной дороги. Команда, предупрежденная перед отправкой в Прахове о необходимости вести себя исправно и работать дружно, работала хорошо, за исключением 3 матросов, которые, несмотря на предупреждение и указание, что работа должна производиться в военное время, позволили себе отлучиться и напиться, а один из них допустил обсуждение распоряжений, указывая, что людей необходимо отпустить гулять в город. Все трое были арестованы и посажены под арест в сербском комендантском Управлении. После сего загрузка продолжалась и к вечеру была закончена. Ночь команда провела в отведенном комендантом помещении без всяких инцидентов. Из арестованных один назначен к отправлению в экипаж для поступления с ним по законам, а двое, по высадке под арестом, оставлены в команде. Назначенный к отправке в экипаж будет отправлен с имеющим прибыть отрядом капитана 1-го ранга

флигель-адъютанта Веселкина. За все время пребывания отряда в Зайчарах при нем состоял адъютант коменданта кавалерийский поручик Лейкович, который и встретил отряд. На следующее утро отряд двинулся по узкоколейной дороге так же с кухней, устроенной в особом вагоне. Ввиду трудности пути и перегруза состава, так как с отрядом шел батальон 10-го сербского полка, пришлось двигаться очень долго, паровоз два раза портился. Поздно вечером отряд прибыл в Парачин и, быстро разобрав приготовленную к разборке кухню, перенес ее в вагон ширококолейной дороги вместе с пищевыми продуктами, перешел сам в вагоны и напутствуемый комендантом гор. Парачина полковником Николаевичем выехал в Чуприю, куда и прибыл ночью. За время пути происшествий никаких не было.

По прибытии на место отряд занялся устройством своей базы и приведением в порядок выгруженных каюков и части леса.

Вместе с сим необходимо получить еще 107 вагонов разного материала, который задержан на разных станциях, а по прибытии рассортировать материал и приступить к сборке материала для устройства моста. Задержка прибытия вагонов происходит от того, что в настоящее время, когда сербы отступили из Валево, все бегут в направлении к Нишу и далее к Ускюбу. Дорога работает непрерывно. На случай неудач собирается масса состава к месту нахождения Верховного Командования — к Крагуевцу. В Крагуевце сосредоточиваются войска для большого сражения близ Валево, участь которого решит, может быть, вопрос об эвакуации Белграда. Судьба сражения во многом зависит от своевременного сбора артиллерийских снарядов и подвоза гаубиц. Большинство населения уже теряет энергию и усиленно ждет присылки из России русских войск, определяя потребность силу их в 100 тысяч человек. С опаскою поглядывают на Болгарию и ждут от России, чтобы она послала, в случае недружественного выступления Болгарии, свои войска в Болгарию, как мать, которая наказывает дитя, у которого развиваются худые индикты. На наш отряд население смотрит с бодростью и видит в нем первый залог помощи со стороны России, с удовольствием отмечая, что отряд имеет полное снабжение для своего пропитания и не нуждается ни в каких ассигнованиях со стороны Сербии. Поговаривали, что правительство предполагало назначить всему отряду на содержание нижних чинов по одному франку и офицерских чинов по 3 франка.

Считая такое ассигнование совершенно не нужным для отряда и могущим подорвать престиж России, я принял все меры, чтобы сербы не делали в этом смысле никакого предложения.

При моем представлении в Главной штаб-квартире Верховного Командования выяснился недостаток в Сербии военных инженерных сил и желание, чтобы отряд в лице своих офицеров пришел на помощь в созидании инженерных сооружений на позициях.

Вместе с сим выяснилась необходимость приготовить два моста для Савы, но таких, чтобы впоследствии из них можно было приготовить один мост на Дунае. Имея все изложенное в виду, я предполагаю лично с инженером-подполковником Лебедевым принять участие в созидании инженерных сооружений, на позициях оставив за собою общее руководство по приготовлению материала для моста и по постройке подъездного пути, так как мосты должны будут перевозиться снова по железным дорогам. Инженера-подполковника Балякова и старшего техника Волчанецкого предполагал оставить в Чуприи для сбора не дошедших 107 вагонов, для выгрузки, расфасовки, для изготовления мостов в частях по выработанному мною плану, для окончания работ по устройству нашей базы, для кормления команды, которая, несмотря на запасной материал, все же требует большого внимания, ввиду затруднений теперь в Сербии. Посему отсылка инженера Балякова до замены его должна нарушить все планы, и я ходатайствую перед Вашим Превосходительством об оставлении его или замене другим инженером, а также, если возможно, дополнительной присылке молодого офицера по адмиралтейству из ротных командиров для заведывания командою. Это представляется необходимым, чтобы задача, принятая Морским Ведомством, была доведена до конца, так как проведение грузов есть лишь часть той задачи, которая принята Морским Ведомством в Сербии, и лишь ощутительное сооружение в пределах Сербии вызовет здесь и естественную благодарность, которая наяву всем будет видна.

Вместе с сим доношу Вашему Превосходительству, что, по моей просьбе, капитан 1-го ранга флигель-адъютант Веселкин ходатайствовал у Начальника Морских сил Черного моря ввиду неустойчивости курса и важности отряда назначить на довольствие нижних чинов по 50 копеек в сутки на человека, на табак 30 коп., и на мыло 12 коп. в месяц, выдавать жалованье по морскому довольствию и за

специальности в полуторном размере. Для офицерских чинов было испрашиваемо выдавать суточные золотом: начальнику отряда по 2 фунта, инженерам-подполковникам по 1 ½ фунта и старшему технику и врачу по 1 фунту, — ходатайствую также из ассигнованного кредита производить расходы на представительство, как на устройство молебствия, на прием и проч.

К отряду сербское правительство назначило для исполнения поручений двух интеллигентных лиц по офицерскому положению и 1 нижнего чина, которые все живут и столуются с отрядом — офицерские чины с офицерами, нижний чин с нижними чинами, прошу разрешения на офицеров выводить стоимость их довольствия и на нижнего чина стоимость довольствия последнего, сколько будет стоить, подобно расходу пассажирских денег на судах.

Вместе с сим прошу распоряжения о высылке в отряд через Русское посольство книги XIII Свода Морских Постановлений изд. 1910¹ года, на которую ссылается Штаб Командующего Черноморским флотом. Такой книги здесь не имеется, и ссылка для отряда остается неизвестной.

О последующем решении возбуждаемых мною ходатайств, представленных в сем рапорте, прошу распоряжения Вашего Превосходительства сообщить мне через Русское Посольство, которое, скорее всего, будет знать местопребывание отряда, если бы по ходу событий оно было изменено.

В заключение считаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что Сербия как страна чисто земледельческая и притом в основах своих крестьянская, нуждается в технических силах, технических материалах, особенно в гаубицах, артиллерийских снарядах и патронах к ружьям, коих несколько образцов. Армия совершенно не имеет палаток, походных кухонь, в большинстве шинелей и сапог, оттого она представляет при прекрасном патриотическом духе босый и голый вид. Австрийцы, насмехаясь, спрашивают: «Где армия?» Так как большинство ее представляется в виде селян, одетых по-сельски. И все же швабы, как говорят, здесь, отступают.

Подписал инженер-полковник Добров.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3447, л. 45—49 об.

¹ Свод Морских постановлений. Книга 13. О довольствии чинов Морского ведомства. С.-Петербург, 1910.

6. Донесение начальника Экспедиции особого назначения капитана 1-го ранга флигель-адъютанта Веселкина о походе в Сербию, сентябрь—октябрь 1914.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

25 сентября прибыл вместе с состоящими в моем распоряжении капитанами 1-го ранга Майером и Страховским, лейтенантом Пиотровским и четырьмя нижними чинами в Одессу, где явился Командующему войсками округа генералу Никитину и Военному генерал-губернатору и Главноначальствующему генералу Эбелову, а также сделал визиты Градоначальнику, Капитану над коммерческим портом и командиру стоящего в гавани линейного корабля «Синоп» капитану 1-го ранга Паттону. На большом рейде стояла Черноморская эскадра под флагом Командующего Флотом, но дул шторм такой силы, что сообщения с эскадрой не было, почему явиться адмиралу Эбергарту не мог. В этот же день вечером эскадра ушла в море. В 6 час. вечера у меня в номере гостиницы назначил совещание, на котором присутствовали: инженер-полковник Добров, капитаны 1-го ранга Майер, Головин, Страховский, К.И.М.Ф.¹ отставной полковник Ермаков (Управляющий Русским Дунайским Пароходством), инженер-подполковник Лебедев, старший лейтенант Дехтерев и лейтенант Пиотровский. Совещание выяснило следующее:

1) Два колесных парохода Русского Дунайского Пароходства, «Румыния» и «Граф Игнатъев», закончили установку артиллерии. Три 75-мм пушки Металлического завода, четыре 47-мм Обуховского завода и два пулемета установлены на каждом из них корабельным инженером Алымовым средствами мастерской Добровольного Флота. Эскизный чертеж установки артиллерии на пароходах прилагается. Кроме того, помещения пароходов приспособлены для жилья команды, офицеров и размещения боевых припасов. Была произведена проверочная стрельба, сделаны соответствующие подкрепления, и затем была произведена учебная стрельба по щиту, по пяти выстрелов на комендора, под руководством старшего лейтенанта Дехтерова

¹ К. И. М. Ф. — Корпус инженер-механиков флота (техническая служба флота), подразделение военно-морского флота царской России.

и капитана 2-го ранга Волькенау. Этот штаб-офицер имел несчастье свалиться в трюм на пароходе «Румыния» и настолько сильно ушиб ногу, что его снесли в Одесский военный госпиталь, где ему придется, по-видимому, пролежать не менее месяца.

2) Комедоры и прочие нижние чины Черноморского Флота, присланные из Черноморского экипажа и Николаевского флотского полуэкипажа в числе 147 человек, сплошь из запаса. Большинство прислано без аттестатов, без ленточек, и многие не получали следующего им вещевого и денежного довольствия.

3) На колесных пароходах, находящихся в Рени: «Св. Сергей», «Белград» и «Сербия», — также предназначенных к вооружению, приступлено к работам под руководством того же Алымова, выехавшего из Одессы 22 сентября и прибывшего в Рени вместе с 15 мастеровыми Добровольного Флота и 2 мастеровыми Севастопольских артиллерийских мастерских 24 сентября. Работы производились при посредстве мастерских Русского Дунайского Пароходства. Предполагалось установить на пароходе «Сербия» одну 75-мм, две 47-мм пушки и два пулемета, на пароходах «Св. Сергей» и «Белград» по две 47-мм пушки. Кроме того, ввиду выяснившейся необходимости иметь впереди каравана отряд разведчиков в составе пароходов Русского Дунайского Пароходства «Шевченко», «Патриот» и «Прут», на первом устанавливался пулемет. Означенные работы предполагалось закончить 30 сентября сего года. Ввиду того обстоятельства, что по уходе из Прахова судов экспедиции полковник Добров и его инженерная партия остались бы в Прахове и в Сербии вообще без средств надежного речного передвижения, мною был затребован от Министерства Путей Сообщения инспекторский пароход «Тирасполь» с реки Днестр. Я остановился в своем выборе на этом пароходе ввиду его исключительной пригодности для указанной цели.

4) Грузы, предназначенные для Сербии, были заготовлены в Одессе и других русских приморских и придунайских портах и по мере погрузки их на баржи Русского Дунайского Пароходства приводились в дунайский порт Рени. Всех барж 16, опись которых с указанием размещенных на них грузов указана в отдельном приложении.

5) Вода на Дунае до 25 сентября сильно падала, в силу чего Русское Дунайское Пароходство прекратило рейсы Одесса—Систово пароходом «Болгария», имеющим осадку 10 фут. Перекаты же выше

Систова имели воды до 7 фут. 25 сентября были получены сведения о паводке на Дунае, поднявшем воду на перекатах до 13½ фут, что давало возможность для ускорения доставки воспользоваться морским буксирным пароходом Русского Дунайского Пароходства «Вилково» и также товаро-пассажирским пароходом «Болгария».

6) Полученные сведения Управляющим Русским Дунайским Пароходством, с одной стороны, и секретные телеграммы из разных официальных источников, с другой — устанавливали с очевидностью присутствие за островами, расположенными ниже Видина, в Болгарских водах четырех Австро-Венгерских пароходов пассажирских и двух буксирных, на которых находилась военная команда Германская и Австрийская, а командование пароходом было поручено офицерским чинам, и что имеются полные основания предполагать вооружения означенных пароходов пулеметами и орудиями неизвестного калибра для нападения на предстоящие к отправке в Сербию транспорты военных грузов. Правдоподобность враждебных намерений подтверждалась фактом явно умышленного таранения Венгерским буксирным пароходом «La Torza», ранее следовавшего транспорта военных грузов в Сербию на буксире парохода «Белград», когда он напал на баржу и отрезал кормовой подзор, раскрыв трюм баржи. Вторичная попытка нападения была сделана у выше указанных островов двумя пассажирскими пароходами «Deak Ferenz» и «Franz Ferdinand» на транспорт военных грузов на буксире парохода «Св. Сергей». Попытка была отражена неожиданным для них появлением шедшего без буксира парохода «Белград». Наконец, один из видных служащих Австрийского агентства в Галаце, помощник обер-инспектора Австрийского Пароходства Попович, как славянин и русофил, лично предупредил о том, что нападение готовится и чтобы Пароходство остерегалось.

7) Все означенные пароходы и баржи по военно-судовой повинности со всем личным составом переданы в ведение Морского министерства.

По обсуждению на совещании всего вышеизложенного выяснилось, что настоящая экспедиция как по количеству и роду грузов, по составу ее судов, по продолжительности предстоящего рейса, так и по числу пароходной и особенно военной команды представила собою значительно более сложную и крайне серьезную организацию,

требующую особо тщательной разработки всех подробностей ее действий. Поэтому для специального наблюдения за командой в военном и хозяйственном отношениях я обратился к местному военному начальству с просьбою назначить мне строевого сухопутного офицера для заведывания военнослужащими нижними чинами в строевом и хозяйственном отношении на правах ротного командира, а также чиновника Военного ведомства для ведения канцелярии и отчетности. Просьба моя была немедленно исполнена. Назначены поручик Сополтянов 60 Замосцкаго пехотного полка и губернский секретарь Чепчиков, и, согласно моей просьбе, по приказанию Командующего флотом в Черном море был назначен в состав экспедиции мичман Шахов с линейного корабля «Синоп».

Так как из всех людей, виденных мною в Одессе, самым осведомленным о всем происходящем на Дунае и в придунайских государствах оказался управляющий Русским Дунайским Пароходством К.И.М. отставной полковник Ермаков, то я счел необходимым пригласить его в состав экспедиции для решения всех вопросов, связанных с плаванием по Дунаю, на месте и телеграфировал в Главный Морской Штаб о зачислении его на действительную службу с чином капитана 1-го ранга и оставлением на занимаемой должности.

Все означенные лица совместно с прибывшими из Петрограда — старшим врачом Кронштадтского морского госпиталя, коллежским советником Дончаковым и лейтенантами Гаврилюком и Лениным — назначены моими приказами за № 5, 6, 8, 13, 14 и 15 в состав экспедиции. Равным образом мною зачислен в состав экспедиции старший лейтенант Дехтеров, ранее командированный в Одессу Морским Генеральным штабом.

Так как в Петрограде в Главном гидрографическом управлении не было карт реки Дунай, я обратился в штаб Одесского военного округа, где оказались лишь карты прилегающих по Дунаю местностей, изображение же самой реки напоминало ров, наполненный водой, без указания ширин и глубин и даже без обозначения островов. Подробную карту реки Дунай мне удалось получить у управляющего Русским Дунайским Пароходством. Карты эти были двух родов: карты Дуная, перепечатанные Русским Дунайским Пароходством с Болгарской официальной карты от Силистрии до Тимока, и карты издания гидрографической службы Румынского Министерства публичных работ.

Отсутствию этих карт и заверению штаба войск Одесского округа в неимении таковых вообще я не придал значения.

26 сентября мною произведен осмотр пароходов Русского Дунайского Пароходства «Румыния», «Граф Игнатъев» и сделано распоряжение о снятии фок-мачты для увеличения угла обстрела орудий, а вечером того же дня пароходы эти, до сих пор задержанные в Одессе сильным штормом, снялись для перехода в г. Рени.

Тогда же была отправлена в Рени и команда на пароход Русского Дунайского Пароходства «Русь» и отправлены: капитан 1-го ранга Страховский, подполковник Лебедев, старший лейтенант Дехтеров, поручик Сополтянов, охотник флота Савей, врач Дончаков, губернский секретарь Чепчиков, — частью на пародах Русского Дунайского Пароходства, частью по железной дороге.

Поручику Сополтянову было поручено пройти сокращенный курс стрельбы из ружей со всеми нижними чинами, сплошь призванными из запаса. Эта задача была с успехом выполнена при содействии нашего морского врача Дончакова, бывшего ранее саперным поручиком и участником Японской войны. Результат стрельбы сверх всякого ожидания отличный. Стрельбе были обучены также и вольнонаемные команды Пароходства.

27 сентября делались необходимые заказы и приемы.

Получены известия о кончине Румынского Короля Карла I.

28 сентября отбыл по железной дороге в г. Рени совместно с инженер-полковником Добровым, капитаном 1-го ранга Майером, полковником Ермаковым, лейтенантом Пиотровским и мичманом Шаховым.

29 сентября прибыл в г. Рени, где был встречен на вокзале капитаном 1-го ранга Страховским, ротмистром пограничной стражи Фос, начальником порта, статским советником Бодиско, агентом Русского Дунайского Пароходства, а на берегу Дуная в месте стоянки пароходов экспедиции — офицерами и командой во фронте.

Тогда же представились мне и были зачислены в состав экспедиции: инженер-подполковник Беляков, корпуса корабельных инженеров штабс-капитан Алымов, сухопутный врач, лекарь Конаржевский, назначенный в партию полковника Доброва по его просьбе распоряжением Одесского военного округа и техник морской строительной части Волчанецкий.

В город Рени прибыл накануне из Бухареста для свидания со мною, по моей просьбе, первый секретарь нашей миссии в Румынии Б.К. Арсеньев.

По обходе пароходов экспедиции мною было устроено совещание, на которое был приглашен и секретарь нашей миссии. Последний подтвердил имевшееся у нас сведение о намерениях Австро-Венгрии вредить успеху экспедиции, а также сообщил нам о тех шагах, которые Императорская Миссия предприняла перед Румынским правительством, дабы заручиться его дружественным нейтралитетом, что же касается Болгарии, то этого достичь не удалось: эта страна явно сочувствует Австрии и Германии, допуская продолжительное пребывание в своих дунайских портах офицеров и нижних чинов враждебных нам государств, цель пребывания каковых установить точно не удалось.

Арсеньев заявил, что, по просьбе Поклевского, Румынское правительство дало распоряжение по всем придунайским телеграфным пунктам принимать от меня за моей подписью зашифрованные депеши, адресованные мною в Императорские Миссии в Нише и Бухаресте.

Я уполномочил Арсеньева доложить Поклевскому мою просьбу оповестить тех, кому о сем ведать надлежит, мое категорическое решение принимать самые решительные меры в отношении всех плавающих средств Австрии и Венгрии по Дунаю, со стороны которых был мог заподозрить желание так или иначе повредить успеху экспедиции. Это мое решение было мною потом заявлено агентам нашего Пароходства для сообщения их Австрийским Товариществам.

Порядок следования судов экспедиции был разработан с участием всех капитанов пароходов, прекрасно знакомых с особенностями плавания по Дунаю, и объявлен в приказе моем за № 16 от 30 сентября сего года.

Позволяю себе отметить: корабельный инженер шт. — капитан Алымов, призванный из запаса флота, статский советник, невзирая на свой возраст и на имеющиеся у него увечья, полученные им при падении в док еще воспитанником, выразил желание следовать на одном из судов разведочного отряда. Разведочный отряд имел приказание следовать впереди каравана на расстоянии 3—5 миль, обследовать все берега и протоки между островами и тралить на

перекатах и в узких проходах Дуная. Для этой последней цели были сооружены по указанию капитана 1-го ранга Страховского два траля Шульца — Порт-Артурского типа с кошками, средствами мастерских Русского Дунайского Пароходства¹.

Предназначавшийся полковником Добровым моторный катер «Гидроплан» для разведочной службы был только что принят им по акту приемных испытаний от мастерской Ревенского в Одессе. Этот катер предназначался для старшего лейтенанта Волковицкого в Сербию. В Рени я приказал его вторично испытать и, несмотря на наличность всех частей по спецификации, механизмы его не действовали. Я признал невозможным брать с собой подобный хлам и оставил его в Рени, сдав на хранение агенту Пароходства. Вместе с этим я распорядился взять имевшийся в Рени исправный моторный катер Министерства Путей Сообщения, на что и получил впоследствии любезное разрешение Инспекции.

Эскадренный ход, обеспечивший совместное плавание, выявился в 3,25 узлов скорости против течения. Я избрал своим флагманским кораблем пароход «Болгария», на котором поместил Управляющего Русским Дунайским Пароходством полковника Ермакова, канцелярию, инженер-полковника Доброва, инженер-подполковников Белякова и Лебедева, техника Волчанецкого, капитана дальнего плавания Шумлянского, чиновника Чепчикова, а также устроил лазарет, врачей Дончакова и Конаржевского, впоследствии переведенных мною перед Видином на «Румынию» и на «Св. Сергей». Во время похода я несколько раз обгонял караван и заходил в прибрежные Румынские порты, где переговаривался по телефону с Поклевским, а также получал все интересовавшие меня сведения от агентов Русского Дунайского Пароходства. Надо отдать полную справедливость Русскому Дунайскому Пароходству, что агентурная часть поставлена у них на

¹ Приспособление для поиска мин, изобретенное в 1898 г. лейтенантом К.Ф. Шульцем. Впервые использовалось в 1904 г. во время обороны Порт-Артура. Трал Шульца состоял из двух смычек тралящей части, соединенных буксирами с парой тральщиков. Положение трала на определенной глубине обеспечивалось грузами и буями. Наиболее известен так называемый «большой балтийский» трал Шульца, активно использовавшийся в годы Первой мировой войны. Он имел на своей тралящей части 48 трехлапых кошек и мог очищать полосу шириной 183 м со скоростью до 7 узлов. *Смирнов Г., Смирнов В.* Носители противоминного оружия в России. Моделист-Конструктор. 1989. № 8.

большую высоту, что большая часть сведений и слухов, полученных мною шифром от агентов нашего правительства, мне была известна гораздо ранее по донесениям агентов Русского Дунайского Пароходства. Позволю себе обратить особенное внимание на деятельность управляющего Русским Дунайским Пароходством полковника Ермакова, сумевшего поставить дело так, что не только коммерческая, но и политическая жизнь придунайских государств отражается во всех ее проявлениях в соответствующих своевременных донесениях агентов, имеющих постоянно в распоряжении этого незаурядного деятеля и администратора.

Доношу, что присутствие полковника Ермакова в числе чинов вверенной мне экспедиции в значительной степени содействовало успеху возложенного на меня поручения.

В 6 час. 10 мин. вечера «Болгария», подняв сигнал «сняться с якоря», отвалила от понтона. До Галаца шел с нами 1-й секретарь миссии Арсеньев. Все суда экспедиции снялись с якоря в порядке, указанном в приказе № 16 от 30 сентября. В 7 час. 40 мин. вечера «Болгария» ошвартовалась у пристани Русского Дунайского Пароходства в Галаце, а в 2 час. 50 мин. отошла из Галаца. В Галаце, как и в других портах, румынские власти и население проявляли особый интерес к экспедиции и выказывали явно доброжелательное отношение. В Галаце особенно интересовались пароходом «Прут», который по своеобразному внешнему виду был принят за миноносец, для выяснения этого вопроса на «Болгарию» и на пристань приезжали полицейские чиновники.

В 2 часа 35 мин. пополудни 2 октября прошли мимо Браилова. В 12 час. 45 мин. дня «Болгария» ошартвовалась у пристани Русского Дунайского Пароходства в порту Гирсова. Я в сопровождении некоторых офицеров сошел на берег. Ввиду того, что 2 октября исполнилось 9 дней со дня кончины Румынского Короля Карла 1-го, я пожелал отслужить в соборе по нему панихиду, но за отсутствием священника, уехавшего на потребу, этого моего намерения осуществить не представилось возможным.

В 3 часа 40 мин. дня отошли от Гирсова. В 4 час. 15 мин. дня «Болгария» ошвартовалась у понтона Румынской деревни «Новенька», население которой, числом до 5000, состоит сплошь из русских православных старообрядцев Белокриницкого благословения (липоване).

Я с офицерами сошел на берег, где был встречен приветствиями собравшегося селения. В местном храме Успения в присутствии румынских властей отслужена краткая лития по скончавшемуся Королю, после чего старообрядческий священник пришел на «Болгарию» и отслужил для следующих с нами вилковских рыбаков-старообрядцев, приглашенных полковником Добровым для мостовых работ в Сербии, и осенял крестом проходившие мимо суда экспедиции. В 5 час. 30 мин. отошли от «Новенькой»; наше отбытие сопровождалось дружным «Ура» собравшегося на берегу населения и трезвоном с церковной колокольни. В 10 час. 40 мин. прибыли и ошвартовались в порте Чернавода. На рейде находились два румынских монитора и два номерных миноносца. На «Болгарии» я принимал посетивших меня румынских генерал-майора, полицеймейстера и других граждан, открыто высказывавших свои симпатии России. В 12 час. 20 мин. ночи на 3 октября отошли из Чернаводы. В 10 час. 15 мин. утра пришли в Силистрию. На рейде два монитора, один под контр-адмиральским флагом. По прибытии на «Болгарию» пришел капитан над портом, интересовавшийся вооружением кораблей. В 2 часа дня отошли из Силистрии. Во время стоянки в Силистрии я принимал доклады и делал необходимые распоряжения, осматривал город. В то же время выяснилась нужда в перевозке сена на баржи для лошадей. В 9 час. 45 мин. вечера того же 3 октября ошвартовались у понтона Русского Дунайского Пароходства в Туртукае. Около левого берега стоял румынский военный корабль, а около понтона на правом берегу — военный катер. В Туртукае простояли до 12 час. 20 мин. следующего дня (4 октября) ввиду необходимости разгрузки и перевоза на баржи сена. Во время стоянки в Туртукае я осматривал город и принимал на «Болгарии» 8 румынских офицеров, прилетевших на аэроплане из Бухареста, и русского священника о. Игнатия Чернева. Офицеры предложили здравицу Его Императорскому Величеству. В 3 час. 50 мин. дня прошли Четаеете. В 9 час. 35 мин. вечера ошвартовались у пристани Русского Дунайского Пароходства в Журжеве, где оставались до 11 час. 55 минут. В Журжеве я имел беседу по телефону с русским полномочным Министром в Бухаресте Поклевским, получил телеграфное известие о выходе из Рени «Тирасполя» и моторного катера «Циклона», который не мог быть своевременно доставлен из Одессы в Рени за свежестью погоды. Там же было куплено 100 мешков отрубей для лошадей, овса же купить было нельзя.

5 октября с утра, по случаю дня Тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, все суда были расцвечены флагами. В 11 час. дня я поздравил выстроенную во фронт команду и провозгласил здравицу Его Императорскому Величеству и Всей Августейшей Семье. В 3 час. 20 мин. пристали к Турну-Магурели, где пробыли до 7 час. 22 мин. вечера. В кают-компаниях были капитан над портом, полицейский чиновник и агент Русского Дунайского Пароходства, с которыми я имел суждение о возможности закупки сена и овса для лошадей. По этому же вопросу я съезжал на берег в сопровождении полковника Ермакова, главного агента Каменского и местного агента. Получить фуража в городе не удалось по случаю воскресного дня. В 5 час. 30 мин. с поездом прибыл русский Военный агент в Румынии полковник Б.А. Семенов. Получены были две шифрованные телеграммы посланника Поклевского, сообщающие слухи об австрийских мониторах и пароходах близ Сербской границы.

Вопрос этот подвергся обсуждению в Совещании с приглашенными мною офицерами и полковником Семеновым. В 6 час. 10 мин. подошел пароход «Румыния». Капитан 1-го ранга Страховский доложил мне, что с Болгарского берега на 547 км болгарский пикет стрелял по пароходам «Прут» и «Румыния»; сделано 7 выстрелов без результата. Вследствие сего мною была отправлена посланнику Поклевскому телеграмма следующего содержания:

«Прошу сообщить в Петроград Нагенмору и в Софию Посланнику, что сегодня 5 октября на 547 километре около острова Вардена болгарский пикет произвел несколько выстрелов по пароходу «Прут» без попадания. Стрельба прекратилась, когда подошел пароход «Румыния» и, сняв чехлы, навел орудия».

Там же было сделано два выстрела по пароходу «Болгария», причем пули, ударившись о кормовой подзор, не произвели никакого вреда.

6 октября в 12 час. 5 мин. ночи пристали в Корабии. В Корабии простояли до 10 час. утра. Там, по моему приказанию, закуплен овес. В Корабии же мною получена телеграмма о том, чтобы при входе в сербские воды каждый наш пароход делал два свистка в предупреждение стрельбы с сербского берега. В 3 час. 23 мин. прошли болгарский порт Рахово, в 3 час. 27 мин. прошли румынский порт Бекет, в 10 час. 50 мин. вечера прошли Лом-Паланку.

7 октября, в 5 час. 10 мин. утра стали на якорь по причине тумана и простояли до 11 час. 35 мин. дня. В 4 час. 55 мин. прошли Видин, набережная была залита народом. В 5 час. 20 мин. ошвартовались у Румынского понтона в Калафате. Агенты сообщили слухи, что австрийские мониторы прорвались от Орсова вниз. Получена мною телеграмма о проходе Журжева 6 октября пароходом «Тирасполь». Куплено мясо и хлеб для отряда. Даны мною инструкции офицерам относительно мер предосторожности при дальнейшем следовании, и приказано всему каравану стать на ночь на якорь у Четате, чтобы пройти подозрительные места засветло.

8 октября, в 3 час. ночи, отошли от Калафата, в 5 час. 20 мин. утра подошли к каравану, в 7 час. 20 мин., когда бывший туман рассеялся, все суда пошли вперед. В 10 час. 10 мин. прошли болгарскую деревню «Ясено», в 2 час. 35 мин. прошли болгарскую деревню «Новосель». В 2 час. 27 дня сербская граница; на «Румынии» и «Гр. Игнатъев» подняты, по моему приказанию, военные флаги. От Груевского агента Русского Дунайского Пароходства было получено письмо, в котором посланный мною агент сообщает, что он проехал по всему берегу на автомобиле и ничего подозрительного не заметил. В 2 час. 20 мин. подошли к Радуевцу и оставили там все баржи с лошадьми, так как сюда выехали принимать их сербские офицеры. В 2 час. 40 мин. отошли от Радуевца. В 3 час. 20 мин. пришли в Прахово, где были встречены комендантом станции и немедленно приступили к разгрузке барж. Сам же я, передав командование капитану 1-го ранга Майеру, отправился в сопровождении полковника Доброва и моего ординарца охотника флота Савея (титularный советник, кандидат прав Московского Университета — инспектор народных училищ Малоархангельского уезда Орловской губ.) в г. Ниш для свидания с нашим поверенным в делах Штрандтманом, Министром Президентом Пашичем и Военным министром полковником Степановичем. Нам представлен был отдельный вагон в экстренном поезде и назначен был сопровождать нас сербский капитан Иован Иованович, бывший до объявления войны финансовым и торговым агентом в Лондоне.

За все время следования от Рени до Прахово не было пропущено ни одного парохода, ни одной баржи, ни одной шлюпки, как днем, так и ночью, без того, чтобы они прошли мимо каравана, не

будучи сопровождаемы одним из наших военных конвоиров. Отмечаю с особенною гордостью достойную всякой похвалы и уважения службу чинов, в особенности разведочного отряда и пароходов «Румыния» и «Гр. Игнатъев». Капитаны 1-го ранга Майер и Страховский, лейтенант Пиотровский и кор. ин. штабс-капитан Алымов положительно не спали ни одной ночи. Также отмечаю заслуживающую всяческого поощрения и уважения службу полковника, управляющего Русским Дунайским Пароходством Ермакова, лейтенантов Гаврилюка и Ленина, мичмана Шахова и поручика Соплянова, капитанов и механиков судов экспедиции. Заслуживает также большой похвалы неутомимость и искусство, с которыми кор. ин. штабс-капитан Алымов в самое короткое время с ничтожными средствами сумел превратить простые буксирные пароходы в весьма грозные для Дуная боевые единицы.

Не могу обойти молчанием и труды старшего лейтенанта Дехтерева по содействию к вооружению и организации артиллерийской службы на судах и к приведению в порядок материальной части артиллерии. Очень печально, что капитан 2-го ранга Волькенау, под исключительным наблюдением которого началось вооружение судов, и который так жаждал довести столь блестяще им начатое дело до конца, в силу несчастного случая лишил вверенную мне экспедицию такого отличного офицера.

В Нише на вокзале я был встречен нашим поверенным в делах адъютантом Военного министра. Помещение для нас было приготовлено в покоях Епархиального Епископа, Преосвященного Досифея /кандидат богословия Киевской Духовной Академии¹. Этот гостеприимнейший святитель за время 2-дневного пребывания в Нише оказывал нам самый родственный и дружеский прием. Не могу без чувства особенной благодарности не вспомнить о милом и родственном нам Архипастыре Братского Народа. Из бесед с нашим поверенным в делах я нашел подтверждения имевшихся у меня ранее того сведений о пребывании в Видине нескольких человек — германских и австрийских морских офицеров и довольно большого количества нижних чинов. Австрийский майор якобы снабжал болгарских комитатджей динамитными патронами для подрыва мостов

¹ Досифей (Драгутин Васич, 1878—1945) — епископ Нишский и первый митрополит Загребский.

и тоннелей с целью воспрепятствовать доставке привезенных нами военных грузов из Прахово к месту назначения. Железная дорога от Неготина по направлению к Зайчару на довольно большом протяжении протекает вдоль пограничной с Болгарией речки Тимока. Поэтому сербы удесытерили бдительность, установив по всему этому протяжению сплошную линию вооруженной стражи.

У Штрандтмана в канцелярии познакомился с болгарским посланником г. Чабрашниковым, с которым у меня произошел довольно крупный разговор, вызванный тем, что г. Чабрашников позволил себе усомниться в правдивости моего донесения нашему поверенному о стрельбе по пароходам «Прут» и «Болгария» болгарским пикетом. Когда г. Чабрашников после этого просил меня подробно рассказать, как было дело, то я на это ответил ему, что не имею намерения рассказывать ему то, что официально известно болгарскому правительству через наших дипломатических представителей, своевременно мною поставленных в известность о происшедшем, тем более что у меня сложилось вполне определенное убеждение в недружелюбном по отношению к России нейтралитете Болгарии. И когда г. Чабрашников спросил меня, в каких портах Болгарии я замечал подобное отношение, тогда я ответил ему, что не счел нужным быть ни в одном Болгарском порту и надеюсь никогда в них и не бывать, и вообще дальнейший разговор на эту тему считаю излишним. В этот день вечером г. Чабрашников, ставленник и наперсник Царя Фердинанда, уехал по железной дороге в Софию для личного свидания со своим повелителем. Штрандтман весьма нелестно отозвался мне о Чабрашникове и сказал, что мне, как не дипломату, иначе с этим зазнавшимся господином говорить и не надлежало. Разговор мой с Чабрашниковым происходил на французском языке.

В день приезда я сделал визит Военному министру полковнику Стефановичу, который от имени правительства благодарил меня за благополучно доставленный груз, столь необходимый Сербии.

В этот же день я представлялся Его Высочеству Королевичу Георгию Петровичу, совершенно оправившемуся от полученного им в бою серьезного ранения. Королевич был в высшей степени любезен и через ½ часа лично отдал мне визит в помещении нашей миссии, где подробно расспрашивал меня о походе, о России и о наших военных действиях. Беседа длилась около 1 ½ часов.

На следующий день, 10 октября, в 9 час. утра мне была назначена аудиенция и г. Министра Пашича. Пашич благодарил меня и просил передать усердную просьбу правительства о доставлении им, буде возможно, полевых пушек, снарядов, теплой одежды, хотя бы отобранной у австрийцев, перевязочных средств, ружейных патронов и сапожного товара. В заключение беседы Пашич меня обнял, и я трижды облобызался с этим почтенным стариком. В этот же день вечером поручик Милош Петровинович вручил мне пожалованные мне Регентом Наследником Королевичем Александром знаки ордена «Белого Орла» 3-го класса, на принятие и ношение коих мною прошу Ваше Высочайшее пресвосходительство испросить Высочайшего соизволения.

В этот же день вечером я предполагал выехать обратно по железной дороге в Прахово, но по настоянию Королевича Георгия Петровича, любезно предоставившего мне свой автомобиль, мы выехали на нем в Прахово в сопровождении Капитана Иована Иовановича. По пути, в городах Княжевце и Зайчаре население устроило нам дружескую овацию, а в Зайчаре, кроме того, нам был предложен военными и гражданскими властями завтрак, в котором принимали участие около 40 человек во главе с начальником дивизии, городской голова, городские нотабли и духовенство.

В Прахово прибыли вечером. К этому времени была закончена разгрузка барж.

На следующий день, 12 октября, простившись с полковником Добровым, его помощником и командой, суда вверенной мне экспедиции снялись с якоря и пошли в Рени.

В распоряжении полковника Доброва я оставил пароход Министерства Путей Сообщения «Тирасполь», благополучно пришедший в Прахово, имея на буксире две моторных лодки. Кроме того, мною оставлены в Прахове две баржи с мостовым имуществом, из которых одна, по просьбе полковника Доброва, не была разгружена, а другая была приспособлена для временного жилья его команды.

С полковником Добровым остались в Сербии инженер-подполковники Беляков и Лебедев, техник Волчанецкий, сухопутный врач Конжаревский, кондуктор Баржак, капитан дальнего плавания, губернский секретарь Шумлянский (в качестве такелажмейстера), 87 нижних чинов флота и 16 человек старообрядцев — вилковских рыбаков (см. приложение № 7-й)¹.

¹ Приложение не публикуется.

Переход из Прахово в Рени был совершен благополучно со всеми теми же предосторожностями, как и при плавании вверх по Дунаю, но со скоростью, втрое большею. Я на «Болгарии» посетил два румынских порта: Журжево и Галац. От Поклевского я получил извещение о том, что австрийское правительство заявило Румынии протест по поводу пропуска ими в Сербию каравана с воинским грузом и предупредило, что Австрия примет соответствующие меры, чтобы впредь подобное повторится не могло.

Я со своей стороны не особенно ясно себе представляю, что Австрия может предпринять в этом направлении, не форсировав Железных Ворот. Склонен думать, что это весьма маловероятно, ибо отсутствие на этих стремнинах туерного пароходства, уничтоженного сербами, отрезало бы на долгое время возможность возвращения обратно форсировавших судов в австро-венгерские воды Дуная. Конечно, картина переменится совершенно, ежели Болгария сбросит с себя личину нейтралитета и открыто объявит себя воюющей стороной. К этому, по-видимому, все и клонится.

В Галаце произошел трагикомический инцидент. Капитан 1-го ранга Майер съехал на берег, как и я, по предварительному разрешению местных властей, в военной форме и на базаре стал снимать фотографическим аппаратом местные типы. Полицейский сержант, заподозрив капитана 1-го ранга Майера в шпионаже, пригласил его отправиться с ним на извозчике в префектуру полиции, где за капитаном 1-го ранга Майером заперли дверь на ключ. Узнав об этом, я немедленно съехал на берег и поскакал на извозчике в префектуру, откуда по телефону переговорил с губернатором, потребовав его немедленно в префектуру и дав ему на проезд 5 минут времени, пригрозив ему в противном случае большими неприятностями на дипломатической почве. Губернатор прискакал через 3 минуты, немедленно освободил капитана 1-го ранга Майера, принес свои извинения за идиотскую выходку городского, которого тут же приказал прогнать со службы. Но капитан 1-го ранга Майер упросил губернатора ограничиться менее жестоким наказанием. Не удовлетворенный извинениями, принесенными мне и капитану 1-го ранга Майеру Галацким губернатором в здании префектуры полиции, я настоял на том, чтобы он, губернатор, через ½ часа был на пароход «Болгария» в сопровождении префекта полиции и

там принес бы мне и капитану 1-го ранга Майеру свои извинения в присутствии прочих г.г. офицеров и служащих Русского Дунайского Пароходства. Губернатор Галацкий исполнил все в точности, и я тогда заявил ему, что считаю вопрос исчерпанным и считаю себя вполне удовлетворенным, после чего губернатор мной был приглашен к завтраку, за которым он предложил здравицу за Его Императорское Величество. Губернатор оказался ярким русофилом, что мне было подтверждено и агентами нашего пароходства, давно его знающими за такового. О происшедшем я сообщил по телефону в миссию в Бухарест. В Галаце я по поводу этого инцидента к нашему генеральному консулу Картамышеву за содействием не обращался, так как был наслышан о его нерешительности и принципиальном взгляде, что русские всегда и во всем бывают виноваты. Вот почему я воздействовал лично и достиг полного, по моему разумению, удовлетворения нашему достоинству.

По прибытии в Рени 14 октября, в 5 час. веч. я был осчастливлен следующей телеграммой Морского министра: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил передать Вам и всем чинам вверенной Вам экспедиции особого назначения свою благодарность за успешное выполнение поручения. Генерал-адъютант Григорович».

На следующий день после подъема флага весь личный состав экспедиции был построен на набережной, и я, прочитав им телеграмму, провозгласил здравицу Его Императорскому Величеству, покрытую громкими и радостными криками «Ура».

Флигель-адъютант капитан 1 ранга Веселкин.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3450, л. 97—135.

7. Журнал деятельности Экспедиции особого назначения в период с 16 октября по 30 ноября 1914 г.

16 октября. По возвращении с первым транспортом в Россию, начальник Экспедиции особого назначения, в сопровождении капитана 1-го ранга А.А. Майера, лейтенанта Пиотровского, к.к. инж. шт. — капитана Алымова, охотника флота Севея, отбыл на пароходе «Русь» в Одессу для составления донесения и выяснения некото-

рых вопросов, касавшихся организации Экспедиции. Временное командование отрядом было сдано капитану 1-го ранга Страховскому 16 октября.

17 октября. По прибытии в г. Одессу 17-го октября стало известно о предательском нападении неприятельского флота на г. Одессу и о потоплении канонерской лодки «Донец»¹. Начальник Экспедиции, ввиду невыясненности вопроса о возможности появления на Дунае турецких судов в целях уничтожения транспортов Экспедиции и ввиду совершенной неопределенности того положения, какое займет Болгария во вновь создавшейся группировке воюющих держав, отдал распоряжение о постановке всего каравана в реку Прут, о заграждении Прута боном, сам же, испросив надлежащее разрешение, отбыл в г. Петроград.

В командование отрядом, приказом 17 октября, предложено вступить капитану 1-го ранга Майеру, приняв таковое от капитана 1-го ранга Страховского.

18 октября. 18 октября капитан 1-го ранга Майер в сопровождении охотника флота Севея прибыл на реку Прут, где к тому времени (близ Усть-Прутской таможни) находились все суда Экспедиции.

Того же 18 октября прибыл в распоряжение Экспедиции моторный катер пограничной стражи «Александр Невский», вытребованный кап. 1-го ранга Страховским и приказом кап. 1-го ранга Майера причислен для полного материального довольствия к пароходу «Болгария».

20 октября. 20 октября последовало распоряжение капитана 1-го ранга Майера об установлении охраны каравана следующим порядком: караван охраняется вооруженными судами, к каковым, кроме «Графа Игнатьева» и «Румынии», причисляется «Сербия». Дежурный пароход должен находиться на бочке, поставленной у самого устья Прута, другой же пароход в это время находится на Дунае около мастерских Р.Д.П. Третий свободный от дежурства пароход имеет стоянку в Рени около понтона Р.Д.П. Срок дежурства пароходов установлен суточный.

Того же 20 октября ввиду выяснившегося вопроса о невозможности постановки бонового заграждения (ширина реки Прута не

¹ Имеется в виду обстрел и внезапное нападение турецкого флота на Севастополь и Одессу без объявления войны. *Новиков Н.* Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. Москва, 1937.

более 15 сажень и другой берег принадлежит Румынии), отдано распоряжение установить на берегу батарею в целях более действительной охраны каравана, для чего было предложено кап. 1-го ранга Страховскому снять 75-мм орудия по одному с парохода «Сербия», парохода «Гр. Игнатьев» и парохода «Румыния», 47-мм орудия по 2 с пароходов «Сербия», «Белград» и «Св. Сергей» и 2 пулемета с парохода «Сербия».

21 октября. 21 октября было выбрано место для установки батареи. Мичман Шахов донес о легкой аварии, полученной пароходом «Гр. Игнатьев», на что последовало распоряжение чинить собственными средствами.

Получена телеграмма управляющего Дунайским пароходством Ермакова, сообщающая распоряжение начальника Экспедиции об установлении рейсов парохода «Болгария», для чего на последний была назначена военная охрана.

Того же 21 октября начальник Экспедиции сообщил о своем распоряжении прибудировать две баржи с грузом из Очакова в Рени.

22 октября. 22 октября пароход «Болгария» пошел в рейс, штаб ее был переведен на пароход «Святой Сергей».

Капитан 2-го ранга Головнин сообщил упорные слухи, согласно которым турецкие миноносцы рассчитывают напасть на Измаил и Рени.

23 октября. 23 октября пароход «Румыния» начал чистить котлы. Получено телеграфное извещение Упр. Дун. Пар. Ермакова о прибытии мичмана Рыкаева в Рени с партией военного груза, для охраны и принятия какового были назначены 12 нижних чинов под начальством лейтенанта Гаврилюка. Около 12 часов ночи прибыл еще военный груз (взрывчатые вещества) в сопровождении 3 нижних чинов-артиллеристов.

Установлен паром для судов экспедиции.

24 октября. 24 октября производилась погрузка прибывшего груза на баржу № 309, к которой был приставлен караул из нижних чинов экспедиции. Вечером того же дня баржа № 309 была погружена, запломбирована и отбуксирована в реку Прут.

Чиновником Гл. Упр. Зем. и Землед. Енчем был сдан катер Черноморского Дунайского рыболовного надзора «Данилевский», для приема которого была назначена комиссия, составившая на

следующий день соответствующий акт приема. Капитан 1-го ранга Страховский отбыл в разрешенный ему кратковременный отпуск. Произвелась сборка установок для батарей и копались необходимые ямы.

Капитан 1-го ранга Майер, получив от русского Генерального консула в Галаце сведения, подтверждающие сообщенные Головиным слухи о возможности внезапного нападения неприятельских миноносцев на Рени, счел нужным телеграфно запросить русского посланника в Бухаресте Поклевского, возможно ли рассчитывать на противодействие Румынии проходу неприятелей Сулинским каналом или же, в крайнем случае, можно ли рассчитывать на своевременное предупреждение румынских властей о появлении неприятелей.

25 октября. 25 октября прибыл мичман Рыкачев в сопровождении 7 нижних чинов с 6 вагонами военного груза. Закончены работы по копанию ям для платформ и окончены установки для 2 орудий 75-мм. Лейтенант Гаврилюк командирован по делам службы в Одессу.

Поклевский сообщил, что Румынией не принято никаких мер защиты, но что он постарается своевременно выяснить (и предупредить внезапный проход) вопрос о своевременном предупреждении прохода турецких миноносцев Сулинским каналом.

26 октября. 26 октября прибыл груз, состоящий из 70 ящиков австрийских винтовок. Матрос первой статьи Сигизмунд Калинин при переходе с баржи на пароход уронил в воду штык от своей винтовки.

27 октября. 27 октября производилась разгрузка прибывших на железнодорожную станцию Рени грузов и погрузка их на баржу № 310. Получено распоряжение о чистке котлов на пароходах. Первому по очереди пар. «Пруту» было приказано приступить к чистке котлов немедленно.

28 октября. 28 октября закончена засыпка и трамбовка платформ для остальных орудий батареи. Команда производила учебную стрельбу боевыми патронами под руководством поручика Саполтыянова.

Капитан 1-го ранга Майер, ввиду получаемых тревожных сведений, счел необходимым поставить пароход «Румыния» в канал для охраны судов экспедиции от внезапного нападения турецких миноносцев.

Отдано распоряжение чистить котлы парохода «Гр. Игнатъев». Приехавшими из Севастополя тремя мастерами были привезены ночные прицелы для пушек. Мастера остались для исправления упущенного случайно ими в воду одного из аккумуляторов.

29 октября. 29 октября вновь получены от лоцманов сведения, подтверждающие намерения неприятеля прорваться в Дунай на миноносцах. По Дунаю по направлению к Сулину прошла яхта международной комиссии¹, на которой находился турецкий посланник в Румынии. Последний шел в Сулин якобы для урегулирования вопроса о возможном со стороны румын разоружении турецких миноносцев в случае захода их в Сулин.

Капитан парохода «Румыния» Кременецкий был послан на пароходе «Данилевском» в Сулин для проверки (необходимых) сведений и выяснения негласным путем деятельности в Сулине турецкого посланника.

Прибыл из Севастополя один вагон артиллерийских снарядов для 75-мм пушек в сопровождении 12 матросов. Производилась учебная стрельба из винтовок.

30 октября. 30 октября капитан «Румынии» Кременецкий сообщил телеграфно, что слухи о появлении в Сулине турецких миноносцев неосновательны.

Капитан 1-го ранга Майер телеграммой просил штаб армии о возможно скорейшем соединении телефоном поста пограничной стражи «Раздельный» с гор. Рени.

Прибыло 72 вагона воинских грузов в сопровождении 15 нижних чинов. Баржи № 309, № 310, и № 605 были отбуксированы в Рени для догрузки. Ввиду задержки работ по нагрузке, происходящей оттого что баржи на ночь отводились на реку Прут, капитан 1-го ранга Майер приказал оставлять их в Рени.

Начальник Экспедиции приказал телеграфно нагрузить две баржи камнем и песком и приготовить их для затопления в Сулинском канале.

В течение всего дня производилась интенсивная нагрузка и учебная стрельба из винтовок. Получена телеграмма Начальника о выезде его из Петрограда.

¹ Европейская дунайская комиссия, контролировавшая судоходство по Дунаю с 1856 г. (после Крымской войны).

31 октября. 31 октября штаб армии сообщил о возможности соединения поста Раздельный за счет Экспедиции особого назначения. Состоялось совещание капит. 1-го ранга Майера с речным агентом Казаковым и кап. парох. «Белград» Секачевым о наилучшем способе затопления барж, выяснялось наиболее удобное для этой цели место. Было решено подготовить баржу № 815 и подчалок № 01.

1 ноября. Послано предложение заведующему технической частью на Дунае Министерства торговли и промышленности о предоставлении в распоряжение Экспедиции особого назначения всей наличности камня, имеющегося в Ренисском порту. Прибывший инженер Шевелев сделал по этому поводу соответствующее распоряжение и донес капитану 1-го ранга Майера о принятии им, Шевелевым, мер для заграждения Полуночного канала: снять входной бакин-пинчер, снять все бочки и конуса створных знаков, потушить огни и поставить поперек канала бон из плавучих железных труб. Далее он высказал предположение о возможности затопления угольной баржи, но, по его мнению, такое мероприятие — с одной стороны — обошлось бы русскому правительству очень дорого при будущей чистке канала, с другой стороны — не достигало вполне своей цели при условии высокого стояния воды нынешней осенью.

Капитан 1-го ранга Майер командировал охотника флота Севея для встречи начальника Экспедиции и для доклада ему всех обстоятельств дела о затоплении барж в Сулинском канале.

1 ноября возвратился из кратковременного отпуска капитан 1-го ранга Страховский.

2 ноября. 2 ноября явился к капитану 1-го ранга Майеру прапорщик Еличикевич и того же числа зачислен в состав Экспедиции особого назначения.

Того же 2 ноября в г. Одессу прибыл начальник Экспедиции в сопровождении офицеров, зачисленных в состав Экспедиции: капитан 2-го ранга Николай Федорович Мисников, капитан корпуса гидрографов Вячеслав Иванович Чоповский, старший лейтенант морской пограничной стражи Константин Алексеевич Киткин, старший лейтенант Стефан Васильевич Лисицын и лейтенант Александр Сергеевич Грищенко.

Начальник Экспедиции, ознакомившись с положением вещей, согласно докладу охотника флота Севея, предложил телеграфно капитану 1-го ранга Майеру не затоплять баржи в Сулинский канал и отправился в сопровождении вышеуказанных офицеров по железной дороге в Рени.

Одновременно с этим начальник Экспедиции телеграфно просил российского посланника в Бухаресте командировать в Рени Секретаря миссии для переговоров.

3 ноября. 3 ноября начальник Экспедиции прибыл в Рени, имея пребывание на пароходе «Болгария»; в 9 ч. 45 м. со всем своим штабом перешел на зачисленный по военно-судовой повинности пароход «Русь». Тогда явился инженер Шевелев для переговоров с начальником Экспедиции. Начальник, ознакомившись с данными, представленными Шевелевым, предложил ему затопить приготовленную баржу в Полуночном канале и об исполнении донести телеграммой: (exécuté) о чем телеграммой донес «Нагенмор» и «Наштаморси»¹.

Того же числа прибыло 4 вагона артиллерийских снарядов, погруженных на баржу № 24.

4 ноября. 4 ноября в 9 часов утра состоялось совещание господ офицеров под председательством начальника Экспедиции, где подробно выяснялись вопросы, связанные с предстоящим походом, и одновременно начальником Экспедиции преподаны все необходимые указания. Время похода каравана назначено на 5 ноября в 2 часа дня. Приложение: копия приказа от 4 ноября № 55².

На пароходе «Бессарабец» — на носовой части установлена одна 47-мм пушка, снятая с парохода «Белград», и на рубке его установлен пулемет, снятый с парохода «Сербия».

Явившийся чиновник штаба армии предложил установить телефон между постом «Раздельный» и гор. Рени и просил предоставить ему две недели для работы. Означенный срок был найден на-

¹ В царской России с 1906 г. флотом руководили два штаба: Морской Генеральный штаб и Главный морской штаб. Первый занимался оперативно-стратегическими вопросами (строительство флота, мобилизация, приготовления к войне, разработка военных планов), а второй, будучи органом Морского министерства Российской империи, ведал административно-тыловыми вопросами (помимо прочего, персоналом, его повышением и образованием).

² Копия приказа не публикуется.

чальником Экспедиции слишком продолжительным, годным только для мирного времени.

Вечером прибыл секретарь русской миссии в Бухаресте Арсеньев и корреспондент «Русского слова» Черногорчевич.

Весь день происходила нагрузка на баржу № 22 воинского груза, прибывшего в количестве 20 вагонов на станцию Рени. 5 вагонов были погружены на баржу № 24.

Того же четвертого числа зачислены в состав Экспедиции явившиеся: штабс-капитан по адмиралтейству Фролов, ротмистр Фосс и ветеринарный фельдшер Сандула, причем Фролов назначен исполняющим обязанности флагманского интенданта.

Согласно распоряжению «нагенмора», пароход «Тирасполь» отдан в пользование сербского правительства. Получено сообщение «нагенмора» о требовании румынского правительства, чтобы никто из чинов Экспедиции не сходил на берег в Румынии в военной форме, заменяя таковую обязательно штатской.

5 ноября. 5 ноября в 8 ч. 30 м. г.г. офицеры практически изучали метание ручных бомб.

По распоряжению начальника Экспедиции ветеринарный фельдшер Сандула был помещен на пароход «Св. Сергей».

Начальник Экспедиции распорядился доставить на пароход «Болгария» в Рушук 483 болгар-огородников, которые не могли попасть на родину через Румынию, отказавшуюся их пропустить. Об этом телеграммой был поставлен в известность русский посланник в Софии Савинский.

Последовало распоряжение начальника Экспедиции — ввиду изменившихся обстоятельств и в отмену соответствующих пунктов приказа № 55 о назначении начальником разведочного отряда штабс-капитана Алымова, который должен был идти впереди каравана, установив на «Бессарабце» и «Шевченко» артиллерию, и о переводе капитана 2-ранга Мисникова на пароход «Румынию», а лейтенанта Гриценко на пароход «Гр. Игнатъев».

Прибыло два вагона леса и воинской клади, погруженных на пароход «Болгария», и один вагон груза, принятый в материальный склад.

В 3 часа 50 мин. весь караван снялся с якоря и в 5 часов прибыл в Галац, где стоял на рейде румынский монитор «Елизавета».

Начальник Экспедиции на пароходе «Русь» ошвартовался у понтона Р.Д.П.; пробыл в Галаце до 10 ч. 15 м. вечера. В течение этого времени он принимал гостей: председателя судебной палаты Катарру, профессора Килмуцкого и префекта Гусси. Произошел обмен тостами. К этому времени явился главный агент Рени — Кладовской линии Каменский и сообщил, что главный румынский врачебный инспектор отменил распоряжения местного врача о производстве дезинфекции (по случаю холеры) всех судов Экспедиции.

Приказом начальника Экспедиции Каменский зачислен в состав Экспедиции в качестве заведующего политической разведкой в Придунайских государствах. Приложение: копия донесения разведочного отряда¹.

В 9 часов вечера мимо «Руси» прошла вверх по Дунаю вся эскадра. В 10 часов вечера уехали Арсеньев и Черногорчевич, а в 10 ч. 15 м. вечера снялась «Русь». Разведочный отряд состоял на пароходах «Бессарабце», «Шевченко», «Патриот» и «Прут» под начальством штабс-капитана Алымова. На «Бессарабце» были орудие и пулеметы, на «Шевченко» только пулемет; снялись с якоря вместе с «Русью».

6 ноября. 6 ноября в 12 ч. 30 м. ночи «Русь» прошла Браилу. В 1 час ночи начала обгонять караван, а в 3 ч. 30 м. ночи обогнала шедшую впереди «Болгарию». В 5 ч. 10 м. утра прошла Гирсово, в 8 ч. 35 м. прошли Черनावоду, где на рейде были усмотрены два монитора, две миноноски и два разведывательных судна румынского флота. В 12 ч. 40 м. дня подошли к Силистрии, на рейде которой стояли два румынских монитора: один из них под флагом контр-адмирала.

В Силистрии на пароход «Русь» явились административные лица для приветствования начальника Экспедиции: капитан порта, начальник таможни, шеф портовой полиции и финансовый администратор. В 2 ч. 10 м. подошел пароход «Болгария» и ошвартовался у правого борта «Руси». Начальник Экспедиции вышел к болгарам-огородникам, говорил им речь, по окончании коей раздались громогласные крики «Ура».

В 2 ч. 20 м. пароход «Болгария» отошел, после чего начальник Экспедиции в сопровождении г.г. офицеров сошел на берег, затем

¹ Копия донесения не публикуется.

направился в местный собор, где была отслужена торжественно-панихида по случаю 40-го дня кончины румынского короля Карла I. После окончания панихиды священники собора были приглашены в кают-компанию вместе с официальными лицами, присутствовавшими на панихиде, где был сервирован (на пароходе «Русь») завтрак.

7 ноября. 7 ноября в 7 ч. 10 м. утра к борту парохода «Русь» пристал пароход «Румыния». Капитан 1-го ранга Страховский и командир Кременецкий были приняты начальником Экспедиции. На «Румынию» были переданы купленные для команды дождевики.

В 7 ч. 25 м. «Русь» снялась из Силистрии вместе с пароходом «Румыния». В 8 ч. утра последовало распоряжение начальника Экспедиции взять с парохода «Белград» пилота на пароход «Румынию», а с парохода «Румыния» перевести пилота на пароход «Русь».

В 8 ч. 10. пароход «Румыния» отошел вверх; в 8 ч. 15 м. «Русь» обогнала весь караван. В 10 ч. 40 м. прошли Алтеницу, в 11 ч. Туртукай. Наименьшая глубина перекатов до Туртукая была 16 футов. В 11 ч. 10 м. шедшему навстречу с четырьмя баржами пароходу «Вилково» было принято приказание идти полным ходом в Рени и буксировать груженные баржи вверх по Дунаю. В то время с «Вилково» был принят на пароход «Русь» лоцман, который был взят пароходом «Вилково» с «Болгарии». В 2 ч. 40 м. «Русь» ошвартовалась у понтона Р.Д.П. в Журжево. Там явился служащий Дунайского пароходства Эшольц, сообщивший, что он узнал агентурным путем намерение австрийского правительства взорвать транспорты Экспедиции, для каковой цели был послан груз динамита в Рушук. Тогда же стал известным факт продажи австрийцами части их Дунайской флотилии болгарскому правительству.

По получении вышеуказанных сведений Начальник Экспедиции телеграфировал «нагенмору» через российскую миссию в Бухаресте и того дня отправился лично в Бухарест для переговоров с русским посланником и всестороннего выяснения дальнейших действий Экспедиции особого назначения. В то же время начальник Экспедиции телеграфировал «нагенмору» свои предположения о необходимости передачи сербскому правительству двух вооруженных пароходов и временной ликвидации Экспедиции особого назначения.

8 ноября. 8 ноября в 3 ч. 10 м. ночи показался разведочный отряд судов, в 3 ч. 45 м. оставшимся за начальника штаба капитаном 2-го ранга Ермаковым было передано начальнику разведочного отряда судов штабс-капитан Алымову задержать отряд. В 4 ч. 30 м. ночи подошел на пароходе «Румыния» капитан 1-го ранга Страховский. На устроенном им совещании г.г. офицеров всех судов было вынесено решение произвести траление узкостей выше Рушука.

В это время начали подходить остальные суда каравана и последовательно становиться на якорь у Журжево. В 7 ч. 30 м. разведочный отряд судов снялся с якоря, в 8 ч. утра весь штаб перешел с парохода «Русь» на пароход «Болгария», ввиду того, что полученные сведения указывали на низкое стояние воды на перекатах, затруднявшее плавание парохода «Русь». В 10 ч. 5 м. весь караван снялся с якоря, в 12 ч. «Болгария» обогнала караван и шла в голове.

В 3 ч. 30 м. прошли Систово и Зимницу, в 4 ч. 30 м. по мели, выше Систово 1 ½ мили, заметили подозрительный катер под румынским флагом. В 6 ч. 50 м. пристали к Турну-Магурели. Начальник отряда был на понтоне и встретил пароход «Болгария». Местный агент Р.Д.П. Вазонов подтвердил факт перехода австрийских пароходов в пользование болгарского правительства и сообщил сведения о пропуске румынским правительством через Журжево — Рушук — Константинополь 71 вагона боевых припасов. Начальник Экспедиции, сообщив об этом телеграфно «Нагенмору», вновь отбыл в Бухарест.

9 ноября. 9 ноября ночью стояли до самого утра у Турну — Магурели. В 6 ч. 30 м. пар. «Болгария», пропустив впереди себя весь караван, снялся с якоря.

В 9 ч. 10 м. вечера подошли к Корабии и, не останавливаясь, прошли вверх. В 11 ч. 30 м. обогнали весь отряд. В 12 ч. 30 м. прошли Рахово — Бекет, в 4 ч. 30 м. прошли Лом-Паланку, в 5 ч. 30 м. в семи верстах выше Лом-Паланки стали на якорь по причине появившегося сильного тумана и мокрого снега.

В 9 ч. 5 мин. туман уменьшился и были видны огни какого-то аэроплана, пролетавшего на близком расстоянии от «Болгарии». На пароходе были притушены немедленно все огни, аэроплан скоро улетел по направлению к Лом-Паланке.

10 ноября. 10 ноября в 1 ч. 25 минут ночи отряд стал ниже «Болгарии» в 4-х кабельтовых, в 7 ч. 25 мин. снялись с якоря, в 8 ч. 15 м.

обогнали отряд. В 8 ч. 40 м. на румынской шлюпке в сопровождении двух солдат и сержанта подошел агент Р.Д.П. Эшольц и сообщил, что задержанный в Калафате румынскими властями австрийский пароход «Deak Ferenc» ночью ушел в Видин, обрубив концы. Он же сообщил, что настроение болгарских крестьян между Видином и Тимоком весьма неблагоприятно для России. О бегстве «Deak Ferenc» было сообщено всем проходившим судам.

В 10 ч. утра прошли Видин и видели «Deak Ferenc», в 10 ч. 25 м. пришли в Калафат. В Калафате на пароходе «Болгария» были гости: румынский офицер капитан Попеско и пограничный офицер Стефанеско. Румынский доктор осматривал пароход и объявил его не подлежащим дезинфекции. Привезен из города закупленный для всего отряда хлеб, хлеб был развезен по судам пароходом «Прут». В 11 ч. 30 м. прибыл негласный агент Леандр, никаких сведений положительного характера не сообщивший. В 11 ч. 55 м. подошел пароход «Бессарабец», который взял угольную баржу и отошел в 1 ч. 35 м. В 1 ч. 45 м. подошла «Румыния», и капитан 1-го ранга Страховский сообщил, что ему пришлось взять на буксир баржу с грузом, брошенную пароходом «Сербия». В 2 ч. 30 м. кап. 1-го ран. Страховский на румынском катере отправился догонять отряд.

В Калафате получена телеграмма от Шевелева — executé — с разрешением временно ликвидировать экспедицию Особого назначения.

В 6 ч. 10 м. прибыл начальник Экспедиции из Бухареста, а в 6 ч. 15 м. снялись с якоря. Был отдан приказ о расположении охраны каравана в Прахове. Приложение: приказ от 9 ноября № 70¹. В 7 ч. 20 м. прошли Читате, в 9 ч. 50 м. — сербскую границу Тимок, в 10 ч. 20 м. — Радуевац, в 10 ч. 50 м. пришли в Прахово, в 11 ч. с минутами начальник Экспедиции в сопровождении охотника флота Севея и боцманрата Артемьева отбыл в Ниш, передав временное командование отрядом капитану 1-го ранга Майеру.

11 ноября. 11 ноября в 2 часа дня начальник Экспедиции приехал в Парачин, где был встречен лейтенантом Волковицким и лейтенантом сербской службы Йовановичем; вечером приехал в Ниш, обедал в русской миссии и вечером вместе с министром Пашичем,

военным министром и министром народного просвещения¹, в сопровождении Севея и Артемьева, отбыл в Крагуевац.

12 ноября. 12 ноября начальник Экспедиции прибыл в г. Крагуевац, где имел свидание с воеводой Путником и, вслед за этим, аудиенцию у сербского королевича — престолонаследника Александра, у которого обедал в тот же день. В 12 часов ночи выехал в Парачин.

13 ноября. 13 ноября в Парачине начальника Экспедиции встретил штабс-капитан Фролов, привезший с собой нужные бумаги. Из Парачина начальник Экспедиции в сопровождении лейтенанта сербской службы Йовановича, лейтенанта Волковицкого, штабс-капитана Фролова, охотника флота Севея и Артемьева отбыл в Чуприю, где было осмотрено помещение отряда полковника Доброва, лично дававшего необходимые объяснения.

14 ноября. В 8 часов вечера начальник Экспедиции с теми же лицами выехал в Ниш, где был 14 ноября. В этот день были сделаны официальные визиты военному министру и другим должностным лицам. Вечером состоялся отъезд в Прахово в сопровождении тех же лиц и секретаря русской миссии Емельянова. По дороге — в Парачине — присоединилась дочь покойного русского посланника в Сербии г-жа Гартвиг и такелажмейстер Шумлянский.

15 ноября. 15 ноября в Неготине начальник Экспедиции был встречен полковниками сербской службы Исаковичем и Станоевичем, обер-офицерами и 2 сербскими инженерами, сопровождавшими начальника Экспедиции до Прахова, где состоялся завтрак. После завтрака начальник Экспедиции в сопровождении своего штаба и сербских должностных лиц пошел вверх по Дунаю на пароходе «Гр. Игнатъев» для осмотра — выше Турн-Северина — предполагаемого места зимовки передаваемых сербскому правительству русских пароходов. По возвращении состоялось секретное совещание с сербскими офицерами. Агент Эшольц был командирован в Калафат за покупкой провизии.

В 7 ч. 30 м. пароход «Болгария» отошел из Прахово, в 8 ч. 10 м. подошел к Радуевцу, где приступил к погрузке угля.

За время пребывания начальника Экспедиции в Сербии караван совершил полурейс из Радуевца в Рушук в составе пароходов:

¹ Приказ не публикуется.

¹ Министр просвещения и церковных дел — Л. Давидович, военный министр — Р. Боевич.

«Бессарабец», «Шевченко», «Патриот», «Румыния» и «Св. Сергий», выйдя из Радувца 12 ноября и отбуксировав 4 баржи (продолжил). В это время был снят с мели пароход «Русь», на котором находилась партия армян-добровольцев, в числе 167 человек, возвращавшихся к себе на родину — Кавказ — для вступления в ряды армии, сражавшейся с Турцией. 15 ноября караван, взяв баржу № 305, вернулся в Прахово в 7 ч. 45 м., где стал на якорь. Приложение: доклад капитана 1-го ранга Страховского¹. Еще накануне — 14 ноября — по приказанию капитана 1-го ранга Майера пароход «Белград» с 4 баржами и пароходом «Сербия» с 2 баржами был отправлен из Прахово непосредственно в Рени, без захода в попутные порты. Моторные катера «Александр Невский» и «Гидроплан» были оставлены в распоряжении сербского правительства.

16 ноября. 16 ноября в 6 ч. 30 м. начальник Экспедиции на пароходе «Болгария» приказал сняться с якоря для обратного следования.

На пароходе «Болгария» следовали г-жа Гартвиг и сын полковника сербской службы Станоевича Георгий.

В 9 ч. утра пришли в Калафат, где была получена купленная Эшольцем провизия. В 9 ч. 10 м. караван, за исключением «Патриота», оставленного в Калафате, отошел вниз по Дунаю. В 9 ч. 40 м. прошли Видин, на рейде которого стояли три венгерских парохода — «Deak Ferenc», «Adler» и «Karl Ludvig» под болгарскими флагами. Одновременно заметили на берегу большую толпу народа, громко манифестирующего по какому-то случаю. Среди толпы можно было заметить представителей местной интеллигенции и духовенства, развеивались флаги, между которыми был один русский национальный флаг с надписью черными буквами. За дальностью расстояния нельзя было прочитать слова надписи, ровно определить характер манифестации.

В 12 ч. дня прошли Лом-Паланку, в 2 ч. 45 м. прошли Рахово — Бекет, в 5 часов прошли Корабию, в 5 часов 40 м. стали на полчасика на якорь для починки лопнувшего штуртроса (на «Болгарию»); в 7 ч. 15 м. «Болгария» ошвартовалась у понтона Р.Д.П. в Турну-Магурели. Местный агент Р.Д.П. Вазонов сообщил, что пароход

¹ Доклад не публикуется.

«Деак Ференц» гнался за пароходом «Борис», приняв последний за пароход Р.Д.П. и желая таковой протаранить и потопить.

На борт «Болгарию» явились капитан над портом и начальник станции.

17 ноября. 17 ноября «Болгария», пропустив караван вперед, снялась из Турну-Магурели в 6 ч. 30 м., в 10 ч. 40 м. прошли Рушук, на рейде которого были усмотрены 4 австрийских парохода; болгарский понтон салютовал флагом.

В трех километрах не доходя Рушука за островом был виден болгарский пароход, затопленный во время войны с Румынией и ныне поднятый и отремонтированный.

В 10 ч. 20 м. пристали в Журжево. Местный агент Карадимов сообщил, что венгерский пароход «Berecho» со 150 ручными бомбами прошел вверх. Начальник Экспед. съездил на берег. И по возвращении его на «Болгарию» снялись с якоря в 4 ч. дня. В 6 ч. 40 м. прошли Туртухай, в 6 ч. 50 м. — Алтеницу, в 9 ч. 15 м. — Силистрию.

18 ноября. 18 ноября в 12 ч. 30 м. прошли Черनावоду, 2 ч. 35 м. — Гирсово, 6 ч. 15 м. — Браилу, в 7 ч. 30 м., по причине густого тумана, стали на якорь, в 10 ч. 20 м. снялись с якоря и задним ходом спустились по течению в Галац, при чем едва не задели румынское учебное военное судно.

В 11 ч. 20 м. подошли к Галацу, на рейде коего румынский монитор салютовал флагом, в 4 ч. 25 м. снялись с якоря и в 5 ч. 25 м. пришли в Рени.

Того же числа вечером начальник Экспедиции выехал в Одессу в сопровождении капитана 2-го ранга Ермакова, отчисленного по болезни и отправляющегося в Петроград, капитана 2-го ранга Мисникова, ординарца Севея, агента Эшольца. Вместе с ним выехала г-жа Гартвиг.

19 ноября. 19 ноября начальник Экспедиции прибыл в Одессу. Период времени с 19 по 22 ноября был посвящен выяснению важных вопросов, связанных с дальнейшей судьбой Экспедиции Особого Назначения, обсуждались меры для усиления быстроты погрузки военных грузов, в результате чего часть последних была отправлена морем, а не по железной дороге; происходили совещания с административными лицами, производилась закупка съест-

ных припасов и консервов для нужд Экспедиции и намечались пути наиболее продуктивной ее деятельности в будущем.

22 ноября. Начальник Экспедиции в сопровождении капитана 2-го ранга Ермакова, ротмистра Фоса, командированного по делам службы в Одессу приказом от 19 ноября, возвращающихся из отпуска штабс-капитана Алымова и мичмана Шахова, зачисленного в состав экспедиции капитана дальнего плавания Клемета, агента Р.Д.П. Эшольца и ординарца Севея отбыл из Одессы в Рени.

23 ноября. 23 ноября, прибыв в Рени, начальник Экспедиции усмотрел, что толпа армян-добровольцев стоит под открытым небом без пищи, что их не отправляют по железной дороге и не пускают в помещение железнодорожной станции, снесая телеграммой с генерал-губернатором в г. Одессе, распорядился об отводе необходимого помещения и выдаче довольствия натурой — горячей пищи, при чем горячее участие принял местный городской голова Гастони.

Встреченный на вокзале капитаном 1-го ранга Майером и остальным офицерским составом экспедиции, начальник Экспедиции проследовал на пароход «Болгария», где здоровался с военной и судовой командами и того же числа было сделано им следующее распоряжение: пароход «Шевченко» послать в Тульчу за баржами, землечерпальный караван Министерства торговли и промышленности из Полуночного гирла перевести на зимовку в реку Прут выше таможи.

Чинам Экспедиции особого назначения были розданы сербские медали, пожалованные Его Величеством королем Сербии Петром I.

24 ноября. 24 ноября в 10 ч. 30 м. состоялось на пароходе «Болгария» под председательством начальника Экспедиции секретное совещание, где присутствовали: капитан 1-го ранга Майер, капитан 1-го ранга Страховский и капитан 2-го ранга Ермаков, обсуждали вопросы, связанные с предстоявшей передачей сербскому правительству пароходов Экспедиции. Капитан 1-го ранга Страховский доложил, что с болгарского берега, около деревни Кузлу-Дуй, наш караван подвергся обстрелу из ружей около 6 ч. вечера.

Того же числа начальник Экспедиции вышел на пароходе «Румыния» на реку Прут для осмотра поставленного на зимовку зем-

лечерпального каравана; при разворачивании вблизи каравана «Румыния» повредила у себя руль.

На пароходе «Тирасполь» прибыл инженер Шевелев, сделавший доклад о произведенном им затоплении баржи в Полуночном канале, которая была затоплена не на указанном начальником Экспедиции месте, а на баре.

Начальник Экспедиции, принимая во внимание, что такое искажение его приказа вызовет совершенно излишнее увеличение расходов для правительства при будущей расчистке канала, высказал Шевелеву свое неудовольствие и телеграфировал в Петроград Министру торговли и промышленности.

Было сделано распоряжение, чтобы суда на ходу во время тумана производили свистки, а не звонили, как это делал пароход «Святой Сергей», неправильно сигнализировав. Того же 24 ноября явившийся поручик Саполтянов доложил, что ночью в 2 часа прошел вблизи парохода «Белград» какой-то винтовой однострубный пароход с потушенными огнями, который после предупреждения открыть артиллерийский огонь в случае дальнейшего приближения скрылся в тумане.

В 10 ч. 20 м. была осмотрена близко подошедшая турецкая фелука. По приказанию начальника Экспедиции последняя была осмотрена чинами Экспедиции и оказалась принадлежащей греческому подданному.

Сделано распоряжение о запасах угля, о проверке имеющихся запасов на зиму, о покупке для команд спичек и сапог и пополнении запаса табаку.

Получены сведения об отправке в Сербию груза каучука фир. «Проводник» через Румынию. Опасаясь, чтобы значительный груз, идущий из России, не попал в руки неприятелей, начальник Экспедиции снесся по этому поводу с генерал-губернатором в Одессе.

25 ноября. 25 ноября весь караван в порядке, указанном в приказе № 109, снялся с якоря и пошел из Рени вверх по Дунаю. Приложение: приказ за № 109¹. В 7 ч. 10 м. пришли в Галац, где состоялся завтрак, на котором присутствовал (пароход «Болгария») русский генеральный консул в Галаце Картамышев, а в 12 ч. 40 м. начальник

¹ Приказ не публикуется.

Экспедиции в сопровождении капитана 1-го ранга Майера выехал в Бухарест. В 1 ч. 15 минут «Болгария» снялась с якоря, в 2 ч. 30 м. прошла Браилу, 8 ч. 25 м. — Гирсово, 9 ч. 45 м. — обогнала караван, в 11 ч. 25 м. прошла Черनावоду, где стояли монитор и два миноносца.

26 ноября. 26 ноября в 5 ч. утра прошли Силистрию, в 6 ч. 20 м. вошли в полосу тумана и ход был замедлен, в 8 ч. 45 м. прошли Альтеницу, 8 ч. 50 м. — Туртукай, 1 ч. 05 м. — Рушук, в 1 ч. 20 м. пришли в Журжево и остановились у понтона Р.Д.П., где находился венгерский пароход «Saram», имевший, по-видимому, много грузов для Рушука. Тюки с грузом были видны также на австрийском понтоне, на пароходе находился турецкий офицер, которого можно было заметить по форме и феске.

Местный агент Р.Д.П. Карадмов объяснил, что груз австрийский представляет тюки с корпией, направляемой в Турцию для надобностей турецкой армии.

Прибывший из Рушука г. Мастеров, агент Р.Д.П., передал флагманскому коменданту 4000 рублей.

Того же числа вахтенный матрос с парохода «Болгария» не пустил на пароход румынского портового чиновника; происшедший инцидент был улажен благодаря представленным капитаном 2-го ранга Ермаковым объяснениям.

Ожидали до позднего вечера караван и, беспокоясь неприходом последнего, телефонировали началь. Экспедиции в Бухаресте, но телефонограмма не застала начальника, успевшего (в Турну-Магурели) оттуда выехать.

27 ноября. 27 ноября почти весь день стоял густой туман; температура воды понизилась до $1\frac{3}{4}$ градуса выше 0 по Реомюру).

Продолжали стоять на якоре в ожидании каравана, не пришедшего в этот день; вторично было сообщено начальнику Экспедиции в место его пребывания. *Эскиз расположения установки прожекторов — 20-дюймового ацетиленокислородного — на пароходах «Румыния», «Гр. Игнатъев» и «Шевченко»¹.*

28 ноября. 28 ноября к 9 часам утра туман начал рассеиваться. В 10 ч. 50 м. подошел пароход «Бессарабец» и ошвартовался лагом

у парохода «Болгария», куда взойшли капитан 1-ранга Страховский и штабс-капитан Алымов, сообщавшие, что замедление в приходе произошло как по причине тумана, так и по неопытности лоцмана, благодаря которой пароход «Бессарабец» стоял семь раз на мели.

Состоялось совещание капитана 2-го ранга Ермакова с прибывшими офицерами, на котором постановлено: во-первых, траление начать от Систово; во вторых, пароход «Болгария», глубже других сидящий в воде, должен иметь в своем распоряжении пароход «Прут» для промера воды; в-третьих, пароходам «Бессарабия» и «Белград» обменяться помощниками капитанов; в-четвертых, лоцманов Бушкова и Косенкова перевести одного на место другого; в-пятых, с «Болгарии» взять шлюпочный компас на пароходе «Бессарабец». Обсуждался также вопрос о доставке из Рени груженной баржи № 29 — вопрос остался открытым.

В 11 ч. 35 м. пристали к борту «Бессарабия» парохода «Шевченко» и «Прут».

В 11 ч. 45 м. пришел весь караван, при чем штабс-капитан Алымов перешел на пароход «Патриот».

В 1 ч. 10 м. дня, несмотря на сгушавшийся туман, снялись с якоря.

В 2 ч. 20 м. обогнали караван, в 3 ч. 20 м. туман сгустился, в 3 ч. 30 м. прислонились к мели, в 3 ч. 45 м. при помощи «Прута» снялись с мели, в 3 ч. 50 м. стали на якорь (25 саженей левого каната), в 4 ч. 20 м. весь отряд снова начала обгонять «Болгария», причем «Шевченко» и «Патриот» тралили, в 5 ч. 5 м. весь отряд стал на якорь, так как дальнейшее следование становилось невозможным по причине густого тумана.

29 ноября. 29 ноября туман начал несколько рассеиваться, температура воды еще понизилась — 1 град. по Реомюру.

В 7 ч. 30 м. снялись с якоря, в 8 ч. подошли к каравану, в 9 ч. 30 м. обогнали весь караван, в 12 ч. прошли Систово, в 1 ч. 15 м. сели на мель на перекате Березина, в 2 ч. 50 м. после долгих усилий с помощью «Прута» снялись с мели, в 3 ч. 10 м. стали на якорь, в 3 ч. 15 м. к борту «Болгария» подошел «Бессарабец», и весь штаб перешел с парохода «Болгария» на пароход «Бессарабец».

Пароходу «Болгария» приказано было идти обратно в Рени, взять там баржу № 29 и другие, к тому времени успевшие нагнаться, и буксировать таковые вверх по Дунаю.

¹ Эскиз не публикуется.

В 4 ч. 20 м. пароход «Бессарабец» сел на мель, в 5 ч. при помощи «Прута» сошли с мели, в 5 ч. 10 м. — пришлось стать на якорь по причине сильного тумана: стояли всю ночь.

30 ноября. 30 ноября в 7 ч. 30 м. снялись с якоря, в 8 ч. обогнали караван, в 9 ч. пришли в Турну — Магурели, где ошвартовались у баржи, так как понтон был уже убран. В 10 час. утра на пароходе «Бессарабец» прибыл начальник Экспедиции в сопровождении капитана 1-ранга Майера и корреспондента «Русского слова» Черногорчевича. Начальник Экспедиции здоровался с выстроенной во фронте командой.

Было сделано распоряжение отправить всех больных матросов на пароходе «Белград», что и было исполнено в 10 ч. 40 м. пополуночи.

Агенту Вазонову было поручено купить провизии для парохода «Сербия».

В 12 ч. 40 м. пароход «Бессарабец» отошел из Турну — Магурели, имея на своем борту г-на Черногорчевича.

В 4 ч. 10 м. пришли в Корабию, где ошвартовались у понтона. Черногорчевич вышел для отъезда в Бухарест.

Телеграммой в Калафат агенту Р.Д.П. было приказано закупить провизии для отряда.

На «Бессарабец» явилась депутация румынских офицеров с букетом цветов и поздравили начальника Экспедиции с победой сербов над австрийскими войсками. За шампанским были произнесены подходящие моменту тосты.

В 4 ч. 10 м. караван прошел вперед, в 4 ч. 35 м. «Бессарабец» отошел из Корабии, в 5 ч. 50 м. обогнали караван, в 10 ч. 10 м. вчера стали на мель близ болгарского острова, в 10 ч. 20 м. были поданы сигналы всему каравану стать на якорь, в 10 ч. 25 м. пароход «Прут» пошел сообщать всем судам каравана стать на якорь ближе к румынскому берегу, в 10 ч. 50 м. пароход «Пруд» возвратился, в 10 ч. 56 м. «Бессарабец» снялся при помощи «Прута» с мели, в 11 ч. «Бессарабец» стоял на якоре вблизи судов своего каравана, не доходя четырех миль до «Бекета»; начался сильный туман.

В течение ноября месяца производилась интенсивная погрузка военных грузов, прибывавших на железнодорожную станцию Рени.

Всего было погружено 67 833 места весом 174 983 пуда; большинство груза составляли: теплые вещи, больничное и госпитальное снаряжение, медикаменты и медицинские принадлежности, патроны ружейные, артиллерийские снаряды, австрийские винтовки и скорострельные орудия.

Весь означенный груз был направлен на баржах Р.Д.П. в Сербию и выгружен благополучно в Прахове.

30 ноября были уплачены всему личному составу Экспедиции следуемые (командировочные) суточные деньги, а командам судов было уплачено 880 р. 18 к., выданных поручику Саполтянову исп. об. флагманского интенданта Фроловым. Деньги эти были распределены следующим образом: берегового жалования — 238 р. 72 к., за действительную службу и сверхурочную — 43 р., морского довольствия — 313 р. 18 к., за вино и табак — 285 р. 26 к.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3440, л. 1— 18.

8. Журнал деятельности Экспедиции особого назначения в период с 1 по 31 декабря 1914 г.

1 декабря. 1 декабря в 4 ч. 25 м. утра, когда туман стал расходиться, весь караван снялся с якоря, и через 20 мин. пароход «Бессарабец» стал на мель, с которой ему удалось сойти к 5 часам. В 2 ч. 10 м. прошли Рахово — Бекет, в 2 ч. 20 м. «Бессарабец», оставив сзади караван, прошел Лом-Паланку. В 4 ч. дня капитан 2-го ранга Ермаков в сопровождении охотника флота Севея был командирован на пароходе «Прут» в г. Калафат, при чем были взяты бомбы и револьверы. Целью поездки была покупка провизии для отряда и получение касающихся Экспедиции сведений от агента Р.Д.П. Ландра.

В 4 ч. 15 м. «Бессарабец» стал на мель, в 4 ч. 40 м. снялся с помощью «Гр. Игнатьева»; в 7 ч. 30 м. весь караван стал на якоре по причине тумана, в 9 ч. 50 м. снялся и пошел вверх.

В Калафате капитан 2-го ранга Ермаков сообщил, что в Видине стоит австрийский пароход, и что, по имеющимся у него сведениям, на пароходе находится агент австро-венгерского правительства,

готовящий покушение на караван. Кроме того, австрийский аэроплан бросил в Прахово три бомбы, не причинив, однако, никакого вреда жителям города. Сведения Леандра были подтверждены отчасти телеграммами, в тот же день полученными начальником экспедиции от русского посланника в Софии Савинского.

2 декабря. 2 декабря в 1 час ночи «Бессарабец» пришел в Калафат и ошвартовался у баржи, где простоял до 4 ч. 20 м. ночи. Агент Леандр сделал начальнику Экспедиции личный доклад; караван прошел мимо в 4 ч. 40 мин., капитан 2-го ранга Ермаков остался в Калафате.

В 7 ч. 15 м. прошли Четате, в 7 ч. 30 м. прошли сербскую границу (река Тимок), в 10 утра, обогнав понтон, подошли в Радуевац к понтону, где постояли 10 минут, в 10 ч. 35 м. пришли в Прахово.

Того же дня начальник Экспедиции сдал временное командование капитану 1-го ранга Майеру, в сопровождении капитана 1-го ранга Страховского и охотника флота Севея отбыл в город Ниш.

В это время в Прахове была начата разгрузка военного груза, прибывшего на транспорте Экспедиции.

Работы велись самым интенсивным образом под охраной боевых судов каравана, бдительно наблюдавших за проходящими судами и оберегавших от возможного нападения.

Тогда же присоединился к начальнику Экспедиции для поездки в Ниш лейтенант Волковицкий с лейтенантом Григоренко и нижними чинами.

В Зайчаре начальник Экспедиции, встреченный местными властями, отправился в сопровождении вышеуказанных лиц в отдел, где был сервирован ужин. Вечером лейтенанты Волковицкий и Григоренко остались с нижними чинами в Зайчаре, начальник Экспедиции проследовал далее по железной дороге в Ниш, место своего путешествия.

3 декабря. 3 декабря прибыл благополучно, встреченный на вокзале секретарем миссии Штрандтманом, подпоручиком сербской службы Милошем Петровичем и прочими официальными лицами. С вокзала отправился в русскую миссию, где состоялся обед, а затем в отель, где было приготовлено специальное помещение для начальника Экспедиции и приехавших с ним лиц.

Начальник Экспедиции вечером получил телеграмму от «Нагенмора», указывавшую на необходимость продолжения рейсов по

Дунаю, придавалось им ввиду изменившихся обстоятельств важное значение, и сообщалось о переводе через Одесское казначейство ста тысяч рублей для нужд Экспедиции.

Того же числа начальник Экспедиции, ввиду выяснившейся необходимости продолжения рейсов по Дунаю, просил «Нагенмора» разрешения приобрести сильный пароход (румынский) «Троян», который был бы чрезвычайно полезен для караванов, транспортирующих грузы в Сербию.

4 декабря. 4 декабря утром начальник Экспедиции присутствовал в местном соборе на торжественном служении по случаю дня рождения сербского королевича — престолонаследника Александра; в русской миссии состоялся завтрак, после которого начальник Экспедиции совместно с русским посланником Трубецким, капитаном 1-го ранга Страховским имел совещание о наилучших способах заграждения Дуная выше Кладова, близ Гуравая, для препятствования провоза австрийскими транспортами военных грузов, направляемых под болгарским флагом в Болгарию для Турции.

В 3 ч. дня начальник Экспедиции в сопровождении капитана 1-го ранга Страховского, охотника флота Севея отправился в Крагуевац (в Верховное Командование). В том же специальном поезде выехали русский посланник Трубецкой и сербский министр — президент Пашич.

В Крагуевац прибыли вечером того же дня и остановились в отеле «Такова». Состоялся обед с официальными лицами и министром — президентом Пашичем.

5 декабря. 5 декабря российский посол вручил свои верительные грамоты королевичу — престолонаследнику и регенту (по случаю болезни короля Петра) Александру, при торжественной обстановке. Состоялся завтрак, на который были приглашены начальник Экспедиции и капитан 1-го ранга Страховский. Тогда же начальник Экспедиции доложил свои предположения о заграждении Дуная путем затопления барж и установки минных заграждений и, несмотря на колебания князя Трубецкого и высказанные им сомнения в целесообразности этих мер, получил согласие Пашича и полное одобрение проектированным мерам.

Того же числа начальник Экспедиции, в сопровождении капитана 1-го ранга Страховского, охотника флота Севея и подпоручика

сербской службы Милоша Петровевича, отбыл в Прахово. В Парачине к нему присоединился возвращавшийся по болезни в Россию инженер-подполковник Беляков.

6 декабря. 6 декабря прибыл в Прахово, где в этот день по случаю тезоименитства Государя Императора состоялся парад. После парада начальник экспедиции произнес речь выстроившимся командам и лично раздавал нижним чинам медали (бронзовые, позолоченные в память Косовской битвы¹), личному составу экспедиции — ордена, пожалованные Е.К.В. королем Сербии Петром.

Того же числа в нижнем течении Дуная, ниже Туртукая, пароходы «Болгария» и «Вилково», буксировавшие из Рени — первый две баржи, № 22 и № 27, второй — пять барж, встретили высланные им навстречу из Прахова пар. «Гр. Игнатъев» и «Белград». Пароход «Вилково», отдав «Болгарии» одну из своих барж — баржу № 314, взял у встретивших его пароходов пустые баржи, пошел с последними в Рени, пароход же «Болгария» с 3 баржами, «Белград» с 4 баржами под конвоем «Графа Игнатъева» повели вверх по Дунаю в Прахово четвертый транспорт грузов.

Начальник Экспедиции перешел с парохода «Румыния» на пароход «Бессарабия» со своим штабом и отошел в Турн-Северин, откуда в тот же вечер отбыл по железной дороге в сопровождении капитана 2-го ранга Ермакова и главного агента Рени — Кладовской линии Р.Д.П. Каменского в Бухарест для покупки парохода «Трояна» и для улаживания всех возникших с румынским правительством недоразумений по поводу заграждения Дуная.

7 декабря. 7 декабря в 3 часа ночи ввиду того, что почтово-телеграфная контора не приняла в Турн-Северине от капитана 1-го ранга шифрованной депеши, доносящей о трудностях, сопряженных с потоплением барж в условленном месте, к начальнику Экспедиции в Бухаресте был командирован штабс-капитан Алымов. *Приложение: донесение штабс-капитана Алымова*².

Пароходы «Св. Сергей» и «Бессарабей» в тот же день утром производили неудачную вследствие сильного течения Дуная попытку затопления барж.

¹ По-видимому, имеется в виду Медаль за храбрость с изображением Милоша Обилича.

² Доклад не публикуется.

8 декабря. 8 декабря возвратился из командировки штабс-капитан Алымов и сообщил о сильной болезни начальника Экспедиции.

Была произведена вторичная попытка затопления барж теми же пароходами, окончившаяся так же неудачно, как и первая.

На пароходе «Бессарабей» состоялся завтрак. Были приглашены местный плац-майор и капитан Василиу.

Того же числа вследствие полученных сведений о болезни начальника Экспедиции, к нему в Бухарест был командирован охотник флота Севей.

9 декабря. 9 декабря производилась постановка минного заграждения выше Турн-Северина, не доходя деревни Гуравай — установлено 12 мин и 1 бон.

Того же числа начальник Экспедиции в сопровождении охотника флота Севея отбыл из Бухареста по железной дороге в Одессу через Унгены.

Перед отбытием в Одессу начальник Экспедиции сделал телеграфное распоряжение о полном заграждении Дуная бонами и минами.

В Турн-Северин возвратился командированный туда капитан 2-го ранга Ермаков.

10 декабря. 10 декабря пароходы «Бессарабей» и «Св. Сергей» отошли из Турн-Северина в Прахово. Пароход «Тирасполь», комендантом которого был назначен старший лейтенант Лисицын, оставлен для охраны минного заграждения.

Из Прахово вечером возвратился «Бессарабей», комендантом которого был назначен штабс-капитан Киткин, а комендантом «Румынии» был назначен лейтенант Грищенко.

В Яссах начальник Экспедиции телеграфировал капитану 1-го ранга Майеру о необходимости полного бонового заграждения всего Дуная.

Переговоры о покупке парохода «Траян», принадлежащего Румынии, не удалась, и покупка не удалась, благодаря отрицательному к покупке отношению румынского правительства.

Вечером того же числа начальник Экспедиции прибыл в Одессу и остановился в Лондонской гостинице, откуда телеграфировал капитану 1-го ранга Майеру сдать командование капитану 1-го ранга Страховскому и прибыть в Одессу для доклада.

11 декабря. 11 декабря пароходы «Болгария» и «Белград» под конвоем «Гр. Игнатьева» благополучно доставили в Прахово четвертый транспорт грузов, посланных в Сербию.

Того же числа пароход «Св. Сергей», «Румыния» и «Белград» были отправлены в Рени за баржами, нагруженными и ожидавшими буксирных пароходов.

В Турн-Северине приступлено к заготовке материала для изготовления бонового заграждения и закупки необходимого для этого предметов.

Телефонно начальник Экспедиции просил «Начгенмора» приостановить увольнение старшего лейтенанта Киткина.

В тот же день начальник Экспедиции телеграфно донес «Начгенмору» о благополучном прибытии 4-го транспорта в Прахово.

Капитан корпуса гидрографов Чоновский назначен комендантом пароход «Св. Сергей».

12 декабря. 12 декабря прибыло в Одессу предписание из Петрограда. «Начгенмор» телеграфирует, что князь Трубецкой признает постановку одного минного заграждения недостаточной и считает необходимым, согласно желанию Пашича, принять все меры для скорейшего затопления большого количества барж в намеченных ранее местах.

Капитан 1-го ранга Майер телеграфно донес, что сдал Страховскому командование 11 числа в Калафате. От коменданта Тирасполя получен рапорт, что одна из мин заграждения взорвана, другая находится около берега.

13 декабря. 13 декабря капитан 1-го ранга Страховский на «Бессарабце» пошел в Кладово и взял с собой 2 баржи для затопления. По обстоятельствам дела, Киткину было поручено утопить баржи, где было намечено начальником Экспедиции.

14 декабря. 14 декабря из Рени снялся пятый караван в составе 4 барж: № 28, 30, 42 и 55. Баржи буксировали пароход «Вилково», сзади шел пароход «Сербия». Из Прахова на встречу выходящего из Рени каравана груженных барж снялся отряд пароходов в составе — «Бессарабца», «Румынии», «Прута», «Белграда» и «Св. Сергия».

Из Прахова были взяты на буксир имевшиеся здесь порожние баржи, которые должны были быть переданы пароходу «Вилково» и отведены вместе с баржей № 21, взятой в Систово, обратно в Рени.

Капитану «Патриота» было предложено взять на буксир катер «Александр Невский» и доставить таковой в распоряжение коменданта парохода «Тирасполь» в Кладово.

Помощнику начальника Бессарабского губернского жандармского управления в Рени был препровожден отставной штабс-ротмистр Михаил Сухотин для отправки в Россию, как заподозренный сербскими властями в шпионстве. Одновременно об этом было сообщено русской миссии в Нише.

Ротмистру Фоссу предписано принять заведование погрузкой барж и прибывающими грузами для Экспедиции особого назначения.

15 декабря. 15 декабря пароход «Румыния», встретив караван в 15 милях от Рени, пошел в Рени пополнить запасы угля и провизии, после чего отправился немедленно догонять караван.

В 2 часа ночи пришли в Рени «Граф Игнатьев», «Св. Сергей» и «Белград» с пятью баржами; по окончании погрузки угля решили догонять караван в 12 часов дня с угольной баржей.

Капитан Чоповский заболел острым суставным ревматизмом, о чем подал рапорт.

Всю ночь по Дунаю шел густой лед. Капитан 1-го ранга Майер и Ермаков прибыли в Одессу.

16 декабря. 16 декабря в Рени пришел «Патриот» с двумя груженными и одной пустой баржей; капитан просил о разрешении чистить котлы.

Ст. лейтенант Киткин затопил баржи в указанном ему месте.

17 декабря. 17 декабря были отправлены два сильных буксира из Браила в Сулин, третий встретил их между Галацем и Рени, благодаря содействию греческого подданного Атанасулиса, давшего бесплатно свой пароход, арендованы оба буксира на имя его же, Атанасулиса.

Капитан 1-го ранга Страховский встретил караван на высоте Туртукая и пошел с ним вверх по Дунаю.

18 декабря. 18 декабря лейтенант Лисицын запросил телеграфно, может ли прислать капитана дальнего плавания Клемента для личного доклада, ввиду невозможности за отсутствием шифра сообщить письменно.

19 декабря. 19 декабря начальник Экспедиции был занят подготовительными работами для предстоящей поездки в Рени; посетил

штаб Одесского военного округа, где при личных переговорах можно разрешить текущие, связанные с Экспедицией вопросы, и где просил командировать в его распоряжение одного из пехотных офицеров.

20 декабря. 20 декабря была получена от штабс-капитана Фролова телеграмма, что капитан 1-го ранга Страховский прибыл благополучно в Прахово в 5 часов утра 18 числа, и что капитан Киткин выехал в Одессу.

Представлялся прапорщик Лемеш-Лемешинский, командированный в распоряжение начальника Экспедиции штабом Одесского военного округа 20-го декабря (по распоряжению Главнонач. Одесского военного округа).

Вечером того же дня весь караван вышел из Прахова обратно в Рени, в 1 ч. 45 ночи прошел Т. — Северин, 6.35 м. — Радуетца.

21 декабря была получена от штабс-капитана Фролова телеграмма о прибытии из Севастополя давно ожидаемого груза мин: прибыло 81 место.

Одновременно сообщалось, что один отставной румынский офицер имеет целью уничтожить всеми средствами грузящийся в Рени караван Экспедиции, и что вследствие этого приняты меры предосторожности, организована охрана близлежащей местности чинами пограничной стражи.

Второй телеграммой штабс-капитан Фролов сообщил, что капитан 1-го ранга Страховский вышел с караваном обратно в Рени, в 6 ч. утра прошел Радуетца.

22 декабря. 22-го декабря начальник Экспедиции посетил Главноначальствующего Одесского военного округа генерала Эбелова и имел с ним совещание по вопросам об улучшении порта Рени, об устройстве набережной и ветки железной дороги от близлежащей станции, об исходатайствовании перед правительством соответствующих кредитов, о назначении в Рени представителя военно-административной власти с широкими полномочиями и о разных мерах, способствующих широким задачам Экспедиции.

Ввиду неуспешности покупки румынского парохода и отсутствия необходимых барж, начальник Экспедиции осматривал пригодные для заграждения суда, остановив свое внимание на старом острове парохода «Синеус», вполне годном для затопления, и купил означенный пароход.

Вечером 22 декабря в 6 ч. 15 м. начальник Экспедиции выехал в Рени в сопровождении капитана 1-го ранга Майера, капитана 2-го ранга Ермакова, охотника флота Севея, агента Р.Д.П. Эшольца, прапорщика Л. Лемешинского и капитана 1-го ранга Михайлова.

23 декабря. 23 декабря в 2 ч. дня прибыли в Рени. На станции Рени к прибытию поезда собрались местные официальные лица, приветствовавшие начальника Экспедиции, проследовавшего на пароходе «Болгария», куда был отправлен прибывший груз: взрывчатые вещества, вещи, необходимые для личного обихода господ офицеров, табак и папиросы для команд, пожертвованные супругой градоначальника г. Одессы, и т.п.

Выяснилось, что накануне были погружены, согласно ранее данному приказанию, 81 место мин, прибывших из Севастополя — баржа № 29.

Из Радуетца была получена от князя Трубецкого телеграмма на имя капитана 1-го ранга Страховского с просьбой осведомить его о сделанных заграждениях, в каком месте и когда были затоплены баржи, и какие меры заграждения Дуная предполагаются в будущем.

Ответной телеграммой того же числа сообщено князю Трубецкому в г. Ниш: всех мин поставлено 16 и затоплено 2 баржи; выслан, кроме того, купленный в Одессе остов парохода «Синеус», который должен прибыть в Кладово, а затем — быть затопленным при достаточном грузе камня и песку. Кроме поставленных мин решено привезти в Сербию еще 50 мин заграждения.

Того же 23 числа была послана «Нагенмору» телеграфная просьба о высылке 2 экземпляров морского ключа, в чем ощущалась острая необходимость. Командирован по делам службы в Петрограде старший врач коллежский советник Дамлаков, выехавший в 6 ч. вечера к месту своей командировки.

Кн. Трубецкому была отправлена телеграмма с просьбой выдать лейтенанту Лисицыну 100 рублей и лейтенанту Григоренко — 2000 рублей.

24 декабря. 24 декабря начальник Экспедиции телеграфировал «Начгенмору» о необходимости распоряжения выслать дополнительно к полученным запасам материала горения для прожекторов еще материалов на 1000 часов.

Начальнику Морского Генерального штаба был послан рапорт, в коем начальник Экспедиции доносил о доблестной деятельности Русского морского отряда в Сербии под начальством старшего лейтенанта Волковицкого и лейтенанта Григоренко, самоотверженно работавших по постановкам мин заграждения под неприятельским огнем, потопивших австро-венгерский монитор «Темеш», наткнувшийся на нашу мину, выказавших высокий воинский дух и личную храбрость. Ввиду бесстрашной и доблестной деятельности русско-го отряда в Сербии, засвидетельствованной Его Королевским Высочеством королевичем Александром и воеводой Путником, ввиду проявленной лейтенантами Волковицким и Григоренко с подведомственными им нижними чинами, начальник Экспедиции ходатайствовал о награждении обоих офицеров орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и о награждении знаками отличия 4-й степени наиболее достойных нижних чинов.

Начальник Экспедиции в непрестанных заботах о нуждах вверенной ему Экспедиции решил устроить в здании Агентства Р.Д.П. елку накануне Рождества Христова для матросов, нижних чинов, команд, служащих в агентстве и временно-обязанных по военно-судовой повинности.

Для этой цели было куплено дерево для елки, установка которой поручена прапорщику Лемеш-Лемешинскому. Начальник Экспедиции принимал личное участие при устройстве елки. Утро было посвящено сортировке табаку и папирос, назначаемых для раздачи вечером.

Кроме папирос и табаку, пожертвованных супругой Одесского градоначальника, поступили к начальнику Экспедиции для раздачи нижним чинам экспедиции три ящика мандарин и 485 предметов бытового обихода, как то: посуды, ламп, графинов, мыла, свечей, стаканов, зеркал, запасных тетрадей и т.д.

В 8 часов вечера была зажжена елка, красиво декорированная, были установлены столы с подарками, залы агентства наполнились нижними чинами, матросами, служащими с женами и детьми.

Слух о рождественской елке распространился быстро по всему городу Рени, и в агентство явились многие лица, не принадлежащие ни Экспедиции, ни ренисскому агентству Р.Д.П. Довольно обширное помещение агентства было переполнено гостями, из которых каждый уходил с подарками, ни один не был забыт... Дети

получали — кроме игрушек — по пакету сладостей, купленных по приказанию начальника Экспедиции в съестных магазинах.

По окончании раздачи подарков всем гостям, которых было свыше 1000 человек, состоялись танцы, и присутствовавшим было предложено угощение и чай.

Все были чрезвычайно довольны и веселы...

В 12 часов ночи все разошлись, унося в своем сердце память о сочельнике 1914 года и теплую благодарность тому, кто с такой любовью позаботился о нижних чинах и матросах Экспедиции.

Прапорщику Л. Лемешинскому поручено собрать три 20-дюймовых ацетиленокислородных прожектора, привезенных капитаном 1-го ранга Михайловым, и обучить матросов-минеров обращению с новыми аппаратами.

Капитан 1-го ранга Михайлов уехал в Петроград с капитаном 2-го ранга Ермаковым.

Получены помпы накачивания жидкости в компрессоры 75-мм скорострельных орудий.

25 декабря. 25 декабря получена через капитана 2-го ранга Ермакова телеграмма вице-адмирала Русина¹, в коей последний просит организовать отправку закупленных в Болгарии шкур, погрузив последние на возвращающиеся из Сербии транспорты. Для выяснения подробностей рекомендуется снестись непосредственно с посланником в Софии Савинским.

Посланы в Морской Генеральный штаб списки офицеров, чиновников и нижних чинов Экспедиции, награжденных Его Королевским Величеством королем Сербии орденами и медалями, с ходатайством об изъятии Высочайшего соизволения на ношение таковых.

В Севастополь отправлена телеграмма — «Глактору» — с просьбой выслать в Рени 6 штук мин Уайтхеда, 4 аппарата и один насос.

Капитану 2-го ранга Ермакову телеграфировали в Одессу привезти 6 якорей и 3 бухты стального троса.

Производился сбор трех 20-дюймовых ацетиленокислородных прожекторов, девять человек минеров с пароходов «Шевченко»,

¹ Александр Иванович Русин (1861—1956) — начальник Морского генерального штаба с 1914 г. по 1917 г., когда был смещен по причине отказа поддерживать требование отречения от престола, адресованное другими высшими офицерами Николаю II.

«Гр. Игнатьев», «Болгария» и «Румыния», под руководством прапорщика Л. Лемешинского, учились обращаться с аппаратами.

26 декабря. 26 декабря, в ответ на просьбу прислать для нужд Экспедиции опытных офицеров, вице-адмирал Русин сообщает о назначении в распоряжение лейтенанта Григоренко по работам заграждения мичмана Черемисинова.

Телеграфно возбуждено ходатайство перед «намором» в Петрограде о награждении старшего лейтенанта пограничной стражи Киткина орденом Станислава 2-й степени с мечами за труды его по заграждению Дуная 16 декабря в непосредственной близости неприятельской границы.

При сборке прожекторов обнаружились дефекты: некоторые части были поломаны, других совсем не доставало, в одном из прожекторов лопнуло зеркало — параболический рефлектор, о чем прапорщик Л. Лемешинский донес начальнику Экспедиции подробным рапортом.

Прибыл груз 10 вагонов артиллерийских снарядов и ружейных патронов; в тот же день вагоны были разгружены, а груз доставлен на баржу № 310.

27 декабря. 27 декабря отправлена телеграмма посланнику Савинскому с просьбой прислать в Рушук секретаря миссии для переговоров относительно перевозки шкур из Болгарии в Россию, так как начальник Экспедиции предполагал, проходя Рушук, остановиться там на некоторое время.

В 3 ч. 20 м. начальник Экспедиции выехал в г. Рени по делам службы и вернулся вечером.

Приказом № 157 указано частичное изменение состава команды нижних чинов на пароходах «Румыния», «Бессарабец» и «Белград».

Окончилась сборка всех трех 20-дюймовых прожекторов, и последние были установлены на пароходах «Граф Игнатьев», «Шевченко» и «Румыния» следующим образом¹.

28 декабря. 28 декабря, ввиду изменившихся предположений, начальник Экспедиции вновь телеграфировал русскому посланнику в Софии Савинскому, прося его прислать секретаря миссии не в Рушук, а в Галац, куда будет послан из Рени пароход.

¹ Эскиз не публикуется.

Главный механик Р.Д.П. Шандренко зачислен в состав Экспедиции.

Из Севастополя прибыл груз артиллерийских снарядов для 75-мм пушек и гранат, снаряженных тротилом.

Прибыло 5 вагонов теплой одежды, 2 вагона подсумков кожаных и 3 вагона спичек. Погрузка происходила целый день на баржах № 309 и № 22.

Приказом № 157 часть нижних чинов с пароходов «Румыния», «Сербия» и «Белград» переведена для пользы службы на пароходы «Св. Сергей», «Бессарабец» и «Болгария».

Начальник Экспедиции особым приказом напомнил всем чинам Экспедиции необходимость самой бдительной службы и строгого исполнения обязанностей и приказал: 1) всему каравану держаться соединенно, строго соблюдая расстояние между пароходами;

2) на всех пароходах, имеющих орудия, во время прохода каравана вдоль болгарских берегов иметь на вахте у орудия не менее половины прислуги;

3) ночью чехлы с орудия должны быть сняты, снаряды должны быть у орудия, но таковые не заряжаются;

4) особая бдительность должна быть соблюдаема на дежурных пароходах, несущих охранную службу во время стоянки каравана;

5) должно быть обращено строгое внимание на сигнализацию и вахтенную службу.

Объявлено для исполнения по отряду выписки из постановления для стрельбы из винтовок, револьверов и карабинов, Высочайше утвержденного 22 апреля 1914 года.

29 декабря. 29 декабря получена из Софии от русского посланника Савинского телеграмма, в коей сообщалось, что из 80 вагонов шкур, закупленных в Болгарии для нужд русской армии, часть находится в Рамадане, остальные будут доставлены туда к 7 января двумя доверенными лицами, Дуновцем и Тамирьянцем, из которых один будет командирован в Рени для переговоров с начальником Экспедиции о возможности перевозки шкур на возвращающихся из Сербии транспортах русского каравана Экспедиции особого назначения.

Из Севастополя прибыло 6 вагонов мин (81 место), которые были погружены на баржу № 22. Прибыло 7 вагонов больничной

и госпитальной одежды и медикаментов; весь день происходила погрузка вещей на баржи — № 22 и № 309.

Объявлен список нижних чинов катеров «Данилевского», «Александра Невского», служащих Ренисского агентства Р.Д.П., Одесского агентства, агентства Рени — Кладовской линии, команд барж Р.Д.П. и нижних чинов парохода «Вилково», Всемиловцев — пожалованных бронзовыми позолоченными медалями Е.К.В. Королем Сербии.

Капитан дальнего плавания (?) отчисляется от состава Экспедиции особого назначения.

Капитану «Бессарабца» Роксикову было выдано 4000 рублей для нужд Экспедиции.

Ввиду того, что установленные на пароходах новые прожекторы находились на треножниках, не дающих большой устойчивости корпусам прожекторов, на пароходах «Румыния» и «Граф Игнатъев» производились работы по укреплению прожекторов.

30 декабря. 30 декабря прибыл в Рени из Ораниенбаума чиновник военного ведомства с 6 вагонами фугасных снарядов, который, с разрешения начальника Экспедиции, ездил на катер «Данилевский» в Галац.

В 11 часов утра отправился в Сербию пятый караван под начальством капитана 1-го ран. Страховского. Снялись с якоря в составе судов: «Шевченко», «Патриот» (разведочный отряд), «Бессарабца», «Граф Игнатъев» (боевой отряд), «Сербия» и «Белград» с 2-мя баржами для Сербии — № 22 и № 309 — воинским грузом и одной баржей № 310 с углем для надобностей сербского отряда экспедиции.

Разрешено следовать в Сербию на пароходе «Св. Сергей» врачу австрийской службы Димитрию Кониевичу и его денщику.

Были погружены перед отходом каравана 21 ящик материалов для горения в прожекторах на пароходы: «Румыния», «Гр. Игнатъев», «Шевченко», — по 7 ящиков на каждый пароход.

Было послано требование в Измаил заведующему рыболовным надзором прислать два гребных винта и 40 колосников для нужд экспедиции — катера «Данилевского».

Телеграммой «Глапор» — начальник Экспедиции просил ускорить присылку 18 матросов, давно обещанную: недостаток судовой команды тормозит дело, замедляя намеченную ранее работу.

Обуховским Сталелитейным заводом были присланы микрометры, из Киева доставлены 5 вагонов ружейных патронов, погруженных на баржу № 22.

В 10 часов вечера пришел пароход «Alliance» от фирмы «Louis Dreyfus». Начальник Экспедиции, имея настоятельную надобность увеличить флотилию Экспедиции небольшим мелкосидящим пароходом, могущим плавать до Железных ворот на Дунае, приказал задержать пароход, осмотреть пароход на следующее утро, и, если таковой оказался пригодным для плавания на глубинах 4½ — 5 футов, взять его в состав флота экспедиции, снесясь с морским министром в Петрограде.

Считаясь с незначительным количеством экземпляров морского шифра, начальник Экспедиции составил свой собственный шифр, отпечатанный в 25 экземплярах, часть коих была роздана перед отходом каравана всем г.г. офицерам каравана для телеграфных сношений с начальником Экспедиции.

31 декабря. 31 декабря с раннего утра производились работы по устройству электрического освещения в здании агентства Р.Д.П., где по мысли начал. Экспед. должен быть вечером молебн. Начальник Экспедиции полагал, что старинный русский обычай отслужить накануне Нового Года молебн произведет самое радостное и умирительное впечатление на нижних чинов и матросов команд, вольнонаемных служащих на пароходах и баржах Р.Д.П., временно обязанных по военно-судовой повинности, в большинстве случаев многосемейных и лишенных возможности провести этот день в кругу своей семьи.

В одиннадцать часов утра комиссия, в составе штабс-капитана Фролова, капитана «Болгарии» Гросса, главного механика Шандренко, под председательством начальника Экспедиции осматривала пароход «Alliance». **В результате осмотра выяснилось, что пароход построен давно, машина небольшая, сидит он без нагрузки 4½ футов, а при нагрузке — 6 футов.**

Телеграммой «Нагенмору» начальник Экспедиции просил о назначении капитану 1-го ранга Страховскому 2 фунтов стерлингов (в сутки) так назыв. суточных денег как человеку семейному, получающему только береговое жалование и без столовых.

Савинскому было телеграфировано в Софию, что, по агентурным сведениям, ни одного вагона шкур в Рамадане не было выгружено, вопреки его — Савинского — телеграмме. Вечером была

получена ответная телеграмма, в которой Савинский сообщал о командировании им некоего Дуновца, лица доверенного и осведомленного, заведующего всем делом закупки шкур.

Начальнику станции Рени было послано уведомление не взимать с агентства Р.Д.П. за фрахт следуемых при перевозе воинских грузов на имя Экспедиции или на имя агентства.

Приезжал для переговоров с начальником Экспедиции от 22-й бригады Пограничной стражи барон Гейкин.

В 7 часов вечера была организована спевка матросов — репетиции к предстоящему молебну, имевшему быть в полночь.

В одиннадцать часов начался молебен, на котором присутствовали, кроме личного состава Экспедиции и агентства Р.Д.П., матросы, команды пароходов, барж, рениские официальные лица и власти. По окончании молебна начальник Экспедиции произнес речь и провозгласил тост за здоровье Государя Императора, Верховного Главнокомандующего и победоносную русскую армию, встреченный несмолкаемым криком «ура».

Гостям был предложен ужин и шампанское.

В полученной в это время телеграмме начальник Экспедиции был уведомлен, что Государь Император, признавая его труды и тяжелую деятельность, связанную с постоянной опасностью, Всемилоостивейше пожаловал ему мечи к имеющемуся ордену Св. Владимира 3-й степени.

Капитану 2-го ранга Ермакову Всемилоостивейше был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3440, л. 43—57.

9. Краткий обзор деятельности и жизни инженерного отряда особого назначения в Сербии, 1914—1915 гг.

РГАВМФ, ф. 715, оп. 1, д. 401, л. 123—130.

В начале августа 1914 года, передав заведывание портом Императора Александра III возвратившемуся в Либаву¹ командиру пор-

¹ Порт Александра III — военный порт имени Александра III в Либаве (Лиепая). Значимая военно-морская база Российской империи в регионе Балтийского моря.

та, инженер-строитель порта инженер-полковник Добров выехал в Петроград, куда был вызван в Управление морской строительной части, откуда, по приезде, был откомандирован в распоряжение начальника Морского Генерального Штаба.

Начальник Генерального Штаба 12 августа возложил на него задачу организовать все нужное для устройства плавучей переправы через р. Дунай в пределах Сербии и, если потребуются, произвести необходимые сербской армии другие инженерные работы по переправам и доставить все заготовленное им в России для исполнения этих задач в Сербию, где поступить со всем привезенным имуществом и чинами в распоряжение Сербского Верховного Командования.

Получив от сербского посланника г. Спалайковича некоторые указания, касающиеся возможности получить в Сербии что-либо, нужное для исполнения указанных задач, инженер Добров, по приказанию начальника штаба, 16 августа выехал из Петрограда в Севастополь, где получил от Командующего Черноморским флотом разрешение выбрать из лишнего и портового имущества 4 сорта то имущество, которое было нужно для исполнения вышеприведенных задач, и командировать в его распоряжение необходимых нижних чинов флота из Николаева и, в крайнем случае, офицеров из ближайших портов.

Выбрав все возможное в портовых хранилищах и назначив к немедленной отправке в Одессу, инженер Добров 20 августа выехал в Одессу, куда прибыл 23 августа, и в тот же день выехал на Дунай до Галаца для личного ознакомления с рекою и плавающими по ней судами. Возвратившись 26 августа в Одессу, инженер Добров с 26 августа по 3 сентября осмотрел суда, плавающие по берегам Черного моря до Херсона и по впадающим в этих пределах рекам.

В это же время, по разрешении возбужденного им ходатайства получить некоторое количество имущества из Одесского инженерного и минного склада артиллерийского и интендантского хранилища, им было приступлено к выбору из этих складов и упаковке нужного имущества и сбору его на последовательно подаваемых баржах, привлеченных по военно-судовой повинности от казенного Русско-Дунайского пароходства. Остановившись, как на более подходящих, на судах, плавающих по Дунаю, инженер Добров вместе с привлеченным по военно-судовой повинности капитаном Русско-

Дунайского пароходства и при содействии зрителя рыболовного надзора по Дунаю инженера Клера, заведующего инженерными работами по Дунаю от министерства торговли и промышленности инженера Шевелева и агентов Русско-Дунайского пароходства в Вилково, Килии, Измаиле и Рени приобрел в разных местностях по Дунаю и по его лиманам 147 судов. Эти суда были собраны в указанных выше агентствах и погружены на баржи. Все баржи собирались к известному числу в Рени, откуда должен был тронуться весь транспорт с имуществом и личным составом.

Кроме того, в Одессе, Херсоне, Измаиле и Рени при помощи начальника работ Одесского торгового порта инженера Бахметьева, начальника работ портов Черного моря инженера Пель, начальника Херсонского торгового порта капитана 2-го ранга Иванова-Кросс и прибывших 6 сентября в Одессу в распоряжение инженера Доброва инженеров-подполковников Лебедева и Белякова и несколько раньше старшего техника Волчанецкого были приобретены моторные катера, якоря, ровный лесной и другой материал, как то лебедки, тросы, канаты, блоки, смола, масло, пакля и пр., рабочее платье, инструменты, а также пищевые продукты для личного состава.

11 сентября инженер Добров получил по телеграфу предписание от начальника Морского Генерального Штаба организовать военную охрану приготовленного к походу в Сербию транспорта и вести транспорт под ее прикрытием ввиду возможного нападения австрийских пароходов. Ввиду сего, он немедленно испросил из Севастополя для вооружения намеченных к привлечению по военно-судовой повинности пароходов Русско-Дунайского пароходства соответствующее число избранных им 75- и 47-мм пушек и пулеметов и нужный личный состав, и немедленно выработав вместе с корабельным инженером Добровольного флота капитаном Алымовым и управляющим Русско-Дунайским пароходством инженером-механиком флота Ермаковым схему вооружения пароходов, приступил в одесских мастерских Добровольного флота к подготовительным работам по вооружению. 17 Сентября на транспорте «Буг» были доставлены в Одессу орудия, а 21 сентября первый вооруженный пароход «Румыния» с инженером Добровым вышел в море и произвел испытание поставленных на нем трех 75-мм пушек, четырех 47-мм пушек и двух пулеметов. Про-

изводство артиллерийского испытания было поручено инженером Добровым привлеченному им для сего капитану 2-го ранга Волькену, старшему лейтенанту Дехтереву и артиллерийскому офицеру с «Синопа» лейтенанту Колубакину. 23 сентября был испытан также вооруженный в городе пароход «Граф Игнатъев». 24 сентября была произведена учебная стрельба из тех же пароходов по щитам.

Вместе с сим в Рени были не столь сильно вооружены еще три парохода необходимыми для действия орудиями; личный состав был испрошен инженером Добровым от командующего Черноморским флотом и получен им 21 сентября.

Кроме личного боевого состава, к 22 сентября были присланы из Севастополя и Николаева кадры матросов, в числе 53 человек с кондуктором и фельдшером для работ по устройству переправ. К этим кадрам инженером Добровым были добавлены вольнонаемные и привлеченные по военно-судовой повинности различные специалисты — машинисты, слесари, водопроводчики, плотники, лодочники, — всего 24 человека. По просьбе инженера Доброва, штабом Одесского военного округа в его распоряжение был назначен призванный из запаса врач Конаржевский.

Когда инженером Добровым все было организовано и приготовлено к походу, был назначен для совершения похода, по данному Морским Генеральным Штабом предписанию, капитан 1-го ранга флигель-адъютант Веселкин, который прибыл в Одессу со штабом 25 сентября.

1 октября 1914 года все суда транспорта, к которому присоединилось еще несколько барж, груженных лошадьми, вышли из Рени и прибыли 8 октября в Радугевац и в Прахово.

12 октября разгруженные баржи и пароходы вышли из Прахово обратно в Рени. В Прахово остался инженерный отряд инженера Доброва, в составе начальника его, двух инженеров-помощников, одного старшего техника морской строительной части, врача отряда, одного кондуктора флота, 59 матросов и 24 вольнонаемных и привлеченных по военно-судовой повинности и одного капитана Русско-Дунайского пароходства, привлеченного по военно-судовой повинности.

С 13 по 28 октября происходила загрузка очень медленно подаваемого железнодорожного состава для перевозки всего приве-

зенного имущества в назначенное место по реке Мораве, куда из Прахова была послана часть команды с офицерами.

28 октября была закончена последняя погрузка, и отряд выехал к своему месту, куда прибыл вечером 30 октября. По указанию Верховного Командования, из всего привезенного имущества предложено было изготовить такой материал, который мог бы, во-первых, перевозиться не только по железным дорогам, с перегрузкою его с ширококолейных железнодорожных путей на узкоколейные, но также и по грунтовым, и во-вторых, который позволил бы быстро устроить разной длины переправу. Кроме того, подготовку такого материала нужно было вести так, чтобы в каждое время можно было его перевезти в другое место и употребить на устройство переправ. Предложенный инженером Добровым тип мостовой переправы и план разработки материалов были обсуждены в инженерном отделе Верховного Командования и одобрены для использования, при чем выяснилось, что отряд, как и было предвидено инженером Добровым, должен был обходиться, по возможности, не только своими материалами, но и своими людьми. Ввиду сего, отряд, устраиваясь на отведенном месте, в то же время начал усиленные работы по обработке всего привезенного имущества в мостовой материал типа понтонного.

В то же время отряду было поручено устроить настил на 8 железнодорожных мостах для прохода по ним войск и легких повозок. Мины, привезенные отрядом для обороны переправ, по назначению Верховного Командования, были употреблены для постановки их на Саве и Дунае против прохода мониторов. Кроме того, при выяснении вопроса о необходимости перевести штаб-квартиру Верховного Командования южнее месторасположения отряда, начальнику отряда поручено было принять участие в укреплении и обороне впереди лежащих позиций.

В конце ноября заболел один из помощников начальника отряда инженер-подполковник Беляков настолько серьезно, что должен был уехать в Россию. Несмотря на уменьшившееся число инженеров, налаженная работа, подбодряемая неперменным желанием быстро и хорошо выполнить ее, дала возможность уже 8 декабря поставить на стратегической Цареградской дороге через реку Мораву пропускающий до 800 повозок в день военный плавучий мост длиной 174 метра, сделанный полностью из привезенного имущества,

который отряд содержит до настоящего времени. По сообщении о сем начальнику Морского Генерального Штаба, инженер Добров получил от начальника штаба следующую телеграмму: «Мин. Мор. приказал передать Вам поздравление и благодарность за исполненное. 5168». — Телеграмма эта ободрила весь отряд, о чем инженер Добров доложил следующей телеграммой начальнику штаба: «Отряд восторженно приветствовал телеграмму 5168 и с усиленною энергиею продолжает готовить мост для другой реки».

Декабрь был употреблен на продолжение работ по изготовлению всего лесного и судового имущества по принятому типу и на благоустройство местопребывания отряда, причем была устроена русская паровая баня для мытья чинов отряда и стирки белья, так как в окружных местечках и городах не было никаких бань, а всюду развивавшиеся заболевания тифом разного рода настойчиво требовали соблюдения возможно большей чистоты.

Так как личный состав отряда был небольшой, начальник его выхлопотал для работ по благоустройству отряда рабочих от сербского правительства. Вместе с сим в декабре отряду пришлось много работать на поставленном отрядом мосту. Река Морава, как горная река, чрезвычайно чувствительна как к таянию снега, так и к выпадению дождей, при том и другом быстро увеличивается повышение воды и разлив ее и усиливается быстрота течения воды. Все это постоянно вызывало много работ по удлинению или укорачиванию моста, по закреплению якорных концов, по выпрямлению моста, по разводке и наводке моста для пропуска несущихся по реке корчаг и сорванных рекою деревьев.

В январе отряд был занят продолжением работ по изготовлению мостового материала, наблюдением за поставленным мостом и наблюдением за сложенным на берегу реки Моравы материалом, который Морава при подъеме воды могла унести, а при падении оставить лодки на суше.

В феврале отряд занимался работами четырех категорий. Совершенствовал обработку изготовленного материала, преимущественно перекладин, которые с целью облегчения их веса при сохранении той же сопротивляемости обтесывались в форму прямоугольного сечения брусьев. Также были построены легкие переносные козлы, удобные для постановки у берегов.

Вместе с сим продолжалось наблюдение за поставленным отрядом мостом и охранение сложенного на берегу материала, который в феврале приходилось то очищать от снега, то перемещать от заливания скопившейся водою. В феврале было устроено изоляционное помещение для болеющих, которые помещались в нем впредь до определения болезни и отправления в больницу. В феврале же было предпринято, по предложению Верховного Командования, исследование части реки Моравы вплоть до впадения ее в Дунай и прилегающих к ней речек для сплава всего мостового материала к Дунаю, через который предполагалось устроить переправу. Исследование реки было произведено, в части своей, под огнем и наблюдением неприятеля.

В марте отряд наблюдал за поставленным мостом и за всем изготовленным материалом. Кроме того, в марте отрядом был построен большой самолет и построены, по предложению железнодорожной инспекции Верховного Командования, оконные рамы для спешно устраиваемого при железнодорожной станции заразного барака. В конце марта перед Пасхою, ввиду многих заразных заболеваний около месторасположения отряда, начальник отряда произвел очистку, дезинфекцию и побелку кухни, столовой и всех жилых помещений отряда.

В апреле отряд, кроме наблюдения за поставленным мостом и за собранным на берегу реки материалом, производил пересмотр всех лодок и своих трех моторных катеров, разборку машин и смазку их. Заготовленный в феврале в России добавочный лесной материал и лодки, доставленные флотилией лишь в апреле, были рассортированы и в нужном количестве обделаны. В апреле был построен второй маленький самолет, по тому же, как и большой, выработанному начальником отряда, типу.

В апреле же начальником отряда инженером Добровым вместе с сербскими офицерами и чинами отряда было произведено под огнем неприятеля подробное исследование с составлением карт и описаний Дуная у впадения в него реки Моравы, реки Савы и впадающей в нее реки Колубары. Исследования эти были произведены по предложению Верховного Командования и послужили для подробной выработки намеченных переправ, причем все представленные инженером Добровым предложения были одобрены Верховным Командованием полностью.

В мае отряд был занят наблюдением за собранным в ожидании распоряжений на берегу Моравы материалом и за поставленным военным мостом. Около середины мая было получено распоряжение снять поставленный на Цареградской дороге военный мост, заменить его построенным отрядом большим самолетом и половину всего мостового материала перевезти на реку Колубару для предстоящего устройства переправы через реку Саву, приготовить вместе с сим другую половину материала для быстрой погрузки, перевозки и устройства из нее второй переправы через ту же реку Саву в намеченных начальником отряда пунктах. Несколько раз намечавшееся движение сербской армии в мае было решено окончательно, и отряду предстояло в ближайших месяцах принять непосредственное участие в ожидавшихся наступательных операциях.

В июне отряд был занят работами трех категорий. Прибывшие после долгих ожиданий на пополнение отряда 146 новых матросов, собранных от разных частей, спешно знакомились со всем заготовленным материалом и с предстоящими работами по наводке и разводке мостов, по устройству окопов и проволочных заграждений, по управлению 75-мм орудием и пулеметами и обучались гребле. Вместе с сим прибывший последней партией давно ожидаемый материал обрабатывался по типу ранее заготовленного материала. В июне отряд имел также наблюдение за поставленною на Цареградской дороге переправою с помощью построенного им большого самолета, имевшего свободную площадь в 65,80 квадратных метров и за собранным в двух местах на реке Мораве и на реке Колубаре материалом, причем в последнем месте материал нужно было внимательно оберегать от наблюдения и уничтожения с постоянно летавших неприятельских аэропланов.

В июле отряд занимался теми же работами, как в июне. Вновь прибывшие 146 матросов, отличавшиеся малым знанием военного дела и воинской дисциплины, в июле обучались, кроме ознакомления их со специальными работами, строевым занятиям.

В августе отряд был занят работами четырех категорий: 1) наблюдением и охранением приготовленного мостового материала, собранного на реке Мораве близ Тюприи и на реке Колубаре близ впадения ее в граничащую с Австро-Венгрией реку Саву у Обреновца; 2) содержанием построенных отрядом и установленных

на реке Мораве военного плавучего моста и большого самолета; 3) постройкой двух железнодорожных железобетонных мостов через реку Тимок на стратегической железной дороге Ниш — Княжевац, близ Болгарской границы; 4) и работами по сборке части железнодорожного железного моста через Мораву, сооруженного на стратегической железной дороге Пожаревац — Осипаоница.

В сентябре отряд продолжал те же четыре категории работ, которые были возложены на него в августе.

За все вышеуказанное время инженерный отряд из привезенного им в октябре 1914 года материала и из материала, им приобретенного в феврале и доставленного с большим запозданием, приготовил мостовой материал, из которого можно навести мост длиной 999 метров для переправы грузов весом до 3000 килограммов и, кроме того, два самолета, т.е. приготовил такое количество мостового имущества, которое возлагается на 2 понтонных батальона или на 600 нижних чинов и на 25—30 офицеров. Кроме того, отряд выполнил другие вышеуказанные инженерные работы — по настилке железнодорожных мостов, по устройству инфекционного барака, по обороне, по исследованию рек — нижнего течения Моравы, нижнего течения Колубары, части Савы и части Дуная, по сборке части железнодорожного моста через реку Мораву, по постройке 2-х железобетонных железнодорожных мостов через реку Тимок, по содержанию постоянной переправы на Цагреградском пути через Мораву. Все это было возможно исполнить при крайнем напряжении и проявлении большой энергии, которую явили весь офицерский состав отряда и все низшие чины, особенно первоначальный состав их. В средних числах сентября болевший малярией начальник отряда получил разрешение поехать в отпуск в Россию и, с одобрения Сербского Верховного Командования, выехал через Болгарию и Румынию в Россию, передав своим помощникам заведывание — по хозяйственной и строевой части отряда капитану 2-го ранга Леванде, по инженерно-технической части военному инженеру штабс-капитану Богомольцу и общее начальствование, как старшему, капитану 2-го ранга Леванде¹. Во

¹ *Леванда Дмитрий Дмитриевич* (1884—1931) — капитан 2-го ранга. Первую мировую войну закончил в управлении Главного военного начальника Архангельска и тылового водного района.

время проезда через Болгарию было заметно передвижение войск, в большинстве одетых в походную форму, но никаких неприязненных отношений нигде начальником отряда не было встречено. В Софии инженер Добров был приглашен Русским Посланником к нему, причем, по мнению посланника, невозможно было ничего предполагать угрожающего, по крайней мере в то время — все зависело исключительно от Царя Фердинанда. В Софии можно было наблюдать много немцев; население, с которым приходилось встречаться инженеру Доброву, везде высказывало спокойное отношение и некоторое недоумение по поводу передвижения войск. На вокзале в Софии перед отъездом было замечено также движение войск, слышен был немецкий разговор между некоторыми молодыми военными и штатскими, видимо немцами, и при отходе одного эшелона замечены крики «Ура» и пение болгарских народных песен. В Румынии инженер Добров заметил, в общем, очень доброжелательное отношение к русским со стороны как военных, так и гражданских лиц, особенно ярко высказанное военными и некоторыми помещиками-румынами. В Бухаресте было замечено громадное количество немцев, на что указывали даже сами румыны во время разговоров с ними.

В России инженер Добров пробыл недолго и, узнав о развернувшихся событиях, поспешил обратно. В Рени он встретился с инженером генерал-майором Бутлером¹, который должен был заместить болевшего инженера Доброва в Сербии.

Получив в Рени русские деньги, какие всегда просил инженер Добров для отряда, и некоторые поручения для г-на Бока и лейтенанта Драшусова от прибывшего из Румынии Начальника экспедиции, они вместе выехали через Румынию в Турн-Северин для проезда оттуда в Сербию. Прибыв 2 октября в Турн-Северин, узнали, что сербский берег близ селений Текия, Кладенац и Кладово и ниже по Дунаю эвакуирован, ввиду занятия местности выше Текия и со стороны Пожареваца по Мораве соединенными австро-германскими войсками. Так как проезд внутрь Сербии со стороны противолежащего Турн-Северину сербского селения Кладово был пересечен неприятелем, инженеры Добров и Бут-

¹ *Бутлер Бронислав Львович* (1866—1930) — с 1913 г. генерал-майор, главный инженер севастопольского порта.

лер, несмотря на высказанные в Турн-Северине отговоры, решились проехать внутрь Сербии со стороны расположенных ниже по Дунаю сербских селений Брза Поланка или Кусьяк, откуда шли кратчайшие пути внутрь страны, и выехали вниз по Дунаю на полученном ими моторном баркасе «Александр Невский». Во время похода на катере к Брзе Паланка замечено было, что весь румынский берег Дуная был усеян переехавшими и переезжавшими из Сербии беженцами, преимущественно женщинами, подростками и детьми. Румынское население встречало беженцев и оказывало им полное, как видно было, сочувствие и возможное содействие в расположении их в Румынии. С сербского берега, то вблизи него, то вдали, при походе баркаса была слышна стрельба.

Придя к Брзе Поланке, инженер Добров и Бутлер прошли в это селение; оно оказалось совершенно покинутым сербскими властями и стоявшими там войсками.

Молодое население, местное и прибывшее из ближайших местечек изнутри Сербии, стояло близ общественного дома и ожидало очереди, чтобы переправиться на противоположный румынский берег. Все лошади и конные повозки оказались вывезенными внутрь Сербии.

Оставалось лишь небольшое количество быков и несколько телег. На берегу, близ понтона и близ общественного дома, валялись ящики с 75-мм снарядами, оставшимися, как объяснил найденный инженером Добровым заместитель старосты селения, еще не затопленными от того количества, которое было в Брзе Поланке и которое было затоплено несколько дней назад вместе с одним орудием. На некоторых ящиках были русские марки. Сложенные в Брзе Поланке запасы сена догорали. Тот же заместитель старосты сообщил, что он получил распоряжение сжечь запасы сена, муки и зерна, и самому после сего отступить в Румынию; сено он сжег, а запасы муки и зерна разрешил в некотором количестве взять для пропитания населению, которое выносило муку и зерно из склада частью на руках, а частью перевозило на волах. Не разобранный остаток, по словам заместителя старосты, он предполагал также сжечь перед вступлением в Брзу Поланку неприятеля, который, как было обнаружено при попытке пробраться из Брзы Поланки внутрь стра-

ны, находился от нее в пяти-шести верстах¹, заняв дороги, ведущие от Брзы Поланки внутрь Сербии, проходящие через Милановац и Стубик и отрезав, таким образом, берег Дуная на пространстве Текия — Кладово — Брза Поланка.

Видя невозможность проехать внутрь Сербии также со стороны Брзы Поланки, инженеры Добров и Бутлер решили идти далее и спуститься ниже на оставленном ими впредь до выяснения их проезда близ Брзы Поланки моторном баркасе. Цель была выйти на последнюю, третью дорогу, ведущую от Дуная внутрь Сербии, через Зайчары, о которых точных сведений в Брзе Поланке нельзя было получить, кроме указания о настоятельной необходимости соблюдать при походе осторожность, ввиду возможного занятия этого пути болгарскими, а может быть, и соединенными болгаро-австро-германскими войсками. При подходе к намеченному для высадки селению Кусьяк было усмотрено отсутствие сербов на сербском берегу и близ его и, наоборот, присутствие их только на румынском берегу. Вместе с сим были услышаны окрики баркаса, шедшего без флага, с румынского берега. Подойдя на баркасе к румынскому берегу, инженеры узнали от румынских пограничных солдат и беженцев-сербов, что Кусьяк и немного выше его лежащий Милановац Горний уже заняты болгарскими войсками, которые пленили всех готовившихся бежать сербов, а также и помогавших переправе двух румынских пограничных солдат, что все пути к берегу со стороны Неготина и Зайчар заняты болгарскими войсками, распространившимися внутрь и несколько дней назад соединившимися с австро-германскими войсками, отрезав берег Дуная от страны 4—5 октября, что совпадало с устными и газетными сведениями, полученными перед походом на моторном баркасе в Турн-Северине. Во время этих сообщений на сербском берегу обнаружился болгарский кавалерийский разъезд, шедший по берегу Дуная от Милановаца Горнего к Брзе Поланке.

Встретившись с полной невозможностью проехать внутрь Сербии по оставшемуся последнему третьему пути, инженеры были вынуждены вернуться в Турн-Северин, направившись вверх по Дунаю на том же моторном баркасе, питая слабую надежду найти

¹ Верста — 1066,8 м.

какой-либо аэроплан, чтобы пробраться на нем. Это предположение оказалось неосуществимым, так как экспедиция не имела своего аэроплана, а доставить румынский оказалось невозможным. При обратном походе вверх по Дунаю к Турн-Северину над местностью южнее Брзы Поланки виден был австрийский наблюдательный змейковый шар и были слышны частые орудийные выстрелы.

Ночью 12 октября инженеры прибыли в Турн-Северин, где узнали, что австро-германцы на противоположном сербском берегу уже приступили к установке батарей и устройству пехотных окопов. Кроме того, находившийся на этой сербской береговой полосе в большом количестве скот был собран ими и направлен к месту переправы через Дунай. Стоявшие близ Турн-Северина австро-венгерские пароходы были под парами, готовясь идти по Дунаю с прибывшими в Турн-Северин австрийскими пилотами. Беженцы, бывшие на румынском берегу, получили от австрийского консула приглашение вернуться назад в свои дома, но от этого они воздержались. Позже было получено сведение, что выше по Дунаю, у Зимины, неприятель собрал большое количество груженых разным материалом барж и начал сборку разных старых барж для отправки их в Тимок к Борскому медному руднику, находившемуся южнее Радоевца.

Из Турн-Северина инженеры Добров и Бутлер известили о своей попытке и возвращении начальника экспедиции с просьбой сообщить свои инструкции. Пробыв несколько дней в Турн-Северине и не предвидя никакой возможности в ближайшем времени проникнуть внутрь Сербии, инженеры направились в Рени в состав экспедиции, куда направлялись также некоторые чины из отряда Старш. Лейтен. Семенова, стоявшего в Сербии у Кладово.

В Рени инженер Бутлер остался в составе экспедиции, а инженер Добров, получивший распоряжением в Петрограде другое назначение, отбыл в Петроград в Морской Генеральный Штаб, где он состоял.

В Турн-Северине и на всем пути через Румынию инженеры встречали со стороны всех лиц, с которыми им приходилось встречаться, полное внимание и содействие, особенно горячо проявленное чинами Турн-Северинской полиции и военными, не преминувшими высказать свои ожидания, что в ближайшем времени Россия

вместе с ними через Румынию двинет войска на изменившую Славыанству Болгарию и на союзную с нею Австрию.

Ввиду развернувшихся событий, Сербское Верховное Командование в конце сентября дало отряду распоряжение собрать весь материал и все части отряда, работавшие на граничных полосах, в базу отряда близ Тюприи. В силу сего, мостовой материал и 3 моторных катера, бывшие в устье Колубары, близ Савы, у Обреновца, и личный состав были погружены и отправлены через Младеновац к Тюприи.

Последняя погрузка и отправка происходила под огнем неприятеля. Также была отправлена с работавшими чинами отряда воздухоплавательная и сверлильная машина, работавшая на сборке частей железного железнодорожного моста близ Пожаревца, и также были вызваны все чины отряда с болгарской границы с железобетонных мостов через реку Тимок, почти совершенно законченных. На Цареградском пути, составлявшем главную артерию, по которой собиралась и двигалась Сербская армия с Савы и Дуная, отрядом был поставлен военный плавучий мост на реке Мораве, который вместе с поставленным еще раньше самолетом пропустил массу грузовых повозок, военных автомобилей и воинских частей.

Австро-германские войска двигались позади Сербской армии по двум главным направлениям — по железной дороге, идущей от Обреновца и Белграда на Ниш, и по долине реки Моравы, т.е. со стороны Смедерева и Дубровицы на Пожаревац и Тюприю, близ коей находилась база отряда.

9 октября отряд получил распоряжение Верховного Сербского Командования передать весь мостовой материал, собранный близ Тюприи на реке Мораве, вместе с поставленным отрядом военным плавучим мостом и самолетом местным Сербским властям, а самому с остальным имуществом и моторными судами двигаться по железной дороге на Кралево. К этому времени с инженерным отрядом соединился также минный отряд лейтенанта Григоренко.

Отряд выступил двумя эшелонами поотрядно. В Кралево отряду пришлось пробыть недолго, и ему предложено было, оставив наиболее тяжелые грузы и бывшее с отрядом 75-мм орудие сербским властям в Кралево, двигаться пешим походным порядком по долине реки Ибар на юг на Призрен и Монастырь к Салоникам, куда на совещании военных агентов всех союзных держав с Сербским

Верховным Командованием было решено направить все иностранные отряды и миссии, работавшие в Сербии. Из двух 75-мм орудий, которые инженеру Доброву были разрешены штабом командующего Черноморским флотом, отряд имел у себя в Сербии одно орудие; другое, согласно распоряжению начальника экспедиции в октябре 1914 года, было оставлено в числе других на вооруженных инженером Добровым судах.

Поход на юг был очень тяжелый, особенно по горным кряжам между Призреном и Монастырем, причем все это пространство пришлось идти вдоль боевой линии.

Начальствовавший отрядом капитан 2-го ранга Леванда решил во что бы то ни стало пройти к Монастырю, чтобы успеть выйти на железную дорогу и лишь только в крайнем случае свернуть на запад и, втянувшись в албанские горы, выйти на Скутари. Благодаря энергии капитана 2-го ранга Леванда и всех офицерских чинов, отряду удалось прийти в Монастырь ранее его занятия неприятелем и, при содействии бывшего там английского консула, получить право немедленного проезда по железной дороге через Грецию в Салоники в особом поезде, в котором оба отряда и часть отряда лейтенанта Семенова доехали со Салоник и почти немедленно по приезде были переведены на французский транспорт, в походе по горам, ввиду недостатка лошадей и волов и увеличения числа больных, пришлось много имущества, в том числе и личного, оставить сербским властям. На французском транспорте отряд был перевезен в Марсель, а оттуда направлен в Брест. В это время капитан 2-го ранга Леванда и состоявший в инженерном отряде младший техник морской строительной части Иваненко получили через русского морского агента во Франции распоряжение одиночным порядком выехать возможно скорее в Россию, где их предполагали назначить на Белое море, почему капитан 2-го ранга Леванда, передав начальствование отрядом капитану 2-го ранга Ильину, двигавшемуся во главе частей отряда лейтенанта Семенова, выехал с техником Иваненко и прапорщиком Сычевым из отряда лейтенанта Семенова, также получившим предложение возвратиться скорее, через Англию, Норвегию и Швецию в Россию.

Незадолго до выезда отряда из своей базы близ Тюприи отряду, по просьбе капитана 2-го ранга Леванды, были присланы из экс-

педиции деньги, но почему-то вместо всегда просимых отрядом русских денег, деньги были присланы сербскими бумажными кредитными билетами.

Принятый инженером Добровым порядок выдачи содержания русскими деньгами, при котором, по его сношении с сербскими властями, всегда можно было некоторую часть русских денег заменять в государственной сербской кассе по установленному довольно выгодному курсу 100 руб. за 280 динаров, был нарушен, и эта присылка денег из экспедиции сербскими кредитными билетами внесла большие затруднения, так как за пределами Сербии они нигде почти не принимались или принимались по очень низкому курсу.

Из Бреста отряд, соединившись еще с русскими миссиями, был отправлен морским путем вдоль берегов Англии и Норвегии в Александровск-на-Мурмане¹, куда от Морского министерства, по просьбе капитана 2-го ранга Леванды, были высланы полушубки и платье.

Отношение к инженерному отряду Сербской армии, сербского Верховного Командования и всей Сербии за все время было очень внимательное и во всем доброжелательное. За всеми работами, производимыми отрядом, ближайшее население всегда следило с напряженным вниманием. Общее уважение, которое заслужил в глазах Сербии начальник отряда и вверенный ему инженерный отряд, было отмечено выдачей начальнику отряда открытого листа, давшего отряду возможность получать в нужное время ото всех властей и всех общин полное содействие, возможность пересылать бесплатно всю корреспонденцию, посылать бесплатно все шифрованные и служебные телеграммы в Сербии и за границу, предоставившего возможность выдавать нужным лицам «объяву» для их свободного пропуска и бесплатного проезда по всей Сербии. Это уважение было отмечено дважды приемом начальника отряда и один раз представлением всего отряда Королю Сербии Петру I и представлением отряда Престолонаследнику Александру, которые при особом приеме начальника отряда выразили полное удовольствие работой отряда.

¹ Александровск-на-Мурмане (в настоящее время — Полярный) — город и порт на берегу Кольского залива в Баренцевом море, в 30 км от Мурманска.

Кроме того, отряд на принесенное Королю Сербии поздравление по случаю побед Сербских войск в Ноябре 1914 года удостоился следующей телеграммы¹: «Пуковнику Доброву. — Благодарю за поздравление — на службе, на честитци и изјаву — Петар»².

Главкомандующий Сербскими войсками и Престолонаследник Королевич Александр на поздравление с победами Сербского войска и с днем рождения Его Королевского Высочества, присланное от имени отряда, незадолго перед тем удостоенного высокомилоостивого приема Короля, почтил отряд телеграммоу: «Команданту инжењеријског одреда, пуковнику Петру Доброву — ви и ваша јединица примите моју топлу захвалност за честитке које сте ми упутили поводом мог рођендана — Александар»³.

От инженерного отряда были посланы следующие телеграммы: «Његовом Краљевском Височанству Престолонаследнику Александру — Удостојени јуче Високомилоостивом пажњом и пријемом Његовог Величанства Вашег Узвишеног оца, официри, подофицири и војници Руског инжењеријског одреда за посебну намену у Србији после свечаног Богослужења одржаног у присуству свих мештана сакупљених на челу са окружним начелником и војним командантом Ћуприје потпуковником Марковићем кличу Вам громогласно ура на дан Рођења и у част Вашег Краљевског Височанства и моле Вас да примите најдубље изразе радости и симпатија поводом великих победа, које су Ваши дични соколови под Вашом Врховном командом однели над заједничким непријатељем Словенства».

Так же внимательно относилось к отряду Сербское Верховное Командование в лице своего начальника штаба воеводы Радомира Путника, приславшего отряду телеграмму: «Инжењеријском пуковнику Доброву команданту инжењеријског одреда — Вама, официрима, подофицирима и војницима вашег одреда срдачно се захваљујем на послатој честитци са жељом да нам наши заједнички

¹ Данные телеграммы в документе приводятся на сербском языке с русским переводом отдельных сербских слов, не понятных русскому уху.

² «Полковнику Доброву. Благодарю за поздравление, за службу, поздравление и заявление. Петр».

³ «Командиру инженерного отряда, полковнику Петру Доброву — Вы и ваша часть примите мою теплую благодарность за поздравление, которое вы мне послали по поводу моего дня рождения. Александар».

напори до сада у новој години буду крунисани успехом за општу ствар — Војвода Путник»¹.

«Команданту инжењеријског одреда Рускому пуковнику Доброву — Са свима официрима, подофицирима и војницима повереног Вам одреда примите захвалност на честитци и поздрав — Начелник штаба Војвода Путник»².

Председателем Совета Министров Пашичем отряду было предоставлено право постоянного пользования как базой первоначально отведенным отряду помещением, которое он приспособил для своих нужд и где устроил баню, хлебопекарню и изоляционное помещение для больных, несмотря на все дальнейшие перемещения и стоянки отряда.

Кроме того, офицерскому составу отряда, по представлению Верховного Командования, в распоряжении которого состоял отряд, были пожалованы высокие Сербские ордена. Кондуктор флота, состоящий в отряде, получил орден Св. Савы 5 степени, а все низшие чины отряда первоначального состава — разные медали, жалуемые за военные заслуги.

Показателем того престижа, которым пользовался инженерный отряд инженера Доброва, может служить отзыв комиссии, приехавшей в Сербию для определения нужд расположенных в Сербии отрядов Морского Ведомства и определения потребностей их на зимнее время, которая сообщила отряду, что она встречала везде особенный прием и внимание, где обращалась со взятыми ею рекомендательными письмами инженерного отряда. Со стороны постоянного Высшего Представителя в Сербии Сербского Русского посольства и консульства, а также Русского военного агента отряд пользовался также большим вниманием и уважением, выразившемся также в присылке для низших чинов отряда к Рождеству и Пасхе денег на украшение елки, табаку и некоторого количества белья.

¹ «Инженерному полковнику Доброву, командиру инженерного отряда — Вам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам вашего отряда. Я сердечно благодарю за посланное поздравление, с пожеланием, чтобы наши совместные усилия через год уже увенчались победой. Воевода Путник.

² «Командиру инженерного отряда полковнику российской службы Доброву — Вместе со всеми офицерами, унтер-офицерами и солдатами подчиненно-го Вам отряда примите благодарность за поздравление и приветствие. Начальник штаба Воевода Путник».

Начальник экспедиции особого назначения капитан 1-го ранга флигель-адъютант Веселкин посетил со своим штабом отряд два раза 14 ноября и 3 июля, причем второй раз он произвел осмотр всех частей отряда, производимых отрядом работ и общий осмотр заготовленного имущества и выразил свое удовольствие, что было повторено в приказе № 1983 после доклада комиссии: «Назначенная мною комиссия под председательством капитана 2-го ранга Дедюхина, обревизовав строевую и хозяйственную часть инженерного отряда полковника Доброва, нашла таковые в блестящем порядке, что ставлю в заслугу как самого начальника отряда, так и заботливости господ офицеров и техников отряда. Счастлив объявить об этом по вверенной мне экспедиции. Флигель-адъютант Веселкин».

Комиссия капитана 2-го ранга Дедюхина из 6 человек, которой было поручено во всех отрядах Морского Ведомства, расположенных в Сербии, произвести смотр со строевой и хозяйственной точек зрения и установить общую отчетность, а также выяснить на месте зимние потребности отрядов, выразила одобрение тому порядку, который был установлен в отряде, и общему состоянию отряда, как с хозяйственной, так и со строевой точки зрения, что дважды высказал всем чинам председатель комиссии.

Инженерный отряд с ближайшим к своему месторасположению минным отрядом старш. лейтенанта Волковицкого установил вполне дружественные отношения и часто помогал этому отряду отпуском сахара, некоторых материалов и денег, хотя сам в июне и июле настолько нуждался в них, что пришлось задерживать выдачу содержания офицерским и низшим чинам отряда. Вместе с сим, по соглашению начальников этих отрядов, врач инженерного отряда имел наблюдения за санитарным и врачебным состоянием чинов минного отряда, куда он ежемесячно был командирован.

Состояние здоровья чинов отряда было, в общем, довольно удовлетворительное, кроме времени похода из Кралево в Монастырь. Баня, изоляционное помещение, дезинфекция помещений и чистка их способствовали сравнительно небольшому числу заболеваний тифом, которых было всего четыре, 2 возвратным и 2 сыпным, все без смертельного исхода. В мае и июне, по приглашению начальника отряда, французский врач-специалист произвел всем чинам отряда предохранительные прививки, сперва против брюшного тифа, потом против холеры.

Всегда свежая провизия, из которой приготавливалась привычная русская еда из большинства продуктов, приобретенных отрядом в России, поддерживала здоровье всех чинов отряда. Труднее было бороться с малярийными заболеваниями, бывшими в июле, августе и в сентябре, и с ревматическими, которыми переболели довольно много нижних чинов и офицеров, в том числе и начальник отряда, получивший малярию довольно сильной формы. Особенно эти заболевания давали себя знать во время похода из Кралево в Монастырь. Больные чины пользовались амбулаторным лечением при отряде, а более тяжелые были помещаемы под присмотр русских врачей в Окружную тюприйскую больницу, в больницу Петроградского славянского благотворительного общества и в больницы Московской и Петроградской миссий.

Флагманский врач экспедиции, сделавший 9, 14 и 19 июля медицинский и санитарный осмотр частей отряда, стоявших в разных местах, выразил полное одобрение как изготовляемой пище, так и размещению и содержанию отряда, расположенного тогда в 4 местах.

Состояние отряда в духовном отношении и вместе с сим в отношении его энергии составляло заботу начальника, офицеров и техников отряда и временами было довольно тяжелое; с одной стороны, работа вдали от родины в чуждых русской жизни условиях быта Сербии, а с другой стороны, не всегда правдивые известия о борьбе русского государства с врагами и ощущение некоторой заброшенности, — сказывались в непременном желании скорее покончить с упорной и не всегда видной инженерной работой отряда и вступить в ряды передовых сербских войск или четников, желание, с которым приходилось считаться и которое приходилось часто успокаивать и в себе самом начальнику и офицерам отряда, и в других чинах отряда. Вышеприведенная телеграмма с изъяснением благодарности Морского Министра, прием отряда Королем Сербии и Престолонаследником, посещение отряда Начальником инженеров Верховного Командования, изъяснение ими своего удовольствия работою отряда, доброе отношение к отряду русского посольства в Сербии и, наконец, отличие деятельности отряда высокими Сербскими орденами давали начальнику и офицерам отряда ту почву, которая успокаивала и ободряла чинов отряда в их работе. Некоторым разнообразием, успокаивающим людей отряда, служило

также празднование дней тезоименитства, Рождества, Нового года, Пасхи, посещение ближайшей церкви, в которой удалось устроить церковное пение чинами отряда, и возможно частые при этом обзоры военных действий, делавшиеся начальником отряда при обращении его к отряду, а также подробные ознакомления с этими действиями по карте его помощника инженера штабс-капитана Богомольца и ротного командира старшего техника морской строительной части штабс-капитана по Адмиралтейству Шустова.

Состав отряда с начала организации его несколько изменился, особенно офицерский состав, из первоначального числа которого до сентября остались лишь трое — начальник отряда, заведующий материальной и канцелярской частью, а потом и денежной, старший техник морской строительной части Волчанецкий и врач отряда — призванный из запаса врач Конаржевский. Кроме них, в сентябре месяце в отряде были 2 помощника начальника отряда, по инженерной части военный инженер штабс-капитан Богомолец и по строевой и хозяйственной кап. 2-го ранга Леванда, и.о. ротного командира и в то же время работающий по инженерному делу старший техник морской строительной части штабс-капитан по Адмиралтейству Шустов, на офицерской инженерной должности младший техник морской строительной части Иваненко и призванный по военно-судовой повинности один помощник капитана Русско-Дунайского пароходства. Нижних чинов, командированных из южных портов и несколько посланных из Балтийского экипажа, было в сентябре 173, при трех кондукторах, из коих один — Боржаков, бывший с самого начала, был один из самых достойных работников в отряде, и 2 других, присланных лишь в начале сентября для занятий должностей полуротных командиров. Кроме того, в сентябре было вольнонаемных и призванных по военно-судовой повинности 7 человек и прикомандированных к отряду как переводчики два серба «обавезника чиновничьего реда»¹ — люди вполне интеллигентные, воспитанники один русской Московской консерватории, другой Петроградской Академии художеств и один серб рядовой.

Инженер-полковник Добров.

РГАВМФ, ф. 609, оп. 1, д. 401, л. 1—13.

¹ Призывник с образовательным цензом.

10. Краткий обзор деятельности Экспедиции особого назначения, начиная с первого похода 1 октября 1914 года по 20 апреля 1915 года

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Отряд старшего лейтенанта Волковицкого

Отряд старшего лейтенанта Волковицкого, находящегося в Сербии в составе: 1) старшего лейтенанта Волковицкого, 2) лейтенанта Григоренко, 3) лейтенанта Якушева, 4) мичмана Черемисинова и 5) подпоручика сербской службы Карача — при 45 нижних чинах флота, имеет назначение устанавливать, по соглашению с Верховным Командованием Сербской действующей армии, минное заграждение в пределах от Железных ворот и выше по Дунаю и р. Саве вдоль Сербского побережья. Там же в нескольких местах установлены минные станции, оборудованные для стрельбы минами Уайтхеда. Цель отряда — парализовать свободу передвижения в этой части Дуная судов австро-венгерского флота и недопущение их к прорыву на нижний плес Дуная через Железные Ворота. Первая половина задачи блестяще выполнена отрядом: минное заграждение, умело поставленное со шлюпок, иногда с большим риском и под неприятельским огнем, уже в значительной степени ослабило речной флот. На минных заграждениях взорвались 2 австрийских монитора, «Темеш» и «Самош», и бронированный вооруженный пароход «Белград», стремившийся прорваться через Железные Ворота, чтобы доставить в Болгарию минный груз для Турции.

Нельзя не отдать дань должного уважения доблестной деятельности перечисленных г.г. офицеров, вверенных им нижних чинов, храбро, умело, с полным знанием дела и боевой остановки стоящих на страже чести и славы Русского оружия.

При сем представляю план обслуживаемого отрядом театра, — с достаточною ясностью изображающий места заграждения и мин (Приложение 1)¹.

2. Отряд старшего лейтенанта Семенова

Отряд старшего лейтенанта Семенова, офицера испытанной доблести еще в течение минувшей Японской войны, состоит из:

¹ Приложение 1 не публикуется.

штабс-капитана Земкевича, мичмана барона Унгерна-Штернберга, прапорщиков Елишкевича и Ставрова, — с двумя моторными катерами «Кинжал» и «Сабля» под командою лейтенанта Иванова 12-го¹, мичмана Шахова и парохода «Тирасполь» и баржи — казармы для 30 нижних чинов.

Отряд этот имеет назначением постановку минных заграждений, бонов с сетями у границы австрийского побережья у Железных Ворот на Дунае. Этому же отряду поручена охрана названных заграждений и уничтожение плавающих мин как неприятельских, так и срывающихся с минрепов мин нашего заграждения; для этой цели пароход «Тирасполь» вооружен двумя 47-мм и двумя 37-мм пятиствольными пушками Гочкиса и одним пулеметом, приспособленным для обстрела аэропланов. Кроме того, установлены наискосок от пограничного селения Верчиова две береговые батареи с двумя 75-мм пушками Канэ и двумя прожекторами.

Присланные на днях 30 донных гальванических мин сухопутного ведомства еще не установлены; работы по их установке идут теперь на местах, мною указанных.

Кроме шаровых мин морского ведомства, капитаном 2-го ранга Ильиным установлено заграждение австрийского речного типа на плавающих бревнах.

По окончательном оборудовании заграждений у Железных Ворот, мною будет представлен детальный план его (Приложение 2)².

Самая деятельная работа во вверенной мне Экспедиции несомненно падает на долю этого отряда. Неприятель на днях установил у Верчиова весьма сильный прожектор и два дальнобойных 10-дюймовых орудия, дальности которых хватает почти до Кладова, где базируется отряд старшего лейтенанта Семенова. На днях осколок одного из 10-дюймовых неприятельских снарядов упал вблизи нашей батареи, которую австрийским артиллеристам, к счастью, еще нащупать не удалось (Приложение 4)³.

¹ Чтобы различать однофамильцев, в административных органах Российской империи к фамилии прибавляли номер (согласно очередности поступления на службу).

² Приложение 2 не публикуется.

³ Приложение 4 не публикуется.

Неприятельские аэропланы, базировавшиеся около Оршовой, в количестве 17 штук ежедневно в течение целого месяца летали вдоль сербского побережья и, опускаясь для отдыха на болгарскую территорию у Лом-Паланки, возвращались обратно и ежедневно метали бомбы в суда нашего отряда. К счастью, попаданий ни разу не было, — бомбы ближе 40 метров не падали, лишь один осколок, представляемый при сем, попал на верхнюю палубу «Тирасполя». Для того же, чтобы не дать неприятельским авиаторам возможности легкой пристрелки, мною было предписано старшему лейтенанту Семенову как можно чаще менять места стоянки (Приложение 3)¹.

Ежедневные отражения атак неприятельского воздушного флота выработали в личном составе отряда поразительное хладнокровие и после приспособления пулемета к стрельбе под большим углом возвышения два неприятельских аэроплана, подбитые пулеметным огнем, сделав несколько неуверенных ныряний, вернулись обратно в Австрию, где, по непроверенным агентурным сведениям, не долетев до парка, спустились в горы, поломав себе крылья. Во всяком случае, после этого полеты значительно сократились и последнее время их совершенно не наблюдается.

По агентурным сведениям, часть этих аэропланов, по спуске на землю у Лом-Паланки, были погружены в вагоны и отправлены в Турцию.

Против наших минных заграждений неприятель принимает различные меры: спускает по течению пустые шаланды, к счастью, мелко сидящие, бревна с крючками и т.п. На днях были сорваны две наших мины, и по характеру разрыва минрепа можно с достаточной достоверностью заключить, что минреп перерезан. На днях к сербскому берегу у Брза-Поланка прибило мертвое тело неприятельского пловца в костюме водолаза с прибором на спине для сжатого воздуха, что давало ему возможность работать автономно и долго.

На днях при осмотре прапорщиком Ставровым нашего бонового заграждения у сербского берега им были усмотрены две жестянки с тротилом, привязанные к бону, с запалом и выведенным на сербский берег бикфордовым шнуром. Об этом обстоятельстве

¹ Приложение 3 не публикуется.

производится дознание сербскими властями. Жестянку с тротилом представляю (Приложение 5)¹.

Не подлежит сомнению, что места и характер нашего заграждения отчасти известны неприятелю, но одно лишь сознание неприятелем наличия заграждения и бдительности его охранения сыграли уже свою роль, вследствие чего главная цель, возложенная на вверенную мне Экспедицию, — помощь Сербии, доставка туда продовольствия и обратно боевого материала из Франции для нашей армии, — могла, с Божией помощью, быть осуществленной в полной мере.

3. Боевой отряд, разведочный отряд, караван и береговая разведка.

Конечно, каждый поход каравана в Сербию охраняется всеми доступными мерами военной предосторожности, каковыми является работа разведочного отряда. Впереди каравана, на расстоянии 3—4 миль, следуют два парохода, снабженные тралами Шульца и, кроме того, кошками, обследуют весь Дунай, тралят в устьях, на перекатах и местах, опасных по донесениям береговой агентуры, проходят кошками все дно реки на фарватере. О каждом сомнительном явлении немедленно предупреждается караван. Все плавучие предметы, как то: ящики, жестянки и т.п., — расстреливаются и уничтожаются. Ночные походы в местах сомнительных происходят лишь в светлые лунные ночи.

За разведывательным отрядом, немного впереди каравана, следует боевой отряд, состоящий из 2 пароходов «Граф Игнатъев» и «Румыния», вооруженных тремя 75-мм пушками Канэ, четырьмя 47-мм одноствольными пушками Гочкиса, двумя пулеметами и одним прожектором.

Все эти меры боевой предосторожности, вдобавок к ставшему известным всему австро-венгерскому коммерческому флоту моему обещанию принимать самые решительные и категорические меры к уничтожению всякой, хотя бы кажущейся мне, попытки враждебного маневра, возымели довольно ощутительные последствия: из всего огромного речного австро-венгерского пароходства только два парохода решаются теперь плавать по Дунаю или, вернее ска-

зать, поперек Дуная, поддерживая пассажирское движение между портами Рушукон на правом болгарском берегу и Ромоданом (Журжево) на левом, противоположном, румынском.

Все остальные австро-венгерские пароходы и баржи неподвижно стоят в затоках у Чефт Адалара и в Маченском рукаве в бесплодном ожидании более благоприятных времен.

Это обстоятельство учитывается мною, как большой успех, обеспечивающий нам в данное время владение рекой и дающий нашему русскому побережью Дуная возможность мирного преуспеяния.

Чем чаще будут совершаться походы наших судов в указанном боевом порядке, тем менее вероятны изменения создавшейся обстановки.

ТРАНСПОРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕДИЦИИ

Представляемая при сем картограмма в дополнение к подробной описи грузов, доставленных Экспедицией в Сербию, наглядно характеризует исполненную ею работу с 1 октября по сей день (Приложение 6 и 7)¹.

Походы назначались по мере накопления грузов или по, спешному для боевых целей Сербии, качеству его. Весьма ценным придатком к транспортному флоту Экспедиции явились купленные мною с разрешения Морского министра пять новых стальных барж, крупного для Дуная водоизмещения. Но если бы барж было еще больше, то не залеживались бы грузы в Рени, еще недостаточно оборудованном как порт для столь необычного для Рени транзита. Пока грузы выгружаются в Прахове, второй комплект барж нагружался бы в Рени, и буксирные пароходы, вернувшись за ними, поспевали бы доставить их в Прахово ко времени окончания разгрузки предыдущего каравана. Это бы вдвое ускорило работу. Все грузы, приходящие в Рени по железной дороге для отправки в Сербию, приходят по железнодорожным предложениям Управления военных сообщений, и на накладных указывается лишь адрес Экспедиции. Грузы эти, будь то зерновые продукты или боевые материалы, не имеют накладных с точным перечислением содержания укупленных мест, а идут под общими наименованиями, не дающими мне

¹ Приложение 5 не публикуется.

¹ Приложения 6 и 7 не публикуются.

точного представления о перевозимом, так, например, снаряды, или пушки, или патроны следуют под общим наименованием «артиллерийский груз».

Груз этот немедленно по прибытии в Рени, погружается на баржи, буде таковые к этому времени имеются в наличии, и все накладные проводятся по книгам Рениского агентства, где им ведется полная и тщательная регистрация. Но в чем, именно, заключаются эти грузы, приходящие под общим наименованием, в точности определить не удастся — вот почему я лишен возможности ответить на секретное предписание от 10 апреля сего года за № 5093/1217.

Об ожидающемся к прибытию грузе я почти никогда не получаю извещения, и он поступает обыкновенно неожиданно. По этому поводу я обратился к начальнику Военных сообщений Одесского военного округа с просьбой приказать извещать меня приблизительно о количестве и времени прибытия в Рени направляемого в Сербию груза, который просил присылать в Рени в количестве не более 60 вагонов в сутки. Это количество находится в соответствии с имеемой в настоящее время в моем распоряжении валовой силой, включая в нее Двадцатую рабочую железнодорожную роту, присланную для этой цели, по моей просьбе, распоряжением начальника Военных сообщений Одесского военного округа.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕДИЦИИ

По представлениям и ходатайствам Экспедиции со времени ее учреждения осуществлено следующее:

1) Учреждена должность И.д. Главноначальствующего города Рени с выделением как города, так и близлежащего Придунайского и Припрутского района в отдельную административную единицу. На должность эту назначен флота генерал-майор Майер с оставлением в составе вверенной мне Экспедиции по занимаемой им должности старшего моего помощника и начальника ренисской базы Экспедиции.

2) Учреждена должность коменданта железнодорожной станции Рени.

3) Командирована для работ по нагрузке и разгрузке 20-я железнодорожная рота, которая помещается в специально для того мною приспособленной барже.

4) Прислана команда 476-й пешей Херсонской дружины в числе 150 нижних чинов для хозяйственных работ и охраны грузов и портовых сооружений.

5) Ренисская почтово-телеграфная контора повышена в следующий высший разряд.

6) Увеличено с Нового года содержание служащим Русского Дунайского Пароходства.

7) Сооружены запасные пути и две грузовых платформы, и продолжен железнодорожный путь на две версты до места постройки пристаней и грузовых подъемников.

8) Строятся новые пристани, новые подъездные пути, нагрузочные приспособления, строятся новые мастерские на месте временных затопленных — и все это иждивением и средствами Министерства торговли.

9) Сооружена усердием добрых людей отрядная походная церковь на берегу в здании Агентства и назначен распоряжением отца Протопресвитера Георгия Ивановича Шавельского¹ иеромонах для исполнения священнослужительских обязанностей в Экспедиции. Благодаря этому весь личный состав Экспедиции, как плавающего, так и берегового состава, имел возможность отгосподеть.

10) Назначена в Рени от сухопутного ведомства приемная комиссия под председательством инженер-полковника Войновского-Кригера для приема и отправления прибывающих грузов из Салоник.

11) Учрежден врачебный карантинно-обсервационный пункт, столь необходимый в Рени, как единственном месте заграничного транзита.

12) С большим трудом удалось добиться действительных распоряжений о воспрещении выселения из пределов Империи через Рени подданных неприятельских государств.

ДОСТАВКА ГРУЗОВ, СЛЕДУЮЩИХ В РОССИЮ ЧРЕЗ САЛОНИКИ

В распоряжение помощника действительного статского советника Шебунина подполковника Новикова командированы мною в

¹ Шавельский Георгий Иванович (1871—1951). С 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства. Священнослужитель Православной Российской Церкви, впоследствии Русской православной церкви за границей.

Сербию два боцмана и пять хорошо грамотных нижних чинов, из числа охотников флота, для регистрации, сопровождения и наблюдения за перегрузкой в Зайчаре и Парачине следующих из Салоник грузов. Теперь это дело налажено, и никаких недоразумений по поводу этих грузов больше не происходит.

Список доставленных грузов из Салоник при сем представляется. (Приложение 8)¹. Не могу не отдать должной дани признательности инженер-полковнику Войновскому-Кригеру, который при своих больших технических знаниях и искреннем желании содействовать единодушно в общей работе приносит вверенному мне делу неоценимую пользу.

То же скажу и про его помощника капитана артиллерии Лашкова.

НЕДОСТАВЛЕНИЕ 200 ТОНН МЕДНОЙ РУДЫ ИЗ ЛОМ-ПОЛАНКИ

На следующий же день по получении телеграммы Вашего Превосходительства мною была послана из Прахово баржа на буксире парохода «Аграфена» при офицере.

Болгарские портовые власти не допустили сообщения с берегом под предлогом необходимости 21-дневного карантина для судов, идущих из Сербии, при чем Агент нашего пароходства сообщил, что никаких грузов не поступало. Тогда я послал баржу на буксире парохода «Аграфена» в Лом-Поланку уже из Рени и одновременно командировал старшего лейтенанта Бонди в Софию для переговоров личных с посланником и нашим военным агентом. Старший лейтенант Бонди донес мне, что немедленно по закупке руды нашим посланником из единственных медных рудников в Болгарии, но принадлежащих русскому подданному Кн. Маврокордато, министром финансов Болгарии был издан декрет, запрещающий вывоз медной руды, а Савинский убежден, что так как никакой другой руды в наличии нет и быть не может, то декрет этот направлен исключительно против нас. Не довольствуясь изданием этого декрета, болгарское правительство чрез подставное лицо наложило еще на эту руду запрещение в порядке гражданского судопроизводства, как бы в обеспечение прав гражданского истца. Иск этот дутый и фиктивный.

¹ Приложение 8 не публикуется.

Думается мне, что все это произошло от недостатка ловкости или чего либо другого, более серьезного, у агента нашего посланника в Болгарии, quasi-русского подданного, еврея Дунавца, который еще зимой так неудачно оперировал от имени Савинского с бараными шкурами, заказанными Военным ведомством, направив их чрез австрийскую транспортную контору в австрийские агентства в Рушук и Журжеве, и задержал нашу баржу и буксирный пароход на один месяц.

Вся телеграфная переписка с Вашим Превосходительством и с миссией в Софии велась шифром и в глубочайшей тайне, сама же операция производилась чрез неприятельских подданных, как, вероятно, и в данном случае — так как то лицо, которое о сем знать должно было — именно наш агент в Лом-Поланке г. Гуржи совершенно осведомлен не был. Между тем г. Гуржи человек испытанной верности и ловкости. Присланная в Лом-Поланку руда, сказывается, свалена во дворе какого-то болгарина.

При таких условиях трудно работать: два буксирных парохода и две баржи непроизводительно пропутешествовали в Лом-Поланку, потратив уголь и время в ущерб прямому делу.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДА ИНЖЕНЕР-ПОЛКОВНИКА ДОБРОВА

Деятельность этого отряда до сих пор заключается в подготовительных работах по постройке понтонного моста на случай необходимости его наведения для переправы сербов через Дунай.

Пока что наведен малый, на 19 понтонах мост через реку Мораву в г. Чуприя на главной артерии гужевого доставки материалов и припасов в действующую армию в Шумадии. Этот мост был наведен как для практики, так и для замены развалившегося старого моста.

При наличии имеемой в распоряжении полковника Доброва рабочей силы в 65 нижних чинов лота возможность наведения моста через Дунай в боевой обстановке весьма мало вероятна, почему всеми силами поддерживаю ходатайство инженера-полковника Доброва о присылке испрашиваемого им дополнительного количества нижних чинов.

Действительно, навести мост в 170 пролетов длиной 3—4 сажени каждый, дело далеко не столь простое, тем более в боевой обстановке и, может быть, под огнем неприятеля, где главным условием успешного наведения является быстрота работы.

Конечно, без существенной помощи сербов, такого моста никогда не навести, но приняв во внимание полнейшую непригодность сербов к работе на воде и, в частности, к работе с нашими, происходящей, главным образом, от тугости фонетической приспособляемости сербского простолюдина к русской речи, необходимо иметь опытных указателей из числа русских матросов, доказавших неоднократно свою пригодность на все руки.

Инженер-полковник Добров и его помощники поражаются универсальными способностями наших матросов, с которыми им, сухопутным по воспитанию и службе офицерам, впервые пришлось столкнуться на общей работе лицом к лицу.

Еще раз настаиваю на своих неоднократных и усердных просьбах о необходимости купить баржи. После войны они останутся на пользу Русского Пароходства на Дунае, а теперь можно было бы удвоить перевозоспособность Экспедиции. Относительно же того, что кн. Трубецкой берет на себя доставку грузов в Черногорию, — мне только легче и беззаботнее.

Но я не знаю, какие у него были для этой цели средства и люди, кроме «такта и опытности в сношениях с местными властями» (секретная телегр. Посланника в Сербии от 6/19 апреля 1915 г.)

Ясно, что как Шебунину, так и кн. Трубецкому, мне же придется помогать людьми и работой.

Флигель-адъютант капитан 1-го ранга
Веселкин

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3445, л. 158—164.

11. Рапорт В.А. Григоренко о действиях русского Морского отряда Экспедиции особого назначения в Белграде, сентябрь 1915 г.

Рапорт об отступлении отряда из Белграда.

Доншу Вашему Высокоблагородию, что 21 сего сентября около 11 часов утра над Белградом и ближайшими позициями появился неприятельский аэроплан типа «Таубе» и, несмотря на открывшийся жестокий огонь наших, английских, французских и сербских батарей, выпустивших по нему до 500 снарядов, продолжал спокой-

но летать над городом и позициями до 2½ часов дня. Произведя подробную разведку, аэроплан удалился. Вечером того же дня я с лейтенантом Гриценко отправился в крепость для осмотра и окончательного оборудования погребов и установленной нами накануне батареи из 2-х 75-мм орудий. Установка последних производилась в продолжение трех ночей с 18 по 21 сентября.

Во время установки орудий, несмотря на производимый нами шум, все же ясно и отчетливо мы слышали на австрийском берегу шум: от производства земляных работ, движения большого количества тяжелых телег или орудий, команды на немецком языке. Из крепости мы отправились на Дунайский Кей, где у нас находилась торпедная батарея из трех аппаратов с минами Уайтхеда. От дежурных минеров узнали, что и тут слышен такой же шум с противоположного берега Дуная, прислушавшись, мы различили движение большого количества людей. Об этом много было передано по телефону в штаб начальника обороны Белграда. Всю ночь с 22-го на 23-е на австрийской стороне были слышны взрывы большой силы, производимые через почти равные промежутки времени. Находившийся на минной станции прапорщик запасного электротехнического батальона Добромислов доложил мне, что неприятель производит подрывные работы у Земуна и по линии железной дороги, рассмотреть же, какие работы, из-за темноты не представлялось возможным. Произведено было более 25 взрывов.

Около 2 часов ночи неприятель обстрелял крепостной прожектор из тяжелого 9-дюймового орудия; три снаряда упали: один около прожектора, разбив зеркало, другой в 15 шагах от одной 75-мм пушки, а последний в 10 шагах от другой 75-мм пушки. Из прислуги никто не пострадал.

После известия о предполагаемом наступлении болгар на Сербию все тяжелые сербские орудия, которых и так было наперечет, были увезены. Остались только две русских 6-дюймовые пушки, присланные из Очаковской крепости при 10 унтер-офицерах Кронштадтской крепости, под командой Сербской армии майора Драгиши Ивковича, окончившего в России артиллерийскую Академию¹,

¹ Майор Драгиша Ивкович до Первой мировой войны учился в России. Москва—Србија, Београд—Русија: документа и материјали. Том 3. Друштвено-политичке и културне везе 1878—1917. Београд, 2012. С. 666.

и подпоручика Милько Павличевича, а также английских батарей 6-дюймовых орудий полевых и двух французских 6-дюймовых орудий под командой французского майора Пико, остальные орудия, защищавшие Белградский район, были легкие полевые орудия¹.

В этот день от начальника обороны Белграда я получил уведомление, что лейтенант Гриценко назначается начальником трех сербских моторных катеров, вооруженных 37-мм пятиствольными пушками Готчкиса, прибывшими 15 сентября из России, в помощь лейтенанту Гриценко назначен адъютант майор сербской армии инженер-капитан 2-го класса Боривой Корач. Задачей катеров было помешать ожидаемой ночью переправе неприятельских войск через реку Саву и Дунай.

Не прерывавшийся целый день артиллерийский огонь неприятеля к вечеру стал стихать и перешел в обыкновенную перестрелку. При стрельбе по острову Ада Циганлия неприятель употреблял снаряды с удушливыми газами, что видел я сам, а после подтвердилось при встрече с отравившимися ими.

Около 9 вечера прибыл адъютант генерала Живковича, начальника обороны Белграда с предупреждением, что в эту ночь катерам придется действовать. Около 2 часов утра 23 сентября неприятель открыл ураганный огонь, под прикрытием которого начал во многих местах переправу на сербскую сторону. Бывшие у Дунайского Кея на посту у минной батареи минеры, несмотря на то, что неприятель буквально засыпал весь берег снарядами, и что один из минеров был легко ранен осколками снаряда, а один серб-минер, находившийся у меня в отряде и дежуривший у мин, был убит, продолжали оставаться на посту и отошли только тогда, когда узнали, что неприятель перешел вторую линию окопов, причем перед уходом мины были выпущены по течению. Сербские моторные катера, а равно и наш «Кореец», подвозившие с наступлением сумерек амуницию на остров Ада Циганлия, не смогли помешать переправе неприятеля, так как к этому времени были разбиты и потоплены огнем неприятеля.

Около 3 утра прапорщик Добромислов сообщил по телефону, что одна минная станция разбита снарядом и горит, а остальные две усиленно бомбардируются. Я приказал держаться, сколько возможно будет, и в случае переправы неприятеля в этом месте взорвать мины.

¹ *Мирчић М.* Страницы у одбрани Београда. Агонија Београда. С. 533—541.

После этого телефонная линия, исправляемая с начала бомбардировки телеграфистами запасного электротехнического батальона, оказалась перебитой во многих местах и сообщения перестали поступать.

С рассветом огонь, число выстрелов которого доходило свыше сотни в одну минуту, начал стихать. Выяснилось, что наступление неприятеля удалось отбить всюду, кроме Дунайского Кея, куда неприятелю удалось перейти в большом количестве и хорошо окопаться. Около 9 утра огонь возобновился с прежней силой, причем неприятельские батареи систематично обстреливали не только батареи, позиции и город, но и все ведущие к Белграду дороги. Выяснилось, что неприятель располагает орудиями 14-дюймового калибра¹. Ввиду того, что телефонные сети были перебиты, мне, лейтенанту Гриценко и особенно часто капитану 2-го класса Корачу пришлось для поддержки связи под ураганным огнем посещать батареи в крепости и посты, где находилась команда. Около 2 часов дня неприятелю удалось подбить нашу батарею 6-дюймовых орудий, неприятельские мониторы, заметив, что батарея больше не отвечает, приблизились к крепости и, открыв огонь, привели в полную негодность и сбили с установок оба орудия. Подпоручик Милько Павичевич был тяжело ранен в грудь, живот, ногу и руки. Фельдшер отряда Александр Кодинцев на автомобиле отвез раненого офицера в американскую больницу, которая все время, несмотря на поднятые над ней флаги Североамериканских Соединенных Штатов и Красного Креста, подвергалась бомбардированию неприятеля. 75-мм батарея, совершенно открытая, начала успешную стрельбу по мониторам, заставив один монитор, поврежденный огнем, уйти за Земун с помощью моторных катеров и другой, тоже подбитый нашими 75-мм орудиями, выбросился на австрийский берег. Расстреляв все снаряды, прислуга орудий вынула замки, сняла прицелы и отошла за прикрытия².

¹ «Толстая Берта» (нем. Dicke Bertha) — тяжелая гаубица, которую накануне Первой мировой войны начал производить германский оружейный концерн Круппа. Неразорвавшийся снаряд калибра 42 см, упавший на белградскую крепость во время бомбардировки октября 1915 г., хранится в экспозиции Военного музея в Белграде.

² О тяжелых повреждениях мониторов «Enns» и «Temes», на которых в тот день погибло 6 и было ранено 9 моряков, пишет и австрийский автор. *Вулф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. С.-Петербург, 2004. С. 32—33.

Мониторы и береговые батареи продолжали обстреливать батарею, и к вечеру оба орудия оказались тоже разбитыми. Минные станции на реке Саве весь день обстреливались снарядами большого калибра. Результатом обстрела был пожар двух станций. Кроме того, неприятель установил на противоположном берегу реки пулемет, который, заметив малейшее движение на станции, открывал огонь.

Несмотря на эти тяжелые условия, а также на отсутствие пищи, подвезти на станцию которую было невозможно, прапорщик Добромислов продолжал держаться. К вечеру неприятель открыл огонь из всех батарей настолько сильный, что нельзя было различить отдельные выстрелы. Огонь продолжался всю ночь, и под его прикрытием неприятель начал переправляться на шпонках и на этот раз занял несколько запасных позиций. Утром 24 сентября я и начальники других иностранных отрядов были вызваны в штаб обороны Белграда, где мы получили приказание отступить из Белграда, так как решено было временно его очистить для уменьшения линии обороны. Так как в моем распоряжении были очень незначительные перевозные средства, то лишь благодаря любезности английского адмирала Трубриджа, предоставившего в мое распоряжение свой грузовой автомобиль, удалось вывезти самые важные грузы.

Остальные грузы удалось вывезти только вечером, когда батареи, оборонявшие Белград, уже были принуждены к молчанию, а потому, пользуясь затишьем, можно было послать груз по дороге на Торлак, которая с наступлением сумерек перестала обстреливаться. На дороге лежали разбитые телеги, убитые люди и лошади. Около 8 вечера вверенный мне отряд прибыл на Торлак. 25 сентября я отправился в Белград, осмотрел оставленную канцелярию и убедившись, что все или сожжено, или взято с собой, отправился на «Топовскую шупу», где хранились мины заграждения и Уайтхеда, которые, за неимением перевозочных средств, приказано было зарыть в землю. Приказание было исполнено, хотя местность кругом «Шупы» все время обстреливалась орудийным огнем. Одновременно с этими закапывались и мины Уайтхеда, ремонтировавшиеся на сахарной фабрике Вшетечека. Когда все имущество вверенного мне отряда было частью вывезено, частью закопано в землю, я получил приказание отступить в Чуприю. Получив приказание лично захватить в Верховное Командование, я поручил довести отряд

в Чуприю лейтенанту Гриценко, а сам отправился на автомобиле в Крагуевац, оттуда в Чуприю. Отряд отправлен был мною на Ресник, согласно приказанию начальника обороны Белграда, пешком, а в Реснике должен был погрузиться в вагоны.

Так как вся линия была занята проходившими воинскими поездами, то на первой же станции Рипань пришлось простоять около суток. Во время стоянки поезд был атакован аэропланом, который бросил бомбу, разорвавшуюся около вагона, осколками бомбы был убит один и ранены 18 человек сербов. На станции Рача к отряду присоединились артиллеристы Белградской крепости, получившие приказание отступать лишь тогда, когда крепость была окружена уже неприятелем. Благодаря только случайности и счастью, которое всюду сопровождало отряд и русских вообще, удалось уйти из крепости и избежать гибели или плена. Около 10 часов утра 27 сентября вверенный мне отряд прибыл в Чуприю. Считаю долгом доложить, что все офицеры и нижние чины вверенного мне отряда за все время бомбардировки своими действиями способствовали выполнению возложенного на отряд поручений и заданий и вполне заслуживают благодарности и награды.

Старший лейтенант Григоренко

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3445, л. 39—42.

12. Донесение капитана 2-го ранга Б.П. Ильина о действиях морских отрядов Экспедиции особого назначения с момента начала бомбардировки г. Белграда, сентябрь—ноябрь 1915 г.

Секретно¹

Начальнику Морского Генерального штаба

Первым предвестником активных действий со стороны неприятеля послужило приказание Верховного Сербского Командования 18-го сентября снять все 8 минных аппаратов на реке Саве выше

¹ *Ильин Борис Павлович* (1880—1936) — офицер русского флота. Капитан 1-го ранга с 1913 г. Участник Гражданской войны в Сибири. Эмигрировал в Югославию и жил в городе Нова Пазова.

г. Шабац и ожидать дальнейших приказаний об их установке. В это же самое время на одной из уцелевших стен старой Белградской крепости у нас начались работы по установке двух 75-мм орудий. На установку этих орудий я получил разрешение от начальника Экспедиции, и на них возлагалась задача отгонять стрелковые цепи неприятеля от берега; эти стрелковые цепи постоянно обстреливали из окопов наших людей во время смены мин и вообще, когда по каким-либо обстоятельствам им приходилось приближаться к берегу. Выбрав место для орудий и проследив за ходом работ в течение первой ночи, я на следующий день уехал в г. Шабац, чтобы осмотреть мины и выбрать новое место для минных батарей и минного заграждения. Вот почему я отсутствовал при отступлении отряда из Белграда, а потому представляю при сем Вашему Превосходительству донесение старшего лейтенанта Григоренко, оставшегося до последней минуты в городе Белграде¹.

Приехав в Шабац, я застал нашу минную батарею в момент ее прибытия в этот город; люди и волы прошли в течение суток 40 километров по тяжелой дороге, вследствие чего крайне утомились и требовали отдыха, каковой я и разрешил на один день. На эти батареи возлагалась задача не допустить австрийским мониторам спуститься вниз по реке Саве до г. Обреновца, где ожидалась переправа австрийских войск. Работа по установке аппаратов могла вестись только ночью, благодаря чему к моменту прохода мониторов и через два дня мы успели поставить только четыре минных аппарата. К сожалению, стрельба из этих аппаратов не увенчалась успехом, что отнюдь нельзя было поставить в вину личному составу. Причиной этому послужило то обстоятельство, что два австрийских монитора, пройдя прицельную линию, которая составляла с линией стрельбы угол около 40°, тотчас же повернули за остров и встали на якорь. Две мины поэтому не попали в цель, одна взорвалась на пути, а последняя не вышла из аппарата; как выяснилось потом, наделка на вертикальном пере заклинилась в т-образной дорожке аппарата. Аппаратам-решеткам я вообще не доверял, и этот случай подтвердил мои предположения о ненадежности этого рода приспособлений. В Кладовском отряде, в котором, по некоторым

¹ Вышеприведенный документ.

стечениям обстоятельств, я провел почти все время в бытность свою в Экспедиции, все решетки были мною заменены трубчатыми аппаратами на понтонах. Минное заграждение той же команды, под командой прапорщика Сычева, удалось поставить лишь на следующий день, после прохода этих мониторов, т.е. 26 сентября, задержка произошла по вине сербских начальников, направивших понтоны окружным путем и опоздавших поэтому на несколько часов. После прохода мониторов я тотчас же направил оставшиеся два исправных минных аппарата к городу Обреновац и установил их у деревни Скела, где за островом того же имени укрывались оба монитора и обстреливали анфиладным огнем сербские окопы. Решено уже было перенести аппараты на остров, ибо мониторы не выказывали желания выходить из-за него, как было приказано отступить на Чуприю. Позиция этой батареи была очень удобна, хотя и находилась в районе ружейного и орудийного обстрела неприятеля, переправлявшегося уже на наш берег. Таким образом, действия Шабацкого отделения (15 человек) не увенчались успехом, хотя со стороны личного состава были проявлены героические усилия и несомненная самоотверженность. Ни голод, ни отсутствие крова, ни свист пуль и снарядов не могли ни на минуту приостановить работы. Я видел эту работу наших матросов, и мне приятно донести от этого Вашего Превосходительству. Еще до отхода этого отряда меня вызвало в Крагуевац Верховное Сербское Командование, где я получил приказание минировать и взорвать Железные ворота. Операция эта давно еще мною представлялась на утверждение, но разрешена не была. Теперь же, когда железная дорога от Неготина до Зайчар был уже занята болгарскими войсками, доставка взрывчатых веществ, да и сам переезд был снаряжен с большими трудностями и промедлением; автомобили могли следовать по этому пути только ночью, ибо днем вся дорога обстреливалась. Тогда же, в Крагуевце я узнал, что весь Краинский сербский отряд, состоявший из 4-х полков пехоты при 22 орудиях, покинул свои позиции у Железных ворот и перешел к болгарской границе, оборона же Кладовского района был поручена Русскому отряду, состоявшему под командой старшего лейтенанта Семенова. Принимая во внимание то обстоятельство, что наш Белградский минный отряд, прибывавший в то время по частям в Чуприю, потерял всякое боевое зна-

чение, я решил перевести его в Кладово для подкрепления отряда старшего лейтенанта Семенова.

Обстановка же вещей в течение следующих 3-х дней изменилась как раз наоборот, а именно: проезжая на автомобилях через крепость Зайчар, я получил уже приказание от Верховного Командования перевести все орудия из Кладово в Зайчары. Из этого приказа следовало понять, что оборона железной дороги уже не ставилась в задачу нашему Кладовскому отряду и центр сосредоточивания всех сил назначался между Зайчарами и Ягодиной. Ягодина — это природная, очень сильная позиция, далее которой сербы отступать не намеревались. И действительно, по приезде в Кладово, я застал нашу первую батарею из двух 75-мм орудий под командой лейтенанта Якушева, уже погруженную на автомобили и собирающуюся в путь. Не теряя надежды успеть заложить мины под Железные ворота, мы тотчас же приступили к работе. Австрийцы в то время устанавливали 9-дюймовые орудия против наших батарей и, по сведениям наших агентов, подвозили войска и собирали понтоны. Мы уже снимали наши орудия, а потому всем было ясно, что дни наши сочтены, и что даже мало-мальского сопротивления мы оказать будем не в состоянии. При таком нервно-напряженном наступлении духа мы в течение трех ночей вели подкоп канала. Работа мало спорилась, грунт оказался неблагоприятным, и туннель был доведен к 11 октября лишь наполовину, когда неприятель начал переправляться через Дунай. К этому моменту почти все наши батареи были погружены уже на телеги и приближались к городу Кладово. За полным отсутствием волов и телег и вследствие крайне гористого местоположения противозаэроплановой батареи, состоявшей из четырех орудий, ее пришлось уничтожить; самая же ближайшая к неприятелю батарея, два 75-мм настильных орудия, была еще накануне положительно скрыта неприятельскими снарядами. Наступление неприятеля удалось все же задержать на целый день, благодаря чему все жители города Кладово успели переправиться на румынский берег. Все имущество и вооружение отряда было погружено на баржи. Неприятелю могли достаться со временем только донные мины, взрывать которые я не приказал, ибо взрывы их уничтожили бы и все остальные семнадцать штук, которые были только что накануне поставлены.

Получив в тот же день приказание Верховного Командования отходить на Чуприю, отряд спустился по Дунаю до Прахово, куда и прибыл в ту же ночь. Ко времени его прихода в Прахово мне удалось достать пять грузовых автомобилей и двадцать пар волов, на которые мы погрузили орудия и прочее. В тот же день, еще утром, при моем свидании со старшим лейтенантом Драшусовым, комендантом пристани в Турн-Северине, я узнал от него, что начальник Экспедиции, ныне контр-адмирал Веселкин, высказал желание, чтобы русские отряды, находившиеся в Сербии, отступали бы вместе с сербской армией и присоединились бы к ней для совместных действий. На основании этого, а также и последней его телеграммы, в которой подтверждалась наша полная подчиненность Верховному Сербскому Командованию, я отдал приказание старшему лейтенанту Семенову высадиться десантом и следовать немедленно со всем отрядом по направлению к Зайчарам. И вот началась спешная выгрузка провизии и всех оставшихся у нас орудий и пулеметов. Через час первые два автомобиля с одним 75-мм орудием и запасом снарядов были нагружены, а также заканчивала снаряжение и пулеметная полурота под командой лейтенанта Иванова 12-го, составившаяся из двух горных 75-мм орудий, снаряженных с моторных катеров «Сабля» и «Кинжал», и трех пулеметов. Всего могло идти в десант немного более двухсот человек при шести офицерах. Видя такие быстрые сборы, можно было быть в полной уверенности, что через 3—4 часа отряд в полном снаряжении выступит в поход. Поэтому я на первом же автомобиле отправился вперед с донесением и на рекогносцировку. Пунктом сбора нам был указан Салаш, и начальник Краинского отряда полковник Дмитриевич, находившийся теперь со своей бригадой на линии Неготин—Зайчары, еще вечером был со мною в телефонной связи, а потому знал о времени высадки нашего десанта. Прибыв утром в село Салаш, я застал там небольшие части Краинского отряда, и вся дорога от Неготина была еще совершенно свободна для передвижения войск. Отправив орудия в Зайчары, я остался сам в Салаше, с минуты на минуту ожидая приближения нашего десанта. По обстоятельствам, оставшимися для меня до сего времени неизвестными, из всего отряда выступил в глубь страны лишь лейтенант Иванов с 22 нижними чинами, имея при себе две горных пушки и 3 пулемета. Желая разузнать

причины невыступления отряда старшего лейтенанта Семенова, я отправился в обратный путь на автомобиле; по дороге узнал, что Неготин уже занят болгарскими войсками, и что сербы отступают. И, действительно, в скором времени показались обоз и пехота. Не оставалось никакого сомнения, что наш Кладовский отряд оказался отрезанным — и ничего не оставалось делать, как следовать на соединение с Белградским отрядом.

По прибытии в Чуприю, я узнал, что сербские войска северного фронта все время отступают, перестрелка уже ясно была слышна в Чуприи, а потому я отдал распоряжение собраться отряду в поход и немедленно выступить в Крагуевац, куда перебралось уже и Сербское Верховное Командование. Вести свой отряд в линию боя не имело никакого смысла, ибо, по отзывам раненых сербских офицеров, немецкие войска их теснили только одной артиллерией с дальних дистанций; не было ни одного раненого ружейной пулей. В тот же день, т.е. 13 октября, наша 75-мм батарея, отправленная первой из Кладово, возвращалась с Ягодинских позиций, не будучи даже там установленной. Инженерный отряд капитана 2-го ранга Леванды уже был готов к выступлению и следованию, по предписанию Верховного Командования, в Кралево. Мы соединились и тронулись пешком в Крушевац. В Крушевце я получил словесное приказание от Верховного Командования следовать с отрядом в Битоль, а 21-го октября и письменное предписание, копию коего при сем представляю. До этого последнего дня Верховное Командование не теряло надежды получить от России помощь и надеялось вернуть в скором времени потерянную территорию. Но после поражения Дунавской дивизии и потери всей его амуниции положение вещей настолько сильно изменилось в худшую сторону, что о переходе в наступление никто и не мыслил. Одно время весьма осведомленные личности при Верховном Командовании поговаривали даже о капитуляции армии. Между тем, болгары уже 20 октября перерезали путь у Урошевца, и единственный выход из Сербии оставался через Призрен и Албанию. Еще несколько дней ранее по этому пути выступил французский отряд, бывший с нами в Белграде, а за ним и английский. Все иностранные миссии Красного Креста также покидали Сербию. Наш отряд отходил последним, передвигаясь из Кралево и Рашки на Митровицу, одновременно

с Верховным Командованием. Отсутствие продовольствия и помещений ставило всех в крайне тяжелые условия жизни: промедление каждого дня отзывалось, прежде всего, на ежедневной выдаче хлеба. Надо было идти, чтобы захватить хлеб на складах, иначе можно было рисковать — не получить хлеба вовсе. Весь переход от Кралево до Битоля был сделан в 18 дней и равнялся 480 километрам.

На одной трети пути — в Аумкуле — пришлось бросить весь воловий обоз и взять с собой лишь самое ограниченное число выючного скота. Все вещи офицеры бросили или раздали наиболее нуждающимся нижним чинам. По пути пришлось оставить двух больных нижних чинов запасного электротехнического батальона, рядовых Леонида Тихоновского и Иосифа Мулярчика. 5 ноября, совершив последний суточный переход в 78 километров, пришли в Битоль, откуда в тот же день, благодаря любезному содействию английского консула Грейга, получили заказной поезд и переехали за границу. Через день прибыл в Салоники и другой наш эшелон под командой капитана 2-го ранга Леванды, и того же 7 ноября все вместе отбыли, по приказанию командующего соединенным флотом в Марселе, на пароходе «Дитвеа».

Донося обо всем вышеизложенном Вашему Превосходительству, позволяю себе коснуться еще одного важного обстоятельства, побудившего меня во что бы то ни стало покинуть Сербию.

Как известно, Россия не разрешила Сербии напасть на Болгарию, когда последняя мобилизовывалась, и тем заставила сербскую армию принять бой одновременно на два фронта и, наконец, обещала ей помощь с той или другой стороны, но помощь эта так и не подошла. Естественно, что сербское правительство и народ не могли отнестись к этим фактам равнодушно, и озлобление на нашу политику перенеслось постепенно и на нацию, представителем коей были все наперечет. И мне дважды пришлось в Верховном Командовании выслушать и ропот, и упреки от лица высших сфер, стоявших во главе управления страной. С началом военных неудач изменились круто и взаимоотношения между офицерами и нижними чинами, а в последние дни перешли в открытую неприязнь. При таких условиях оставаться в иностранной армии было нельзя — надо было уходить.

Капитан 2-го ранга Ильин.

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3445, л. 54—59.

13. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды, сентябрь—ноябрь 1915 г.

Петроград, 12 декабря 1915 г.

8 сентября. За отъездом в отпуск полковника Доброва, вступил во временное командование Инженерным отрядом Экспедиции особого назначения.

Личный состав: 2 обер-офицера, 2 техника, 1 врач, 3 старших береговых боцмана, около 170 нижних чинов и 6 вольнонаемных.

Материальная часть: Материал для наводки 1000 метров моста и 3 моторных катера.

Боевые средства: 1 75-мм орудие на судовой установке, 2 пулемета Максима на лафетных установках, 220 винтовок и запас снарядов и ружейных патронов.

Распределение материалов: В Чуприи — $\frac{1}{2}$ мостового материала и все наличное имущество отряда.

В Обреновце: — $\frac{1}{2}$ мостового материала, 3 моторных катера.

Деятельность личного состава и его распределение.

80 % — на работах в селе Громады по постройке железнодорожного моста на новой линии Ниш—Княжевац.

15 % — Для обслуживания базы отряд в Чуприи и наведенного на реке Мораве моста.

5 % — Для обслуживания в Обреновце 3-х катеров и мостового материала на реке Колубаре.

9 сентября. Получил приказание Верховного Командования, ввиду эвакуации Обреновца, перевезти катера и мостовой материал из Обреновца в Чуприю и приступить к починке испорченных колоков.

12 сентября. Команда, находившаяся на работах в с. Громаде, закончив постройку железнодорожного моста, прибыла в Чуприю.

19 сентября. Отправил в распоряжение капитана 2-го ранга Ильина, 75-мм орудие, снаряды и 3 комендоров для усиления батарей в Белграде.

23 сентября. Закончена перевозка катеров и мостового материала из Обреновца в Чуприю.

По донесению штурмана дальнего плавания Шевченко, руководившего отправлением катеров и колоков из Обреновца, последняя

погрузка таковых на станции в Обреновце была произведена под сильным огнем противника из тяжелых орудий.

27 сентября. Прибыл в Чуприю из эвакуированного Белграда минный отряд под командой старшего лейтенанта Григоренко.

30 сентября. Прибывший в Чуприю капитан 2-го ранга Ильин выехал в Кладово для производства подрывных работ на Дунае.

1 октября. Навел 2-ой мост на реке Мораве в Чуприи.

4 октября. Получил приказание Верховного командования все имущество и отряд отправить поездом в Кралево, мостовой материал оставить на месте в Чуприи, для наблюдения за мостами и их исправностью оставить в Чуприи одного обер-офицера, одного кондуктора и 50 нижних чинов, уничтожение мостов возлагается на сербскую минную команду, для усиления же наблюдения за мостами к остающимся чинам инженерного отряда придается сербская команда с офицером.

8 октября. Отряд и все имущество перевезено в Кралево. Для наблюдения за исправным состоянием мостов оставлен в Чуприи русско-сербский отряд под командой штабс-капитана Богомольца.

10 октября. Распоряжением Верховного командования общее командование русско-сербским отрядом в Чуприи передано сербскому майору.

12 октября. Верховное командование перешло в Крушевац.

13 октября. По настоянию военных агентов России, Франции и Англии, Верховное командование приказало отрядам указанных держав в их полном составе отойти в тыл страны на линию Нови-Пазар-Митровица. Инженерному и минному отряду собраться в Кралеве, сдать все имущество местным властям, и, получив от местных властей обоз, приготовиться к уходу в Нови-Пазар или Митровицу.

15 октября. Инженерный и минный отряды собрались в Кралево. По донесению прибывшего штабс-капитана Богомольца, оба моста на реке Мораве с 13 числа обслуживались исключительно сербскими понтонерами.

По частным сведениям от беженцев из Чуприи, оба моста, ввиду сильного разлива Моравы 14 числа, сорваны и унесены течением.

17 октября. По распоряжению нашего посла Князя Трубецкого, находившегося с сербским правительством в Кралево, чинами Инженерного отряда уничтожен архив посольства.

18 октября. Местные власти в Кралево отказались от снабжения отрядов обозами, почему таковые были приобретены покупкой, о чем послано донесение Верховному командованию.

Все имущество Инженерного отряда и катера, по приказанию Верховного командования, переданы под расписку мастным властям.

Со всех 3-х катеров сняты карбюраторы, клапана и прочее, и, по моему приказанию, снятые части зарыты.

Того же числа Минный отряд под командой капитана 2-го ранга Ильина, вернувшегося еще ранее из Кладово, выступил на Нови-Пазар.

19 октября. Получил приказание Верховного командования выступить на Нови-Пазар, где и ожидать дальнейших приказаний.

21 октября. Отряд прибыл в Рашку, где того же числа состоялось новое совещание агентов союзных держав, на котором присутствовали капитан 2-го ранга Ильин и я.

Совещание установило, что Сербская армия, хотя и не уничтожена противником, но лишилась почти всех боевых и продовольственных запасов, каковые не были своевременно вывезены из Моравской долины, почему отрядам союзных держав следует немедленно уходить через Митровицу на Битоль для следования в Солунь, куда уже и выступил из Митровицы Белградский Французский отряд.

22 октября. Получил приказание Верховного командования следовать в Россию. В этом последнем приказании Верховного командования Инженерному отряду указываются пункты пути Митровицы, Призрень, Битоль и Солунь, отдается распоряжение всем местным властям на пути следования отряда оказывать возможное содействие во всех нуждах и объявляется благодарность русскому правительству за помощь, оказанную Инженерными отрядами сербам.

Такое же пламенное приказание получил для своего отряда и капитан 2-го ранга Ильин.

Того же числа начальник инженеров полковник Иованович, передавая мне последнее приказание Верховного командования, сообщил, что оба моста Инженерного отряда в Чуприи действительно были сорваны и унесены наводнением 14 октября.

23 октября. Согласно полученному приказанию, отряд выступил на Митровицу.

24 октября. Оба отряда пришли в Митровицу, где, согласно указанию Верховного командования, сдал оба пулемета.

25 октября. Представленным местными властями поездом оба отряда перевезены к ст. Еридовичи, у которой шел бой сербских войск с наступающими на Еридовичи болгарами.

В тот же день по выгрузке из вагонов, отряды самостоятельно выступили на Призрень.

26 октября. Отряд пришел в Призрень.

27 октября. Дневка в Призрене.

28 октября. Отряд выступил на Лум-Кулу — селение, находящееся в Албании, куда отряд пришел в тот же день.

29 октября. Передал Сербским местным военным властям в Лум-Куле весь колесный обоз, взамен которого получил выучный и выступил на Дебар.

30—31 октября. На пути в Албании пункты ночевки — селения Бицан, Васьяб, Пишконся; этот переход представлял самую тяжелую часть пути.

1 ноября. Отряд пришел в Дебар.

2 ноября. Дневка в Дебаре. Пришедший почти одновременно в Дебар Минный отряд выступил на Стругу.

3 ноября. Выступил на Стругу, куда и пришел к вечеру того же дня, сделав 52 км. Минный отряд уже ушел далее на Битоль, и встреча отрядов произошла 7 ноября уже в Солуни.

4 ноября. Отряд пришел в Охриду.

5 ноября. Отряд пришел в Ресан.

6 ноября. Отряд пришел в Битоль.

Ввиду предстоящей эвакуации Битоля, русский консул уже находился в Солуни, и для отправления отряда поездом через Грецию в Солунь пришлось обратиться к английскому консулу г. Грейгу, который выхлопотал специальный поезд, дав возможность в тот же вечер выехать на Солунь.

7 ноября. Отряд прибыл в Солунь, прямо с вокзала был направлен капитаном 2-го ранга Ильиным на французский транспорт, который в тот же день отправился в Марсель; на втором транспорте был отправлен в Марсель Белградский Французский отряд.

14 ноября. Оба отряда высадились в Марселе.

Из первоначального состава отряда только 5 тяжело больных нижних чинов оставлены в разных госпиталях Сербии, с тем, что по выздоровлении они останутся при госпиталях в качестве санитаров.

Капитан 2-го ранга Леванда.
РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3462, л. 88—90.

14. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды, сентябрь—октябрь 1915 г.

Петроград, 29 декабря 1915 г.

На сформированный осенью 1914 года Морским министерством Инженерный отряд Экспедиции особого назначения было возложено оборудование в Сербии из русских материалов для переправы сербских войск через Дунай моста на каюках в 1000 метров длины. Задача эта в течение зимы 1914 года была Отрядом выполнена, половина заготовленного материала была оставлена в базе Отряда в г. Чуприи, для обслуживания переправы через р. Мораву в этом пункте, а другая половина и три моторных катера были перевезены по железной дороге в г. Обреновац, где планировалась переправа на австрийский берег.

Будучи командирован в августе 1915 года в Инженерный отряд, я, за отъездом в месячный отпуск в Россию начальника Инженерного отряда полковника Доброва, 8 сентября 1915 г. вступил во временное командование Инженерным отрядом. К этому времени почти весь личный состав Отряда: 2 обер-офицера, 2 техника морской строительной части, 1 врач, 3 старших береговых боцмана, около 170 низших чинов и 6 вольнонаемных русских, — находился на работах в селении Громада на постройке железнодорожного моста на новой линии Ниш—Княжевац, в базе же отряда и в Обреновце находилась только незначительная часть отряда, обслуживающая эти пункты.

9 сентября, ввиду получения сведений о подготавливавшемся наступлении австро-германских войск и осложнений с Болгарией, Инженерному отряду было приказано эвакуировать из Обреновца

весь мостовой материал и катера в Чуприю, куда собрать и весь личный состав отряда.

Перевозка из Обреновца в Чуприю мостового материала и катеров, из-за недостатка в подвижном составе железных дорог, вызванного усиленной перевозкой сербских войск на болгарскую границу, была закончена лишь к 23 сентября, причем, по донесению штурмана дальнего плавания Шевченко, руководившего погрузкой и отправлением катеров и каюков из Обреновца, последняя погрузка на станции Обреновац была произведена под сильным огнем противника из тяжелых орудий.

Прибывающий из Обреновца мостовой материал спешно исправлялся, дабы в случае необходимости обеспечить переправу сербских войск через Мораву.

С падением Белграда и Пожаревца началась эвакуация Крагуевца и всей северной части Моравской долины.

Прибывший 27 сентября в Чуприю из занятого неприятелем Белграда Минный отряд Экспедиции особого назначения был размещен совместно с Инженерным.

По сообщению начальника Минного отряда старшего лейтенанта Григоренко, падению Белграда предшествовал двухдневный ураганный огонь противника из тяжелых орудий, коим были сбиты и приведены к молчанию почти все малочисленные орудия защитников; переправа австро-германских войск была поддержана австрийскими мониторами, из которых один был потоплен огнем Белградской батареи; войска, защищавшие Белград, отошли на Багрдомские позиции. Выступление Болгарии и занятие ее войсками г. Скопья совершенно изолировало Сербию от англо-французских войск, высаживающихся в Салониках. При таком неблагоприятном стратегическом положении было приступлено к эвакуации северной части Моравской долины и восточной Сербии на единственную железнодорожную линию в центре страны, не имеющую дальнейшего выхода, Крушевац — Кралево.

Императорский отряд получил приказание со всем имуществом, за исключением мостового материала, перейти в Кралево, для обслуживания же 2 наведенных мостов в Чуприи было приказано образовать русско-сербскую команду в числе 100 человек при 2 офицерах, под командой старшего из них, каковым оказался от-

рядный инженер Богомолец; уничтожение мостов было возложено на сербскую минную команду.

Во исполнение приказа, 8 октября Инженерный отряд был переведен по железной дороге в Кралево, куда были направлены и понтонные парки сербской армии. В этом пункте с единственным выходом по р. Ибар на юг в Новую Сербию было сосредоточено правительство, все государственные учреждения, посольства, тыловые части отходящих сербских войск и множество беженцев из эвакуированных областей; все помещения были заняты или завалены различными грузами, эвакуировать которые в Новую Сербию из-за недостатка в перевозочных средствах не представлялось возможным; такая же картина наблюдалась по всей железнодорожной линии Кралево—Крушевац—Столач; всякая организация и связь были нарушены, Верховное Командование лишь временно перешло в Крушевац, переполненный беженцами; железнодорожные станции не могли вместить всего выгружаемого имущества и, забитые грузами, утратили свою пропускную способность.

13 октября, по настоянию военных агентов России, Франции и Англии, Верховное Командование приказало всем отрядам указанных держав в их полном составе отступить в тыл страны на линию Нови-Пазар-Митровица. Инженерному и Минному отряду соединиться в Кралево, где, передав имущество местным властям и получив от них обоз, готовиться к походу в Новую Сербию. Прибывши из Чуприи с 50 нижними чинами Инженерного отряда совместно с Минным отрядом, штабс-капитан Богомолец донес, что, согласно приказанию Верховного Командования, с 11 октября общее командование русско-сербским отрядом передано им сербскому майору и что, с получением 13 октября приказа об отозвании всего личного состава в Кралево, обслуживание обоих наведенных мостов перешло исключительно к сербским понтонерам. По полученным затем частным сведениям от беженцев из Чуприи, оба моста в Чуприи ввиду сильного разлива Моравы 14 октября сорваны и унесены течением.

С прибытием Инженерного и Минного отрядов в Кралево было приступлено к передаче выведенного из Чуприи отрядного имущества местным властям и подготовке отрядов к походу.

Не имея разрешения Верховного Командования на уничтожение какого-либо отрядного имущества, хотя я неоднократно и воз-

буждал этот вопрос в Верховном Командовании, но опасаясь, что переданные сербам моторные катера отряда, из которых один ввиду перегрузки железнодорожной линии не мог быть доставлен в Кралево и застрял на станции Крушевац, не будут, в случае дальнейшего отхода сербских войск, своевременно уничтожены сербами, я приказал снять со все трех катеров главнейшие части двигателей (карбюраторы, клапана и т.д.) и зарыть их, что и было исполнено в ночь на 19 октября перед выступлением отряда в Новую Сербию.

Несмотря на приказание Верховного Командования местным властям в Кралево передать в распоряжение Инженерного и Минного отрядов необходимый для похода обоз, местные власти таковой дать не могли за полным отсутствием перевозочных средств, и необходимый отрядам обоз был приобретен за счет отрядов из суммы, взятой заимообразно отрядами от Главного интендантства Сербии. Незначительный обоз, состоявший из десяти воловьих кол и 3 вьючных лошадей, мог поднять только самое необходимое для похода по малонаселенной стране с голодающим населением, почему, кроме 2-недельного запаса мясных консервов и небольшого запаса сухарей, было взято: 2 пулемета, несколько ящиков ружейных патронов, медикаменты и вся отрядная отчетность; все личное имущество было оставлено, даже столь необходимые в походе палатки обоз поднять не мог. Из числа 220 винтовок отряда 50 было передано Минному отряду, что же касается единственного 75-мм орудия отряда, то таковое еще в середине сентября было отправлено в Белград в распоряжение капитана 2-го ранга Ильина на усиление морской батареи и при занятии Белграда сбито артиллерией противника.

Вернувшись из Кладово к Минному отряду в Кралево, капитан 2-го ранга Ильин сообщил, что сообщение с Россией прервано болгарскими войсками, и что из числа орудий, которые было предположено доставить для нужд действующей армии, привезено только два 75-мм орудия, каковые и переданы Верховному Командованию.

18 октября началась эвакуация Кралева и Минный отряд выступил на Рашку, куда 19 октября, согласно приказанию Верховного Командования, выступил и Инженерный отряд.

Непрерывающиеся дожди сильно отразились на состоянии здоровья личного состава Отряда, почти поголовно страдавшего малярией:

больные не могли поспевать за отрядом, перегружали малочисленный и слабый обоз, так что с приходом 21 октября отряда в Рашку приходилось делать дневку. Одновременно в Рашку прибыло и Верховное Командование. Того же 21 октября состоялось новое совещание военных агентов, которое установило, что сербская армия, хотя и не уничтожена противником, но, лишенная почти всех боевых и продовольственных запасов, близка к капитуляции, почему отрядам союзных держав следует, не задерживаясь в Новой Сербии, лишенной почти всяких продовольственных запасов, уходить на Салоники, куда из Митровицы уже выступил Белградский французский отряд. Дальнейшее походное движение мной изложено в 1-й объяснительной записке, приложенной к рапорту за № 1096 от 22 декабря 1915 г.¹

Капитан 2-го ранга Леванда.

Петроград, 29 декабря 1915 г.

РГВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3462, л. 37—39 об.

15. Поездка императора Николая II и цесаревича Алексея в Штаб Экспедиции особого назначения на Дунае в г. Рени, ноябрь 1915 г.

...Дунай у Рени широк и величественен, мутно-желтого цвета. На противоположной стороне сперва обширные заросли камыша — так называемые плавни, а потом уже вдали, твердый берег, Добруджа. Видны контуры ее высот.

В Рени, по инициативе морских кругов, была устроена так называемая «Экспедиция особого назначения на Дунае», своеобразная организация из разного рода войск, чинов и учреждений, во главе которого стоял капитан 1-го ранга, флигель-адъютант Веселкин, энергичный и неглупый человек, умевший выпить и пожить, большой весельчак и хороший рассказчик анекдотов. Его знал и любил Государь и называл толстяком. Он состоял в каком-то подчинении у ближайшего командующего армией, но вел себя самостоятельно и прославился лютой борьбой с министерством иностранных дел и его представителем в Румынии.

¹ Рапорт не публикуется.

Экспедиция имела назначением снабжать Сербию необходимыми жизненными и военными запасами, но через нее приходило и к нам кое-что существенное из Греции. Экспедиция состояла из 3 пассажирских и 11 буксирных пароходов, 130 больших шаланд, 15 брандеров с большим штатом чинов разных специальностей, солдат и офицеров. В нее входили и возводимые невдалеке укрепления для защиты реки Прута.

У Веселкина было три помощника, а адъютантом состоял лейтенант Самарский, которого Государь знал по службе его в Балтийском флоте. Тоже большой весельчак, нарядный, как все моряки, офицер, победитель сердец дамского общества Рени. Веселкин встретил Государя на предыдущей станции Траянов Вал.

«Здравствуйте, мой наместник на Дунае», — пошутил Государь, приняв рапорт Веселкина. До Рени Веселкин успел сделать весь доклад. Миссия его была сложная и деликатная. На этой-то почве у него и происходили недоразумения с нашими дипломатами.

В Рени Государь проехал в собор. Встреча была восторженная, собор полон народа. За день до приезда Государя Веселкин обратился в местную городскую думу, созвал туда каких-то представителей населения всех национальностей и объявил им о предстоящем высочайшем приезде и о том, что он вверяет охрану Его Величества в их лице местному населению, но что на них падет и вся ответственность за благополучное пребывание Государя в Рени.

Польщенные таким доверием, представители начали такую работу, каждый по своей национальности и, особенно евреи, какой, пожалуй, не проделала бы никакая полиция. В городке не осталось ни одного невыясненного, ни одного непроверенного обывателя. Мой помощник, вернувшись из той командировки, занятно рассказывал мне, как работали разные Мовши и Янкелы в качестве начальников охранных участков. Лучше трудно было работать.

Из собора Государь проехал в штаб Веселкина, где в устроенной Веселкиным церкви отслушал краткий молебен. Государь смотрел затем, как были помещены те два чудных образа в киотах, которые Их Величества пожертвовали туда, выслушав в Царском Селе доклад Веселкина, как он устраивает новую в Рени церковь для военных.

Про эту отзывчивость Их Величеств на все, что касалось веры и Церкви, у нас не писалось. О ней мало кто знал, а она была безгра-

нича. Веселкин не пропустил обратить внимание Государя и на то, что под одной крышей с этой православной церковью помещалась и католическая часовня. На изумление Государя, верный себе Веселкин доложил, что он сторонник объединения церквей.

Государь посетил лазарет, произвел смотр частям Экспедиции и 3-й стрелковой Туркестанской бригаде и был восхищен ее великолепным видом. «Как гвардия», — сказал Государь. Перед завтраком состоялось представление предназначенных к наградам. Подойдя к очень почтенному ротмистру пограничной стражи, Фоссу, Государь спросил:

«Сколько вы лет ротмистром?»

«Двенадцать лет, Ваше Императорское Величество», — ответил тот.

«Нахожу это вполне достаточным, — заметил Государь. — Поздравляю вас подполковником».

Иеромонаху Экспедиции Государь пожаловал орден Св. Анны 3-ей степени. Едва ли кто был тогда счастливее его.

Завтракал Государь в штабе, на пароходе «Русь». Гвоздем завтрака были пельмени. Государю их подавали три раза. И хозяева, и повар были польщены и горды. С разрешения Государя, Наследнику было предложено пиво. На вопрос Веселкина, понравилось ли пиво, Наследник ответил серьезно:

«Ничего себе, пить можно».

После завтрака Государь с Наследником объехал строившиеся укрепления. В двух верстах выше Рени в Дунай впадает Прут, по которому на север и идет наша граница с Румынией. У слияния рек — деревня Джурджелеты, у которой строилась батарея с крепостными орудиями. Тут остановился Государь. Впереди, за долиной Прута виднелся Галац, на левом берегу Дуная. Около него Дунай делает поворот, он течет к нему с юга, а от него поворачивает на восток. В луку, образуемую рекой против Галаца, на правом берегу, подошел отрог Добруджи, высота с седловиной, которую русские и прозвали «Седлом».

Государь засмотрелся на Дунай, на «Седло», на Галац. Дунай близок русскому сердцу. Здесь когда-то вершил свои подвиги Святослав Киевский. Здесь гремели Суворов Рымникский и Румянцев Задунайский. Здесь покрыли себя славой русские, сражаясь за освобождение Болгарии. Той самой Болгарии, которая шла теперь против нас, благо-

даря чему и приходилось строить эти самые укрепления. И через год с небольшим, с высоты «Седла», на которую смотрел Государь, немецкая артиллерия обстреливала наш Рени, и ее заставили замолчать те самые укрепления, которые осматривал теперь Государь.

Государь беседовал с артиллеристами, устанавливавшими платформу, разговаривал с работавшими. Он интересовался всем.

Государь снялся с чинами Экспедиции. Много беседовал с ними. При обратном проезде на вокзал, народ бежал за царским автомобилем. Молдаване вставали на колени. Евреи были в особой экзальтации. На вокзале Государь принял депутацию от румынских скопцов, из пяти человек. Они поднесли кулич и икону. Крайне серьезный по осмотру день прошел как-то проще и веселее. Причиной этому был морской элемент. Это секрет моряков и их службы. А Веселкин был типичный шикарный морской офицер.

К ночи императорский поезд двинулся дальше в путь. Ехали всю ночь и в 10 ч. утра 10 ноября прибыли в Балту...

Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914—1917 гг. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960.

1 книга. С. 64—65.

16. Отдельные наградные приказы начальника Экспедиции особого назначения М.М. Веселкина, февраль—декабрь 1915

№ 133, Рени, 26 февраля 1915 г.

В воздаяние постоянного проявления, за время минувших многократных походов в Сербию, примерного спокойствия и мужества при самых тяжелых условиях плавания по Дунаю в постоянной опасности от неприятельских плавучих мин, аэропланов и прочих враждебных действий и покушений неприятеля на целостность судов нашей Экспедиции, считаю радостным для себя долгом объявить, что, по предоставленной мне лично Его Императорским Величеством Государем Императором власти, награждаются нижепоименованные чины Экспедиции:

Георгиевскими крестами 4-й степени
Капитаны пароходов:

Константин Емельянович Кременецкий — № 108408.
 Михаил Варфоломеевич Витол — № 108409.
 Игнат Францевич Роксиков — № 108412.
 Фридрих Готлибович Гросс — № 108413.
 Карл Яковлевич Зубер — № 108414.
 Виктор Гаврилович Секачев — № 108415.
 Лазарь Кирьякович Кирьяко — № 108416.
 Федор Андреевич Дицман — № 108417.
 Лука Яковлевич Москаленко — № 108418.
 Андрей Васильевич Эдель — № 108419.
 Иван Федорович Малый — № 108420.

Рулевой Кондуктор:
 Михаил Петрович Артемьев — № 108401.

Охотник флота строевой унт. -офицер:
 Василий Николаевич Севей — № 108410.

Агент Экспедиции:
 Эрвин Ричардович Эшольц — № 108411.

Комендор Боцманмат:
 Степан Максимович Головин — № 108421.

Артиллерийские унтер-офицеры:
 Андрей Тимофеевич Двудученский — № 108422.
 Павел Терентьевич Корнейчук — № 108423.

Георгиевскими медалями 4-й степени
 Механики пароходов:
 Степан Феодосьевич Малик — № 140511.
 Федосий Ефремович Павлов — № 140512.
 Петр Данилович Шмалей — № 140513.
 Федор Павлович Ковалев — № 140514.
 Евдоким Тимофеевич Евдокимов — № 140515.
 Иван Иванович Бондаренко — № 140516.
 Степан Антонович Коценюк — № 140517.

Яков Андреевич Шеффер — № 140518.
 Моисей Платонович Сечкаренко — № 140519.
 Зосим Лукьянович Коновалов — № 140520.
 Андрей Федорович Гревцов — № 140521.

Лоцмана:
 Афанасий Николаевич Бенетато — № 140522.
 Евангели Андреевич Монополис — № 140523.
 Георгий Андреевич Трифонов — № 140524.
 Илья Метаксович Колаврия — № 140525.
 Иван Петрович Будков — № 140526.
 Дмитрий Егорович Смирнов — № 140527.
 Михаил Иванович Галанин — № 140528.
 Дмитрий Андреевич Леташков — № 140529.
 Федор Аверьянович Яворов — № 140530.
 Федор Яковлевич Пандур — № 140531.

Помощники капитанов:
 Андрей Диомидович Косенко — № 140532.
 Борис Леонидович Юмин — № 140533.
 Петр Михайлович Сальниченко — № 140534.
 Сергей Кесаревиц Бочков — № 140535.
 Николай Анатолиевич Бихневич — № 140536.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 148, Рени, 28 февраля 1915 г.

В дополнение приказа по вверенной мне Экспедиции от 26-го сего Февраля за № 133, нижепоименованные чины Экспедиции награждаются

Георгиевскими медалями 4-й степени:
 Лоцман Андрей Александрович Силов — № 140537.
 Баталер 1 ст. Федор Константинович Филин — № 140538.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 160, Рени, 4 марта 1915 г.

В дополнение приказа по вверенной мне Экспедиции от 26-го Февраля сего года за № 133, нижепоименованные чины Экспедиции награждаются

Георгиевскими медалями 4-й степени:

Главный Агент Рени-Кладовской линии Вениамин Самойлович Каменский — № 140539.

Агент Ренисского Агенства Владимир Николаевич Казаков — № 140540.

Капитан парохода «Русь» Алексей Александрович Федоров — № 140541.

Главный механик Русского Дунайского П-ва Александр Никифорович Шандренко — № 140442.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 186, Рени, 10 марта 1915 г.

В дополнение приказа моего от 26-го Февраля сего года за № 133, нижепоименованные нижние чины награждаются:

Георгиевскими крестами 4-й степени:

Артиллерийский ун. -оф. Иван Федосеевич Ульянин — № 108424.

Фельдшер 2-ой статьи Федор Георгиевич Демидовский — № 108425.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 223, Рени, 14 марта 1915 г.

В дополнение приказа моего от 26-го Февраля сего года за № 133, нижепоименованные нижние чины 22-й Пограничной Измаильской бригады, прикомандированные к вверенной мне Экспедиции, за то, что, находясь на моторном катере «Александр Невский», при тралении австрийской мины 4-го Января 1915 года, с опасностью для жизни удачными маневрами приблизили плавучую мину к австрийским баржам, стоявшим у Румынского берега выше Турну-Северина, вследствие чего был взрыв и потопление трех неприятельских баржей, награждаются:

Георгиевскими крестами 4-й степени:

Ефрейтор Исидор Иванович Юкиш — № 108406.

Рядовой моторн. машинист Иустин Петрович Шелашенко — № 108407.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 1541, Рени, 26 августа 1915 г.

С Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, нижепоименованные чины вверенной мне Экспедиции награждаются:

Георгиевским крестом 4-й степени:

Агент Русского Дунайского Пароходства в Радиевце Гурий Платонович Сафронов — № 751.

Агент Русского Дунайского Пароходства в Самовите Николай Филиппович Бережной — № 752.

За неоднократное участие в отражении при нападении неприятельских аэропланов в Прахове на груженные взрывчатыми грузами суда наших караванов и за храбрость и мужество при тушении пожара на барже от попавшей в нее с аэроплана бомбы.

Старший баталер 1-го Балтийского флотского экипажа Иван Ефимович Миночкин — № 753.

За то, что будучи командирован с особо секретными бумагами в отряд старшего лейтенанта Волковицкого, и по доставлении их в целости под огнем неприятеля, сам вызвался и нес дежурство у минного аппарата, находясь в сфере неприятельского огня, где своим хладнокровием подавал пример стойкости и храбрости. Находясь в Прахове, первый увидел приближающийся неприятельский аэроплан и своими быстрыми и хладнокровными распорядительными действиями способствовал отбитию атаки на груженные порохом суда.

Машин. унтер-офицер 1 ст. самостоятельного управления Гвардейского экипажа Григорий Григорьевич Шинкаренко — № 754.

За доблестное и хладнокровное исполнение работ по установке минных аппаратов в сфере неприятельского огня, за самоотвержен-

ность при разрядке неприятельского снаряда, коим был тяжело ранен и за неоднократную работу по излавливанию и уничтожению неприятельских плавучих мин.

Минный машин. 1 ст. 1-го Балтийского флотского экипажа Яков Иванович Желыбин — № 755.

Матрос 1-й ст. Гвардейского экипажа Павел Александрович Чадин — № 756.

Матрос 1-й ст. Сибирского флотского полуэкипажа Александр Ефимович Сигаев — № 757.

За обнаружение, обезвреживание и уничтожение под пулеметным и шрапнельным огнем неприятеля заложенных австрийцами на принадлежащем им острове фугасов.

Старший комендор Николаевского флотского полуэкипажа Даниил Александрович Ставицкий — № 758.

За то, что стреляя из 75-мм орудия привел к молчанию австрийскую батарею и повредил динамо-машину, питающую неприятельский прожектор.

Комендор Черноморского флотского экипажа Павел Иванович Лось — № 759.

За то, что стреляя из 75-мм пушки удачными выстрелами зажег электрическую станцию, где помещалась динамо-машина и часть отряда австрийцев.

Матрос 1 ст. Николаевского флотского полуэкипажа Бернارد Иосифович Дерцапф — № 760.

За открытие во время боя места расположения неприятельских батарей, чем способствовал быстрейшему попаданию в место ее расположения и приведения ее к молчанию.

Унтер-офицер комендор Черноморского флотского экипажа Семен Яковлевич Штык — № 761.

За неоднократное удачное отражение метким артиллерийским огнем из 75-мм пушки атак неприятельских аэропланов на суда Экспедиции, благодаря чему аэропланы обращались в бегство.

Старший комендор Сибирского флотского полуэкипажа Иван Александрович Лимарь — № 762.

Доброволец студент Императорского Московского университета IV курса, потомственный дворянин Иван Сергеевич Бутурлин — № 763.

Доброволец кадет VI класса Николаевского Кадетского корпуса, потомственный дворянин Сергей Александрович Фосс — № 764.

За мужество, храбрость и самоотверженную работу при установке в сфере неприятельского огня береговой батареи, отразившей атаку неприятельских аэропланов.

Минный унт. -офицер 1 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Юрий Индрикович Ерушевич — № 765.

За хладнокровие, спокойствие и мужество, с которыми с 28 марта по 28 июня управлял прожектором под неприятельским огнем и непрерывно освещал неприятельский остров и его проходы, чем способствовал осуществлению тактической задачи.

Минный унт. -офицер 1 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Василий Дмитриевич Дмитриев — № 766.

Минный унт. -офицер 1 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Алексей Иванович Чистяков — № 767.

За мужество и хладнокровие, с которыми принимали участие 4 апреля сего года в установке минного заграждения, благодаря чему способствовали непрохождению неприятельскими судами фарватера реки.

Старший береговой боцман Николаевск. флотск. полуэкипажа Егор Евменьев Боржак — № 768.

За то, что в условиях военного времени в непосредственной близости неприятеля, с опасностью для жизни самоотверженной смелой личною работою и умелыми распоряжениями способствовал быстрому наведению плавучего моста на реке Мораве, каковой мост дал возможность Сербской армии переправить свои эшелоны и грузы в нужные для стратегических целей места.

Минер 1 ст. Черноморского флотского экипажа Моисей Дмитриевич Выборнов — № 769.

Матрос 1 ст. Кронштадтского флотского полуэкипажа Иосиф Семенович Кузнецов — № 770.

Минный машинист 1 ст. 1-го Балтийского флотского экипажа Александр Сергеевич Чугуевский — № 771.

За расторопность, мужество и быстроту в крайне опасной работе по установке минных аппаратов в виду неприятеля на сильном течении.

Рядовой запасного Электротехнического батальона МIRON Васильев Костяно — № 772.

За хладнокровие, неустранимость и мужество по устройству, в виду и под огнем неприятеля, речных минных заграждений из донных обсервационных мин.

Минный машинист 1 ст. Черноморского флотского экипажа Николай Степанов Карпенко — № 773.

Матрос 1 ст. Черноморского флотского экипажа Даниил Степанов Бедина — № 774.

За установку под огнем неприятеля минного аппарата и за подтопление выстрелом из него большого разведочного австрийского катера на Дунае.

Комендор Черноморского флотского экипажа Павел Иванов Шабанов — № 775.

Запасного Электротехнического батальона Старший унтер-офицер Иван Яковлевич Кокурочкин — № 776.

Младший унтер-офицер Иван Евдокимович Панков — № 777.

Ефрейтор Андрей Васильевич Карасев — № 778.

Старший унтер-офицер Алексей Георгиевич Педан — № 779.

Капитан парохода «Аграфена» Кондрат Григорьевич Жадан, он же Жаданов — № 780.

За хладнокровие, неустранимость и мужество по устройству в виду и под огнем неприятеля речных минных заграждений.

Георгиевской медалью 4-й степени:

Минер унтер-офицер 1-го Балтийского флотского экипажа Андрей Яковлевич Леонтьев — № 164368.

Минер Черноморского флотского экипажа Иван Иванович Слипченко — № 164369.

Марсовой Кронштадтского флотского полуэкипажа Михаил Иванович Шидловский — № 164370.

За мужество и храбрость при установке и обслуживании минной станции в виду неприятеля и за проводку телефонной линии.

Матрос 1 ст. Черноморского флотского экипажа Михаил Александрович Перевышко — № 164371.

Матрос 1 ст. Черноморского флотского экипажа Феодосий Алексеевич Орлов — № 164372.

Матрос 1 ст. Николаевского флотского полуэкипажа Василий Деомидович Полинено — № 164373.

Сверхср. боцман Сибирского флотского полуэкипажа Василий Яковлевич Канюк — № 164374.

Сверхср. боцман Сибирского флотского полуэкипажа Егор Дмитриевич Китаев — № 164375.

Мин. машинист 1 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Петр Николаевич Сергачев — № 164376.

Плотник Черноморского флотского экипажа Роман Семенович Вдовиченко — № 164377.

За мужество и храбрость при уничтожении плавучих неприятельских мин и за установку и охрану наших минных заграждений.

Прикомандированные к Экспедиции поднарядники Сербской армии Радомир Павлович — № 164378.

Милован Петрович — № 164379.

За мужество и храбрость и отличную стрельбу из наших батарей под огнем неприятеля.

Прикомандированный к Экспедиции в распоряжение начальника Белградского отряда серб-лоцман Янко Попович — № 164380.

За неоднократную успешную проводку парохода, буксировавшего плотик, при всех постановках мин заграждения в виду неприятеля.

Старшина баржи № 27 Игнат Яковлевич Яковенко — № 164381.

За мужество, хладнокровие и распорядительность при тушении пожара на барже № 27 от попавшей бомбы.

Старшина баржи № 310 Павел Антонович Ткаченко — № 164382.

Старшина баржи № 312 Игнат Михайлович Погребной — № 164396.

За мужество, хладнокровие при постановке минного заграждения в виду неприятеля и под огнем.

Сверхсрочн. боцман 2-го Балтийского флотского экипажа Яков Семенович Самусенков — № 164383.

Боцман 2-го Балтийского флотского экипажа Иван Афанасьевич Копыченков — № 164402.

За мужество, хладнокровие и распорядительность при отражении атак неприятельских аэропланов.

Пароход «Аграфена»

Старший помощник капитана Александр Митрофанович Алексеев — № 164384.

Младший помощник капитана Павел Семенович Скакун — № 164385.

Механик Павел Иоакимович Диаковский — № 164386.

Лоцман Митрофан Иванович Орлов — № 164388.

Боцман Федот Данилов Грищенко — № 164389.

Машинист Митрофан Иванович Радковский — № 164390.

Запасного Электротехнического батальона младший унтер-офицер Дмитрий Максимович Сенюшкин — № 164391.

Ефрейтор Александр Константинович Похвалинский — № 164392.

Рядовые:

Алексей Алексеевич Китаев — № 164393.

Василий Ильич Сологуб — № 164394.

Иван Семенович Константинов — № 164395.

За самоотверженную работу в трудных условиях и боевой обстановке при постановке заграждения из донных обсервационных мин на реке Дунае.

И. д. капитана парохода «Вилково» Павел Иванович Залесский — № 164397.

Помощник капитана парохода «Сербия» Владимир Михайлович Личковаха — № 164400.

Помощник капитана парохода «Морьяк» Иван Феофанович Греченко — № 164401.

Помощник капитана парохода «Вилково» Валентин Иванович Макаров — № 164407.

За беззаветно ревностную службу при сопровождении транспортов с военными грузами в Сербию с 1 октября 1914 года по 1 мая 1915 года в постоянной опасности от неприятельских аэропланов и плавучих мин и за удачное маневрирование в целях избежать опасности.

Капитан парохода «Одесса» Василий Авксентьевич Расторгуев — № 164403.

За хладнокровие и мужество, с которым искусным маневрированием спас баржу, груженную порохом, от нападения неприятельских аэропланов.

Старшина баржи № 903 Алексей Никитин Федоренко — № 164398.

За спасение под неприятельским огнем тонувшей команды канонерской лодки «Донец», когда, будучи ранен, все-таки продолжал распоряжаться и действовать.

Сигнальщик 2-го Балтийского флотского экипажа Петр Доминикович Ковальчук — № 164404.

Старшина затопленной баржи № 815 Антон Иванович Ильяшенко — № 164405.

Старшина затопленной баржи № 816 Николай Карпович Антоненко — № 164406.

За доблестное и хладнокровное исполнение работ, за находчивость и отличное управление баржами при затоплении их на быстром течении реки в виду неприятеля.

Доброволец Виктор Константинович Чечет — № 164417.

За мужество и храбрость при установке и обслуживании минной станции в виду неприятеля и за проводку телефонной линии.

Стар. унтер-офицер 2-го Балтийского флотского экипажа Иван Леонтьевич Кожушко — № 164399.

За мужество и хладнокровие, с которыми он в виду неприятеля принимал участие 4 апреля сего года в установке минного заграждения.

Писарь 1 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Петр Григорьевич Григорьев — № 164387.

За то, что, будучи командирован с секретными документами в Отряды Экспедиции, расположенные на позиции в Сербии, доставил таковые в сфере неприятельского огня.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

№ 2539, Рени, 25 декабря 1915 г.

С Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, нижепоименованные чины вверенной мне Экспедиции награждаются:

Георгиевским крестом 4-й степени:

1-й Кронштадтской Крепостной артиллерии старшие фейерверкера:

Мануил Павлов Касаткин — № 178651.

Александр Иванов Пузырев — № 178653.

Герман Елисеев Кузьмин — № 178654.

Иван Михайлов Польский — № 178655.

Никита Давыдов Разжевайкин — № 178656.

2-й Кронштадтской Крепостной артиллерии старшие фейерверкера:

Петр Алексеев Столяров — № 178657.

Владислав Иванов Павликовский — № 178658.

Василий Антонов Крестьянинов — № 178659.

Ананий Сидоров Сидоров — № 178660.

Михаил Харлампиев Соловьев — № 178661.

Лейб-Гвардии Преображенского полка доброволец Иван Андреев Странаткин — № 178662.

За то, что, будучи наводчиками и установщиками прицела у 6-дм. 190 пуд. пушек, находящихся на батареях в крепости Белград, 4 февраля сего года удачно обстреливали неприятельские позиции и нанесли им значительные повреждения; кроме того, в тот же день нанесли артиллерийским огнем значительные повреждения австрийскому монитору «Кереш», заставив его отойти, и в ночь со 2 на 3 мая артиллерийским огнем потопили австрийскую канонерскую лодку типа «С».

Шкипер кондукторского звания Черноморского флотского экипажа Федор Иванович Филатов — № 178663.

За то, что под сильным неприятельским огнем вынес из разрушенного окопа подбитый пулемет.

Комендор унтер-офицер Черноморского флотского экипажа Яков Гордеевич Кравчук — № 178664.

Комендор Черноморского флотского экипажа Ерофей Иванович Науменко — № 178665.

Комендор 2-го Балтийского флотского экипажа Александр Тимофеевич Гордиенко — № 178666.

За то, что меткой стрельбой из 75-мм орудия неоднократно заставляли австрийские аэропланы прекращать разведку и предотвращали бросание бомб на штаб-квартиру Сербского Краинского отряда.

Старший комендор Черноморского флотского экипажа Степан Васильевич Дегтярев — № 178667.

Старший комендор Черноморского флотского экипажа Ананий Родионович Богуславский — № 178668.

Находясь на позиции Бурзуйка во время форсирования австро-германцами реки Дуная у Текии, поддерживали меткий огонь из 75-мм пушки и нанесли неприятельской тяжелой артиллерии значительный урон, чем произвели замешательство среди неприятеля и задержали переправу.

Комендор 2-го Балтийского флотского экипажа Василий Ефимович Коломийцев — № 178669.

За то, что при форсировании австро-германцами реки Дуная у Белграда, невзирая на сильный неприятельский огонь, метким огнем из 75-мм орудия наносил большой урон неприятелю до окончательного израсходования боевого запаса, после чего ввиду обхода неприятелем, потеряв убитыми и ранеными почти всю прислугу, снявши замок, отошел к сербским войскам на новую позицию.

Комендор 2-го Балтийского флотского экипажа Илларион Андреевич Деревянко — № 178670.

За то, что 8-го октября при наступлении неприятеля под усиленным огнем вывез вверенное ему орудие и доставил в Кладово.

Охотник флота матрос 2 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Александр Андреевич Рейне — № 178671.

За то, что, будучи посланным на разведку, под огнем неприятеля доставил важные сведения и тем самым предотвратил внезапное нападение болгарской кавалерии на тыл отряда.

Младш. унт. -офиц. 22-й пограничной Измаильской бригады Яков Демьянович Куницкий — № 178672.

Рядовой 22-й пограничной Измаильской бригады Дмитрий Иванович Болгарин — № 178673.

За то, что, будучи посланными с приказами на наши батареи и оказавшись по выполнению поручения отрезанными от отряда, успели взорвать оставшиеся на батареях снаряды, после чего провались под выстрелами и донесли о движении неприятеля.

Запасного Электротехнического батальона рядовые:

Евстафий Минов Ковбаев — № 178674.

Григорий Степанович Костюков — № 178675.

Заграждатель Черноморского флотского экипажа Прокофий Дмитриевич Пологович — № 178676.

За уничтожение под огнем неприятеля фугасов на австрийском острове Оградина и за заложение там же при тех же условиях гальвано-ударных мин.

Сверхсрочнослужащий боцманмат Амурской речной флотилии Василий Яковлевич Канюк — № 178677.

За преграждение под огнем неприятеля канала у Сыпи и постановку там же донных мин.

Сигнальщик Гвардейского экипажа Дмитрий Дмитриевич Пигарев — № 178678.

За корректирование под огнем неприятеля стрельбы наших батарей, чем много способствовал нанесению неприятелю урона.

Запасного Электротехнического батальона рядовой Алексей Алексеевич Китаев — № 178679.

За неоднократную проверку под огнем неприятеля заложенных на австрийском острове Оградина мин.

Вольнонаемный боцман парохода «Тирасполь» Дмитрий Иванович Почтаренко — № 178680.

За храбрость и распорядительность, проявленную им при постановке донных мин и преграждению канала цепями под огнем неприятеля.

Вольнонаемный машинист парохода «Тирасполь» Евстафий Ильин Сухов — № 178681.

За выдающуюся распорядительность, проявленную при исправлении повреждений машины под огнем неприятеля.

Охотник флота матрос 2 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Михаил Степанович Шубин — № 178682.

Матрос 2 ст. Вр. Одесского Морского батальона Анисим Андреевич Никитенко — № 178683.

За снятие и увоз под пулеметным огнем минных аппаратов с острова Ада-Винча и установку их на новой позиции.

Агент в Видине Николай Тимофеевич Галкин — № 178652.

За то, что 24 сентября 1915 года, не потеряв присутствия духа в присутствии начальников Видинского порта и Околийского округа, успел своевременно предупредить коменданта парохода «Сербия» штабс-капитана Фирсова, буксировавшего баржи с орудиями и боевы-

ми припасами в Сербию, о готовящемся захвате болгарскими властями пароходов «Сербия» и «Тургенев». за что впоследствии болгарскими властями был арестован. Вышеуказанное предупреждение сохранило для России 2 парохода и 6 барж, груженных боевыми припасами.

Георгиевской медалью 4-й степени:

Комендор унтер-офицер Черноморского флотского экипажа Павел Алексеевич Егорчиков — № 247845.

Старший комендор Черноморского флотского экипажа Тихон Акимович Анцупов — № 247846.

Комендор Черноморского флотского экипажа Павел Федоров Хорошевский — № 247847.

За мужество и хладнокровие, проявленное ими при отбитии атак австрийских аэропланов.

Комендор Черноморского флотского экипажа Григорий Петрович Бельчич — № 247848.

Комендор 2-го Балтийского флотского экипажа Иван Федоров Кондратенко — № 247849.

За то, что, состоя прислугой у 47-мм орудия, способствовали прекращению подвоза к неприятельским батареям материалов и действительным огнем их батареи не давали возможности неприятелю укрепиться на острове Ада-Калэ.

Комендор минных судов Черноморского флотского экипажа Ерофей Иванович Науменко — № 247850.

Комендоры Временного Одесского морского батальона

Иван Александрович Коршиков — № 247851.

Афанасий Александрович Соболев — № 247852.

Находясь на позиции Бурзуйка во время форсирования австро-германцами реки Дуная у Текии, поддерживали меткий огонь из 75-мм орудия и способствовали нанесению неприятельской тяжелой артиллерии значительного урона, чем произвели замешательство среди неприятеля и задержали переправу.

Охотник флота сигнальщик 2-го Балтийского флотского экипажа Владимир Александрович Сыдовт — № 247853.

Сигнальщик 2-го Балтийского флотского экипажа Сергей Алексеевич Травочкин — № 247854.

За корректирование под огнем неприятеля стрельбы наших батарей, чем много способствовали нанесению неприятелю урона.

Матрос 1 ст. Николаевского флотского полуэкипажа Иван Агапиевич Купча — № 247855.

Матрос 1 ст. Черноморского флотского экипажа Яков Петрович Павлович — № 247856.

Матрос 2 ст. Временного Одесского морского батальона Антон Иванович Овчаренко — № 247857.

Матрос 2 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Назар Степанович Кубарев — № 247858.

Матрос 2 ст. Временного Одесского морского батальона Василий Терентьевич Черняев — № 247859.

Матрос 2 ст. Временного Одесского морского батальона Матвей Иванович Правдин — № 247860.

Матросы 2 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа:

Федор Филиппов Лапин — № 247.861.

Андрей Васильевич Сенотрусов — № 247.862.

Василий Константинович Хохлов — № 247863

Охотник флота матрос 2 ст. 2-го Балтийского флотского экипажа Владимир Александрович Бурдо — № 247.864.

За то, что, состоя прислугой на противозаэропланной батарее, меткой стрельбой из 75-мм орудия неоднократно заставляли австрийские аэропланы прекращать разведку и предотвращали бросание бомб на штаб квартиру Сербского Краинского отряда.

Фельдшер 2 ст. Николаевского флотского полуэкипажа Евгений Иванович Коломиец — № 247865.

Баталер 1 ст. Севастопольского флотского полуэкипажа Константин Фомич Шеханин — № 247866.

За проявленное ими мужество и находчивость при выполнении под огнем неприятеля возложенного на них поручения.

Ветеринарный фельдшер 22-й пограничной Измаильской бригады Иван Мелентьевич Сандула — № 247867.

Рядовой 22-й Пограничной Измаильской бригады Павел Иосифович Биценко — № 247.868.

За проявленное ими мужество и распорядительность при вывозе из-под огня неприятеля имущества батарей.

Запасного Электротехнического батальона младший унтер-офицер Василий Загаврин — № 247.869.

Ефрейтор Андрей Васильевич Семаков — № 247870.

Рядовые

Онуфрий Данилович Лагунович — № 247.871.

Михаил Григорьевич Грак — № 247.872

За закладку под огнем фугасов на пути наступления неприятеля.

Амурской речной флотилии

Мот. унтер-офицер I ст. Кузьма Николаевич Соломонов — № 247873.

Моторные унтер-офицеры 2 ст.

Василий Федорович Шанцов — № 247874.

Франц Андреевич Индришек — № 247875.

Минер Василий Миронович Третьяк — № 247876.

Матрос 2 ст. Андрей Васильевич Чиненов — № 247677.

Моторист Василий Николаевич Соловьев — № 247878.

Матросы 1 ст.:

Никита Павлович Звягин — № 247879.

Василий Васильевич Корнилов — № 247880.

Матрос 2 ст. Илларион Трофимович Соболев — № 247881.

За то, что, состоя в команде посыльных катеров, неоднократно проявляли мужество и выдающуюся распорядительность при вылавливании и обезвреживании плавучих мин.

Пароход «Тирасполь»

Вольнонаемный помощник машиниста Пантелей Иванович Мочульский — № 247882.

Масленщик Александр Иванович Авдеев — № 247883.

Рулевой Ефим Иванович Тостановский — № 247884.

Матросы:

Илларион Авдеевич Лононенко — № 247885.

Моисей Минович Федорец — № 247886.

Иосиф Константинович Левковский — № 247887.

Павел Кириллович Калашников — № 247888.

Кочегары:

Иван Иосифович Лось — № 247889.

Григорий Петрович Коваленко — № 247890.

Степан Григорьевич Матушов — № 247891.

За неоднократное участие в постановке мин заграждения, отбитие аэропланов и за выдающуюся распорядительность при вылавливании неприятельских мин.

Пароход «Бессарабец»

Минный унт. оф. 1 ст. Черноморского флотского экипажа Иван Дмитриевич Шульгин — № 247892.

Минный унт. офицер 2-го Балтийского флотского экипажа Константин Карлович Комаровский — № 247893.

Комендоры Черноморского Флотского экипажа:

Ерофей Павлович Середа — № 247894.

Аким Федорович Шевкун — № 140543.

Сигнальщик Гвардейского экипажа Петр Степанович Артеменко — № 140544.

Плотник Черноморского флотского экипажа Дмитрий Архипович Янчук — № 140545.

Матрос 2 ст. Черноморского флотского экипажа Федот Иванович Кулешов — № 140546.

За мужество и хладнокровие, проявленное ими при отражении нападения австрийских аэропланов на баржи со взрывчатыми веществами.

Временно командующий пароходом «Бессарабец» Михаил Петрович Секлюцкий — № 140547.

За то, что, несмотря на противодействия и угрозы от болгарских портовых властей в Видине, Лом-Паланке и Рахово, вывел наши понтоны в румынские порта, чем лишил неприятеля возможности воспользоваться понтонами для военных целей.

Георгиевским крестом 4-й степени:

Агент Русского Дунайского пароходства

Кирияк Павлович Вазонов — № 178684.

За самоотверженную и доблестную службу и исполнение особого моего поручения с явной опасностью для жизни, следствием чего для дела была огромная польза.

Георгиевской медалью 4-й степени:

Агент Русского Дунайского пароходства в Т. Северине

Дмитрий Михайлович Начев — № 140548.

За неоднократные выполнения возложенных на него поручений с опасностью для жизни.

Подписал: Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Веселкин.

РГАВМФ, ф. 417, оп. 5, д. 3479, л. 4—28об.

17. Письмо доктора С.К. Софотерова по поводу деятельности русских медицинских служб в Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны, 26 декабря 1925 г.

Доктор медицины Сергей Квинтилианович Софотеров¹,
приват-доцент.

26 декабря 1925 г.

Сараево, Александрова, 83.

Уважаемый коллега²,

С большим волнением прочитал Ваше письмо с просьбой о присылке Вам фактического материала о работе отрядов Р[усского] Кр[асного] Кр[еста] в Сербии за прошлые войны. За 12 с лишним лет моей работы в Сербии это в первый раз высказывается инте-

¹ *Софотеров Сергей Квинтилианович* (1879 — после 1945) — хирург, сотрудник миссии Российского Красного Креста в Сербии во время Балканских и Первой мировой войн. До 1926 г. в армии Королевства СХС (начальник отделения хирургии II армейской области в Сараево).

² Впервые опубликовано в сербском переводе в Приложении к *Станојевић В. Историја српског војног санитета*. Наше ратно санитетско искуство, М. Јовановић, М. Перишић, приређивачи, аутори предговора, биографија аутора, библиографије, приређивачи докумената). Београд, 1992. С. 874—882.

рес к работе отрядов Красного Креста. До сего времени эту работу или совершенно замалчивали и демонстративно игнорировали, см[отри], напр[имер], обзор деятельности иностранных отрядов в Сербии, написанный Стефановичем в Серб[ском] архиве, или же вся деятельность русских отрядов Кр[асного] Кр[еста] оценивалась точкой зрения Санит[етского] п[од] полковника д-ра мед[ицины] В. Станоевича¹, см[отри] его «Историја Српског Војног Санитета» (1925 г., Београд, стр. 82 до 86, особенно 89 и 90). Для каждого доверчивого читателя вся деятельность русских отрядов сводилась: 1) к созданию хаоса в государственной помощи и 2) среди прибывших наших миссий было много медицинских мужских и женских авантюристов-неумех, и даже и обычных проституток! Для внимательного читателя произведения п[от] пук[овника] Станоевича совершенно понятно, что после такого характеризования деятельности русских отрядов Кр[асного] Кр[еста], кои были в Сербии за Турецкую I войну, автор нигде ни словом не говорит про деятельность этих отрядов за последнюю Турецкую и Общеευропейскую войны!²

Как представитель Российского общ[ества] Кр[асного] Кр[еста] для Сербии и Греции с 1912 г. до 1920 г., как хирург, работавший в Русском Кр[асном] Кр[есте] с 1902 г., я, разумеется, протестовал и буду и в дальнейшем протестовать против подобного «писания»! Пока наша Родина больна, разумеется, мой протест останется чисто платоническим, ибо что ж мы теперь?! Но смею думать, что я доживу до того времени, когда мой протест будет и более реален и совсем не платоничен. Думаю, что Вы, многоуважаемый коллега, как наш воспитанник, меня поймете. Я среди многих других коллег формировал и вывозил отряды в Серию и работал здесь по строго проводимым правилам нашего Общ[ества] Кр[асного] Кр[еста]. Эти правила существовали и в старину. И теперь за дефекты, если таковые и были (а где их нет), в отрядах 60—70-х гг., автор с боль-

¹ *Владимир Станоевич* (1886—1978) — выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге, участник Балканских войн. В 1916—1917 гг. — полковой врач в Югославской добровольческой дивизии в России, откуда прибыл в Солунь с 1-м добровольческим полком. Дослужился до звания бригадного генерала и главы Военно-санитарного управления.

² Имеются в виду Балканская и Первая мировая война.

шой развязностью не только позорит деятельность отрядов того времени, но своим молчанием о деятельности последующих отрядов уже дает понять, почему он так поступает!

Вот почему Ваше письмо я читал с большим волнением, и тем охотнее посылаю Вам требуемые Вами сведения о деятельности наших отрядов в Сербии с 1912 г. Мною готовится к печати обзор работы отрядов Кр[асного] Кр[еста] на Балканах с самого старого времени. Из работы последнего периода я Вам должен послать несколько дополнительных данных.

Данные о работе отрядов за 1912—[19]13 гг. я свел в отдельной таблице по рубрикам, которые Вас интересуют. К сожалению, имен шефов нескольких отрядов у меня нет. Может быть, г. Штрандтман или генерал Артамонов Вам дополнят мой пробел. За этот период войны на Балканы от Российского Кр[асного] Кр[еста] послано было 11 санитарных отрядов на 850 кроватей, всего 28 врачей, 11 экономов, 2 фармацевта, 86 сестер мил[осердия] и 160 санитаров. Общий расход этой экспедиции — 728 307 руб. Весь больничный инвентарь был отрядами оставлен в Сербии. Каждый отряд был сформирован на средства Кр[асного] Кр[еста] и пожертвования от обществ и лиц, что видно из самих названий отрядов¹.

О деятельности русских отрядов за Общеευропейскую войну я должен дать Вам несколько дополнительных разъяснений. С объявлением войны я был командирован Министерством] иностр[анных] дел как хирург в распоряжение Серб[ского] Верх[овного] Командования, а наш Кр[асный] Крест придал мне звание делегата Российского] о[бщества] Кр[асного] Кр[еста] в Сербии. В Нише с моим

¹ Во время I Балканской войны в Сербию были посланы госпиталь Иверской общины сестер милосердия, лазареты Московской Александринской и Киевской Мариинской общин. Основу отрядов, отправленных московским и петербургским городскими общественными управлениями, составили, соответственно, сестры милосердия московской Старо-Екатерининской больницы и Тверской Серебряной общины. Были и частные отряды: на средства вдовы сахарозаводчика Е.М. Терещенко был отправлен лазарет Кауфманской общины; на средства Мраморного дворца — лазарет княгини Елены Петровны (были прикомандированы сестры Елизаветинской общины); Таврический комитет по организации помощи балканским славянам и грекам снарядил небольшой Таврический отряд. Во время II Балканской войны в Сербии действовали госпиталь РОКК общины Святой Евгении, лазарет княгини Елены Петровны и эпидемиологический отряд княгини С.А. Долгорукой.

приездом постепенно сформировался русский отряд, который работал в 1-й и 5-й рез[ервных] больницах на средства, привезенные госпожой Гартвиг¹. Она же, по моей просьбе, доставила мне сестер и организовала доставку белья, материала и медикаментов из России как пожертвования и как посылку от О[бщества] Кр[асного] Кр[еста]. Позднее прибыл Московский госпиталь, госпиталь Славянского благотворительного о[бществ]а (д[окто]р Сычев)² и Александринский госп[италь].

К концу 1914 г. кн[язь] Трубецкой³ сосредоточил в своих руках все пожертвования, кои собирались в России для Сербии и Черногории с учреждением «Комитета помощи сербам и черногорцам при русской миссии в Сербии». В этом Комитете председателем был епископ Нишский Доситей⁴, княгиня и князь Трубецкие, секретарь миссии Штрандтман, Пелехин⁵, хозяйственной частью ведал подполк[овник] Новиков, медицинской частью пр[иват]-доц[ент] Софотеров.

¹ Гартвиг (Карцева) Александра Павловна (1863—1944) — супруга посла России в Сербии Николая Генриховича Гартвига (1909—1914). Активно участвовала в организации русской помощи сербским госпиталям в годы Балканских войн и в начале Первой мировой войны.

² Сычев Николай Иванович (1878—1954) — хирург в составе российской медицинской миссии при сербской армии в 1914—1918 гг. До 1941 г. работал в военной медицине югославской армии, дослужившись до начальника отделения Военной больницы г. Белграда.

³ Посланник князь и княгиня Трубецкие не только помогали организации российских пожертвований, но и на собственные средства (100 000 рублей) организовали санитарную миссию в Сербию. Она прибыла в феврале 1915 г., состояла из 25 человек и 7 вагонов санитарного материала.

⁴ Митрополит Досифей (Васич) (1878—1945) — питомец фонда митрополита Михаила, закончил Киевскую духовную академию в 1904 г. После этого изучал теологию в Германии, Франции и Швейцарии. С 1913 г. — епископ Нишский. В 1915—1918 гг. — интернирован в Болгарии. Тепло относился к русским эмигрантам в межвоенный период. В 1932 г. избран митрополитом Загребским. В годы Второй мировой войны был замучен хорватскими усташами. Канонизирован Сербской православной церковью за мученические страдания и исповедание православной веры как Св. исповедник. День памяти — 13 января (31 декабря).

⁵ Пелехин Борис Павлович (1883—1943) — советник российской миссии в Сербии. Первый секретарь посольства в Черногории. В 1915 г. был российским поверенным в делах при эвакуировании на о. Корфу сербского правительства. В первые годы эмиграции был помощником делегата по защите интересов русских беженцев.

Почти одновременно с образованием этого Комитета, чрез который из России чрез Дунайскую речную флотилию под управлением адмирала Веселкина стали поступать санитарные материалы, белье, медикаменты не только вагонами, а целыми пароходами (я получил в октябре 1915 г. вторую партию медицинского материала в количестве 15 вагонов), в Нише образовался Международный санитарный отдел, и стали прибывать иностранные санитарные организации, русский госпиталь на 400 заразных больных под управлением пр[иват]-доц[ента] Н. Спасского¹, отряд русских врачей, затем отряды французский, английский и американский.

Работа всех этих отрядов на территории всего Королевства руководилась вышеупомянутым Международным санитарным отделом. Председателем его был его королевское высочество престолонаследник Александр, вице-председателем Сэр Педжет (Англия)², а членами: д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Хунтер (Англия)³, д[окто]р мед[ицины] Стронг (Америка)⁴, д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Жобер (Франция)⁵, д[окто]р мед[ицины] пр[иват]-доц[ент] С. Софотеров (Россия). От сербского правитель-

¹ *Спасский Николай Сергеевич* (1867 — не ранее 1948) — приват-доцент Томского университета, старший врач Эпидемиологического отряда Александровской общины Российского Красного Креста, прибывшего в Сербию весной 1915 г. Отряд принял решение не оставлять больных и раненых после отступления сербских войск в октябре 1915 г. В январе 1916 г. персонал госпиталя был интернирован в Болгарии, где находился в крайне тяжелых условиях, пока не был обменян на болгарский санитарный отряд Славянского общества. До 1920 г. проработал в Томском университете. В 1921 г. основал кафедру физиологии в Иркутском университете и возглавлял ее до 1933 г. С 1933 г. по 1938 г. — заведующий кафедрой физиологии Башкирского медицинского института. С 1938 по 1948 г. — заведующий кафедрой нормальной физиологии Крымского медицинского института.

² *Педжет Ральф Спенсер* (1864—1940) — посол Британии в Сербии в 1910—1913.

³ *Хантер Уильям* (1861—1937) — начальник инфекционного отделения в больнице Св. Панкраса в Лондоне. Глава британской военно-санитарной миссии в Сербии в марте—июне 1915 г., состоявшей из 25 военных врачей.

⁴ *Стронг Ричард Персон* (1872—1948) — директор института тропических болезней в Гарварде. В 1915 г. — глава медицинской миссии американского Красного Креста в Сербии.

⁵ *Др. Жубер (Joubert)* — начальник французской военной миссии в Сербии.

ства входили: начальник Санитета Министерства военного д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Каранович¹, начальник Санитета Министерства внутр[енних] дел д[окто]р мед[ицины] Николич², инспектор военных госпиталей д[окто]р мед[ицины] Зондермаер³. Приглашались, кроме того, на заседания многие члены скупщины, чтобы координировать работы чисто медицинско-санитарного характера с работами законодательными, производимыми членами скупщины, избранными с этой целью.

Вся Сербия была разделена на 14 секторов, и каждый из них был поручен отдельной организации из приехавших иностранных отрядов, число членов которых достигало 500 человек. Север Сербии обслуживали французские и английские отряды, юг — американские. Все большие центры передовой линии и тыла были поручены специальным отрядам: в Белграде работали американцы и французы, в Кралево, в Крагуевце — англичане, в Нише — русские, в Скопле — англичане. Международная комиссия получила право издавать обязательные для всех правила и санитарные постановления. Случай — вероятно, единственный в истории!

Как только Ниш с его окрестностями (приблизительно 60 километров радиус) поступил в санитарное ведение русского Комитета, то для лучшей организации санитарной работы к участию в ней были привлечены не только представители правительственной власти, но и сам город, как и отдельные граждане. Было создано бюро «Руско-Српска градска лекарска помоћ», в которое, кроме вышеупомянутых членов Комитета, входили: референт дивизии д[окто]р мед[ицины] Трипкович⁴, городской голова, префект полиции и 5 са-

¹ *Каранович Сима* (1866—1928) — сербский военный врач, начал службу в 1895 г. С 1913 г. и до смерти — начальник санитарной службы Военного министерства Королевства Сербии / СХС.

² *Николич Джоко* (1863—1940) — сербский врач и политик. Занимал различные посты от министра экономики до консула в Солуни. В 1904—1912 гг. — начальник медицинской службы муниципалитета Белграда.

³ *Зондермаер Роман* (1861—1923) — австриец по происхождению, на сербской военной службе с 1899 г. Основал первое хирургическое отделение в белградской военной больнице. Директор этой больницы, а в 1906—1909, 1919—1913 гг. — начальник санитарной службы Верховного командования сербской армии.

⁴ *Трипкович Г. Жарко* (1874—1946) — сербский военный врач, на службе с 1904 г., в 1925 г. получил звание бригадного генерала.

нитарных врачей (врачи присланы из России из пленных славян: [Тодор] Живанович, Милич, Грабовачки, Йованович)¹. Из России же прибыли специалисты по дезинфекции: два фельдшера, фармацевт и 8 санитаров.

Так[им] обр[азом], в начале 1915 г. Комитет располагал очень большой санитарной и материально обеспеченной организацией, как для лечения и оперирования раненых (русский отряд с хирургом С. Софотеровым, работавшим в 1-м и 5-м рез[ервных] госпиталях, хирургический госпиталь Московский, работавший в здании новой гимназии), так и для амбулаторного и госпитального лечения заразных больных. С этой целью имелись городская амбулатория и открытый Комитетом заразный госпиталь на 100 кроватей близ ст[анции] жел[езной] дороги Ниш в деревянных бараках. Позднее с приездом клинически оборудованного заразного госпиталя на 400 кроватей от Александринской общины № 3 дало в распоряжение Комитета новую силу по борьбе с сыпнотифозной эпидемией. Наконец, Комитет открыл в разных районах города Ниша 4 кухни для раздачи населению горячих обедов, а при монастыре Св. Петка приют для детей.

Для материальной помощи населению средства стекались из России со всех сторон, посылали решительно все, что что мог: одежду, белье, даже детские игрушки, книги, медицинские инструменты, — стекались в Комитет в огромном количестве. Был устроен специальный склад, вмещавший к концу года более 50 вагонов разного имущества. Особенно богато был обставлен медико-санитарный отдел, и русская центральная аптека широко раздавала населению все медикаменты, которые врачи прописывали.

На долю санитарной организации Ниша, во главе которой я имел честь быть почти год, выпала почетная роль быть первым инициатором по проведению в сербскую жизнь чисто русского принципа санитарной организации, именно принципа медицинской помощи населению земско-участкового.

¹ Группа пленных австро-венгерских офицеров-военврачей, югославянского происхождения, изъявивших желание продолжить службу в сербской армии. Отпущены из России в феврале 1915 г. по настоятельной просьбе Н. Пашича, пытавшегося решить нехватку медицинского персонала в Сербии, страдавшей от повальных эпидемий тифа.

Дело так хорошо привилось, так отвечало местным потребностям и самому складу народной жизни, что приходится только жалеть, почему этот принцип совершенно игнорируется в настоящее время.

В городе с 4 участками врачебной помощи врач не только лечил и дезинфицировал, но и выдавал карточки на бесплатный обед и ужин всем нуждающимся. Как только в базарный день устанавливалась та или другая болезнь у приехавших в город крестьян, специально разъездной врач отправлялся в село и на месте боролся с источником заразы, оставляя после себя или фельдшера, или сестру. Вокруг Ниша было таким образом объехано нашими врачами 125 сел по радиусу до 80 километров. О деятельности врачей, приезжавших в села с медикаментами и всем необходимым для ухода за больными, слух расходился далеко по селам, и нам не нужно было разыскивать прячущихся больных, как то имело место в соседних районах. Наш метод скоро был даже принят американцами, а англичане скопировали наш способ выдачи бесплатных обедов.

По мере нужды, Комитет из наличных врачебных и санитарных сил составлял свои отряды и посылал их на борьбу с эпидемией. Так был послан большой и очень богато оборудованный отряд в Чайнину, в Дечаны. Питание бедного населения началось по нашему плану даже в Белграде (выдано 131 000 обедов). Скопление огромного числа беженцев в Нише, и особенно детей, ставило на очередь массу новых нужд, и Комитет намечал план еще более интенсивной и еще более охватывающей все потребности населения зимней кампании. Решался вопрос о том, как разместить приехавших беженцев, как накормить и одеть тысячи детей. По составленному мною плану я должен был получить из России около 5000 киргизских кибиток из кошмы для размещения беженцев. Первый транспорт одежды и кибиток, около 12 вагонов, пришел в Сербию, когда пришлось бежать из Ниша. Новые события нарушили нашу работу и заставили бежать из Сербии!

Не могу не отметить роль и значение Солунского госпиталя. Пред войной он был обставлен всем необходимым для медико-санитарной работы в течение 6 месяцев. При командировке меня в Ниш я, с разрешения Министерства иностр[анных] дел, взял с собою два вагона медико-санитарного материала, которые

и послужили первой базой для работ в 1-й рез[ервной] больнице в Нише. По телеграфному распоряжению того же министерства, меня из Рима после Албанского отступления снова послали в Салоники и приказали открыть Солунский госпиталь для приема раненых и больных сербов на средства, отпущенные для этой цели из личных средств Государя. На его же средства открыта была и специальная кровать для неимущих славян. Так[им] обр[азом], Солунский госпиталь начал помощь при открытии войны, он же и закончил эту помощь, принимая сербских раненых и больных с 17 января 1916 г.

Если я Вам скажу, что среди высших санитарских чинов, бывших у власти в Солуни, были такие, что первые кричали и требовали реквизировать от меня русский госпиталь, когда наша Родина распалась под большевиками, то Вы, вероятно, мне не поверите, повторяю, когда я скажу, что это был сербский санитарский полковник!

Вероятно, за то, что я стихийно отстаивал русское и национальное дело, мне порученное, я после 18 лет работы в Сербии, приняв подданство, так и не мог получить резервного санитарского чина выше от капитана! Вот почему, уважаемый коллега, я и стремлюсь ликвидировать свои дела здесь и приготавливаю к переселению в более ценящую и работу, и людей страну¹.

Если бы Вам потребовались другие данные и дополнительные сведения о русских отрядах, то, пожалуйста, пишите. В посланных сведениях я не поместил солунский период, который произошел вне пределов Сербии.

Примите уверение в совершенном уважении, готовый к помощи д-р С. Софотеров.

Музей науке и технике, Одељење Музеј Српског лекарског друства.

Инв. бр Т. 180 : 134.

¹ Несмотря на всю эмоциональность этого письма, С.К. Софотеров остался в Сербии. Позднее стал профессором, заведующим кафедрой хирургии медицинского факультета Белградского университета, врач социального страхования в Земуне и эмигрантской поликлинике Российского Красного Креста. Написал свыше 100 научных трудов на русском, сербском, немецком и французском языках. Награжден орденами Белого Орла и Святого Саввы, знаком Албанского похода, Крестом милосердия.

18. Памятники русским воинам, погибшим и умершим на территории Республики Сербии во время Первой мировой войны

На территории Республики Сербии имеется несколько надгробных памятников (общих и индивидуальных) русским солдатам — участникам Первой мировой войны. Наиболее известные и монументальные украшают общие могилы, и первый среди них — надгробный монумент «Русским солдатам, погибшим в годы Великой войны» на Новом кладбище в Белграде (**Приложение 1**). Его торжественное открытие состоялось 24 мая 1935 г. В основании памятника находится часовня, в которой покоятся останки русских солдат, погибших на Салоникском фронте и на территории бывшей Югославии. Инициатор появления монумента М. Скородумов опубликовал брошюру, посвященную его строительству¹. Памятник обновлялся в 1995 г. и в 2008—2009 гг. без привлечения профессиональных реставраторов. Результатом работ, которые продолжают до сих пор, стало уничтожение на боковой поверхности надписей, которые теперь не представляется возможным прочитать. Внутреннее убранство часовни также не сохранилось. На русском участке Нового кладбища находится и общее захоронение бывших военнослужащих русской императорской армии и флота, которые умерли в эмиграции в Белграде. Эти люди, которые, несомненно, участвовали в Первой мировой войне, состояли членами организации «Русское ополчение», возглавляемой вышеупомянутым Скородумовым. Монумент, украшенный русским добровольческим крестом, находится в плачевном состоянии. Надпись, выбитую на граните, прочитать невозможно.

Кроме вышеуказанных, в Сербии есть несколько памятников, менее известных и не столь величественных. Два из них находятся на юге Сербии, неподалеку от г. Вранье — в окрестностях с. Корбевац и на горном перевале Бесна Кобила (на горе Крива Фея). Они хранят память о русских солдатах и офицерах Первой мировой и Гражданской войн, оказавшихся в эмиграции и умерших на строи-

¹ *Скородумов М.Ф.* Шта треба да зна, сваки Словен, а нарочито словенски политичар. Београд, 1939.

тельстве горной дороги Босилеград — Вранье. Эта дорога, построенная в 20-е гг. XX в. русскими казаками в тяжелейших условиях и без каких-либо технических средств, до сих пор называется «русской». Памятники недавно восстановлены.

Кроме того, во Вранье на городском кладбище находится и недавно обновленный памятник генералу Лонгвинову. На горе Мокра Гора, в районе города Ужице, стоит маленькая часовня, посвященная русским военнопленным. В Белграде, на Калемегдане в церкви Св. Петки (Параскевы), имеется совместный памятник и могила сербских и русских военнослужащих, павших во время обороны Белграда и его окрестностей. Имена покоящихся в захоронении нам не известны, но их поминают в находящейся поблизости церкви Ружица, когда служат панихиду. Сохранились фотографии русской батареи, расположенной на Калемегдане, однако точно установить, где стояли пушки, проблематично, так как облик крепости сильно изменился в период между Первой и Второй мировыми войнами.

Сохранились также два памятника над могилами русских военнопленных, умерших в г. Нови Сад, а также в городской крепости Петроварадин. (В **Приложении 2** представлен соответствующий список.) Инициатором установления монументов был Дмитрий Скриниченко, оставивший следующую запись в своем дневнике: «Считаю себя духовно удовлетворенным тем, что мне удалось собрать сведения о военнопленных, погибших здесь, в бывшей Австрии, и поставить два памятника: один — на Успенском кладбище в Нови Саде, а второй — на Петроварадинском военном кладбище. Первый торжественно освящен 7 июля в присутствии представителя короля полковника Сретена Тодоровича. С речами выступили я, сербский священник Матияшевич, Сергеев и Григорьев. А второй был открыт 13 октября. Памятник освящен в присутствии многочисленных русских и местных жителей; памятник освятил и произнес речь митрополит Антоний. Памятники изготовлены по проекту Ю.Н. Шретера и под его контролем. Сведения об умерших от голода, расстрелянных и т.д. я получил в архиве новисадской городской администрации, а также от сербского священника Матияшевича и католического военного священника. Деньги на изготовление дали местные жители, проявившие сочувствие. Русские и здесь препятствовали сооружению памятников. Как мешали, не стану говорить.

Ну их. Важно, что дело сделано. Когда мы рассеемся или умрем, хоть эти памятники будут свидетельством, что русские эмигранты заботились не только об устройстве личной жизни...»¹

Городские власти недавно восстановили памятник на старом Успенском кладбище. Подтверждено, что он установлен в честь офицеров и солдат, участвовавших в Первой мировой войне. Монумент в Петроварадине до недавнего времени пребывал в запустении и выглядел особенно удручающе рядом с соседними памятниками военнослужащим Централных держав, отреставрированными на немецкие и австрийские деньги. Памятник обновлен совместно с консульской службой Посольства РФ в 2013 г. До Второй мировой войны рядом с двумя вышеуказанными монументами стояли деревянные кресты, под которыми находились индивидуальные солдатские захоронения. Поэтому оба монумента можно считать кенотами. На них имелись декоративные элементы в виде снарядов, отлитых из чугуна. Впоследствии их украли, чтобы продать на металлолом. Следует упомянуть, что на римокатолическом кладбище в Нови Саде захоронено 42 российских военнопленных с фронтов Первой мировой войны (1915—1918).

Памятники в Нови Саде и Петроварадине установлены в местах, где находились большие лагеря для военнопленных. Такой же лагерь был и в г. Велики Бечкерек (сегодняшний Зренянин) — в районе «Шумица», где теперь расположен военный полигон. На основании синодиков церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, можно составить список тех, кто находился в этом лагере. Организовали его в начале войны, а уже 19 октября 1915 г. на военном участке городского кладбища похоронен некто Александр Ермоленков — умерший от тифа военнопленный из ст. Михайловской (?). От инфекционных заболеваний умерла большая часть военнопленных. Прежде всего, от «испанки», во время Первой мировой войны унесшей жизни 20 миллионов человек. После Второй мировой войны военное кладбище Первой мировой (как и во многих других городах в Югославии) было уничтожено. Останки русских солдат перенесли на Граднуличское кладбище. 17 ноября 1991 г. на

¹ Скриниченко Д.В. Обрывки из моего дневника / Предисловие и подготовка текста В. Б. Колмакова; примечания А.Б. Арсеньева, В.Б. Колмакова, В.А. Скриниченко. Москва, 2012. С. 193.

том месте, куда перезахоронили останки сербских и русских военнопленных, по инициативе местного Общества сербско-русской дружбы, была освящена часовня, построенная по проекту архитектора Милорада Бербакова. Судя по списку, на кладбище лежат останки 241 солдата, из которых 82 были русскими военнопленными (см. **Приложение 3**)¹. На мраморной плите памятника высечены стихи зренянинского поэта Радивое Шайтинаца:

Из исте војске, са истих копорана,
Вознеси, Господе, сјај њихових рана;
Спојте их братством славјанског бескраја,
Србијо мати, и Ти, Русь родная².

Групповые захоронения русских военнопленных имеются и в других городах Воеводины. Так, известны фамилии 51 русского, умершего в лагере в г. Сента и похороненного на местном кладбище (см. **Приложение 4**). Аналогичные захоронения есть в городах Бела Црква и Вршац. В первом на кладбище стоят несколько неподписанных металлических русских крестов. Большой лагерь военнопленных находился в г. Смедерево на берегу Дуная, неподалеку от железной дороги. Бараки и кладбище не сохранились. Определить их местонахождение удалось на основании архивных документов и фотографий.

Несколько индивидуальных захоронений тоже имеют отношение к интересующей нас теме. Из находящихся в Белграде и принадлежащих кому-либо из участников Первой мировой войны самым важным является могила генерал-лейтенанта Петра Врангеля (1878—1928), покоящегося в русской церкви Св. Троицы на Ташмайдане. Генерал скончался в Брюсселе, но перед смертью выразил желание быть похороненным в Белграде. Год спустя, с разрешения короля Александра, останки были торжественно перенесены в Бел-

¹ Список составлен на основании сведений, предоставленных А.Б. Арсеньевым — ведущим специалистом по русскому мемориальному наследию в Сербии.

² Из одной армии, из одинаковых мундиров, вознеси, Господь, сияние их ран, сплоти их братством славянским бесконечным, Сербия-мать, и ты, Русь родная...

град. Русских участников Первой мировой войны, эмигрировавших в Сербию после Гражданской войны, хоронили на Новом кладбище в Белграде. Там же, на русском участке, лежат и те, кто тем или иным образом оказал влияние на события 1914—1918 гг. В первую очередь, к ним следует отнести Николая Гартвига (1857—1914) — русского посланника в Сербии, который, пытаясь изо всех сил предотвратить развязывание конфликта, внезапно умер от инфаркта, случившегося с ним 10 июля 1914 г. во время посещения Австро-Венгерского посольства. Часовня, в которой покоится Гартвиг, украшена мозаикой. Похороны российского посланника превратились в массовую манифестацию сербского народа, имевшую выраженный антиавстрийский характер. На удалении от других русских могил стоит большой восьмиконечный крест над могилой Михаила Родзянко (1859—1924) — председателя Государственной думы Российской империи (1911—1917), сыгравшего ключевую роль в событиях февраля 1917 г. Там же, на Новом кладбище, под скромной белой мраморной плитой с высеченной надписью «Михаил» лежат останки Михаила Алексеева (1857—1918) — крупнейшего русского полководца периода Первой мировой войны. После того как император Николай II стал Верховным главнокомандующим, Алексеев с августа 1915 г. занимал должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. В этом качестве он вплоть до Февральской революции фактически руководил всеми военными операциями. Важную роль Алексеев сыграл и в феврале 1917 г. В 1920 г. во время отступления Белой армии его земляки, опасаясь осквернения могилы генерала, вывезли останки с собой в Сербию. В годы коммунистического правления, дабы избежать уничтожения гробницы родоначальника и вождя Белого движения, оригинальная могильная плита была заменена другой, с лаконичной надписью «Михаил». В 2010 г. стараниями петербургской общественной организации «Белое дело» над гробом Алексеева появилась новая плита, на которой высечено: «От русских людей, в год 90-летия завершения Белой борьбы на Юге России». Также указано его полное имя и перечислены заслуги перед родиной. Следует сказать, что рядом с Алексеевым находится могила Живоина Мишича (1855—1921) — самого выдающегося сербского полководца своего времени, стоявшего во главе штаба Верховного командования

сербской армии в 1918 г. Глубоко символично, что два генерала, от которых зависела судьба русской и сербской армий, и которые так по-разному встретили окончание войны, покоятся рядом.

Ниже приведены списки военнослужащих Российской империи, павших во время Первой мировой войны и похороненных на территории Республики Сербия: в братской могиле на Новом кладбище в Белграде, Петроварадине, Сенте и Зреняnine (Бечкерек). До настоящего времени нам не удалось обнаружить списки захороненных на других кладбищах. Имеются в виду 66 военнопленных, умерших в лагерях в 1914—1918 гг. и похороненных в Нови Саде на Успенском кладбище и в Смедерево на Новом кладбище, которое было уничтожено после Второй мировой войны. Публикуем и статью из газеты «Политика» за 24 мая 1935 г., в которой описывается открытие в Белграде памятника и склепа с останками русских солдат. Судя по публикуемым спискам, большинство погибших — русские. Но среди них были также белорусы, поляки, украинцы, евреи и татары, о чем можно судить по указанным данным (не только по местам рождения, как ты написал, но иногда и по именам). Все они сражались и погибли как солдаты исчезнувшего в 1917 г. государства — РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«Политика», 24 мая 1935 г. № 9701

«Сегодня столица почтит память павших русских воинов»

На Салоникском фронте сражались две русские бригады. Их потери убитыми, ранеными и выбывшими из строя по болезни составили 10 000 человек.

Пехотный полковник в отставке и в резерве г. Любомир Неделькович, который уже опубликовал первую часть фотографических военных документов в альбоме «Прорыв Салоникского фронта», располагает и коллекцией фотографий, запечатлевших русские части на Салоникском фронте. Г. Неделькович рассказал нам о русских военнослужащих:

«Эти части высадились в Салониках как добровольческие. Из них сформировали две бригады, которые держали сектор в продолжение сербского сектора, на левом крыле сербской армии — позиция Црна Река—Браздаста Коса. Их тыловые части располагались в Беговской Куле, имения Петалино. Это были молодые еще люди, которые совершили несколько подвигов, дерзких атак, дорого им обошедшихся. На этом участке фронта после них остался один памятник. На скале они написали икону Св. Николы, а под ней большими буквами высекли следующий текст: “Здесь под защитой Святителю Николаю Чудотворцу доблестные русские солдаты и офицеры VII особого пехотного полка молились, сражались и героически погибали за освобождение единоверной, братской и родной нам Великой Сербии от вероломных болгар, которые предательски подняли меч против матери своей — России-освободительницы. 1916 и 1917 гг.”. Среди русских добровольцев был и один мальчик в форме, который маршировал рядом со своим отцом, командовав-

шим бригадой. Впереди строя несли белое знамя с ликом Христа и надписью “С нами Бог”. Русские части оставались на передовой до заключения перемирия между Россией и Центральными державами. После этого их использовали в неглубоком тылу на строительстве дорог. Так и осталось до конца войны».

Императорский российский военный агент в Сербии, находившийся на этой должности всю войну, генерал г. Виктор Артамонов сказал нам, в связи с сегодняшней торжественной церемонией, следующее:

«В мировой войне России выпала тяжкая доля. Помимо своего западного фронта длиной в тысячу километров, а также кавказского фронта в несколько сот километров она, стечением военных обстоятельств, вынуждена была оборонять и румынский фронт. Добросовестно поддерживая своих союзников, Россия послала в Сербию в начале войны отдельные формирования моряков, инженеров и артиллеристов для действий на Саве и Дунае, а также госпитали и санитарные средства. Наконец, на Салоникский фронт отправила две бригады: 2-ю бригаду генерала Дитерихса и 4-ю генерала Леонтьева, дабы засвидетельствовать этим свое горячее стремление восстановления Сербии и ее фронта.

Эти бригады приняли участие в тяжелых боях на Салоникском фронте и понесли большие потери. Погибших и эвакуированных из-за ран и болезней (малярии) было, насколько мне известно, десять тысяч человек.

Так, во время наступления, закончившегося взятием Флорины, 3-й русский полк имел 487 погибших и раненых и 260 больных. В октябре 1916 г. под Битолем 2-я русская бригада три раза атаковала позиции Кенали—Меджидли—Лазец—Велутина и потеряла около тысячи человек убитыми и ранеными. 2-я бригада в боях с немцами у излучины Црной Реки, в районе высоты 1050 потеряла 42 офицеров и 1871 солдата и унтер-офицера. 4-я бригада, в основном, сражалась на позиции Браздаста Коса—Груниште—Будумуровцы—Старовина и два дня подряд — 11 и 13 декабря 1916 г. — пыталась штурмом овладеть Браздастой Косой. О ее потерях у меня нет сведений.

Могилы павших русских солдат рассеяны вдоль фронта — по обе стороны сегодняшней греческо-югославской границы.

Часть раненых русских отправляли во французские госпитали в Зейтинлике. Там их похоронено, как минимум, 180. Будучи комендантом месторасположения русских частей в Салониках, я в ноябре 1917 г. высадил рядом с их кладбищем 150 кипарисов. Как мне потом сообщили, кипарисы хорошо прижились и сегодня достигают высоты в 7—8 метров. Русское кладбище в Зейтинлике находится рядом с сербским. Когда там построят склеп, в него перенесут и останки похороненных на греческой земле.

Кроме тех, кто погиб при обороне Белграда в 1915 г. и на Салоникском фронте, в югославской земле есть могилы и других русских солдат; тех, кто попал в плен на русско-австрийском фронте, а потом был рассеян во многочисленных рабочих командах военнопленных. Некоторых пленных, отказавшихся работать на австрийскую армию, австрийцы расстреляли. До 600 человек погибло на горе Шкрятца (2738 м) на границе Словении и Италии. Они строили дорогу, и их накрыла лавина. На месте их гибели поставили небольшую церковь.

Все русские в эмиграции обрадуются, когда узнают о трогательном внимании, которое оказывают в Югославии их соотечественникам, павшим за славянское дело. Убежден, что обрадуются в большинстве своем и русские люди в нашем отечестве, если узнают об этом».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список имен военнослужащих, останки которых в жестяных гробах находятся в мемориальном склепе на Новом кладбище в Белграде¹

Петар Приходский полковник, † 1920
 Леонид В. Корнежевский, поручик 3 особого пех. полка, † 1917
 Константин А. Сухенский, поручик 3 особого пех. полка, † 1917
 А.И. Покосовский, поручик 3 особого пех. полка, † 1917
 Михаил Муравьев, поручик 3 особого пех. полка, † 1916
 Николай Охотин, подпоручик 3 особого пех. полка, † 1917
 Юрий Скурский, подпоручик 3 особого пех. полка, † 1917
 Иван Алимов, рядовой † 1916
 Филипп Короткий, рядовой † (год стерт)
 Алексей Мостанов, рядовой † 1917
 Григорий Коробков, рядовой † 1916
 Владимир Прокопьев, рядовой † 1916
 Матвей Филоненко, рядовой † (год стерт)
 Пантелей Иваник, рядовой † 1916
 Егор Поликарпов, рядовой † 1916
 Федор Кохетко, рядовой † 1917
 Михаил Драженский, рядовой † 1916
 Иван Крысков, рядовой † 1917
 Василий Попов, рядовой † 1917
 Михаил Игнятов, рядовой † 1917

¹ Список был бережно сохранен протоиереем-ставрофором о. Виталием (Тарасьевым), представителем благородного рода, олицетворяющего бессмертную душу русского Белграда. Не одно поколение Тарасьевых оберегало достояние Русской православной церкви в Сербии.

Иван Шуелов, рядовой † 1916
 Илья Тучкалов, рядовой † 1916
 Петр Никоник, рядовой † 1917
 Иван Пучков, рядовой † 1917
 Иван Тямин, рядовой † 1917
 Фома Нестеров, рядовой † 1916
 Лука Братенко, рядовой † 1917
 Николай Двежд, рядовой † 1917
 Данила Гребешников, рядовой † 1917
 Иван Саминоков, рядовой † 1916
 Николай Захаров, рядовой † 1916
 Прокоп Федин, рядовой † 1916
 Йосиф Червенко, рядовой † 1918
 Павел Борисов, рядовой † 1916
 Степан Пенков, рядовой † 1916
 Михаил Сорин, рядовой † 1917
 Трифун Кирюшкин, рядовой † 1917
 Иван Беляев, рядовой † 1917
 Тит Чичинов, рядовой † 1917
 Киприан Окороков, рядовой † 1917
 Николай Иванов, рядовой † 1917
 Иван Матюшкин, рядовой † 1916
 Трофим Лукин, рядовой † 1916
 Митрофан Чуйко, рядовой † 1917
 Илья Аикров, рядовой † 1917
 Максим Козуяк, рядовой † 1916
 Емельян Жибров, рядовой † 1917
 Иван Короткин, рядовой † 1917
 Степан Буйкулин, рядовой † 1917
 Симен Фитичев, рядовой † 1916
 Лукьян Королев, рядовой † 1916
 Иероним Игнатъев, рядовой † 1917
 Терентий Толкач, рядовой † 1917
 Захар Колишний, рядовой † 1917
 Егор Хованов, рядовой † 1917
 Назар Корзов, рядовой † 1917
 Григорий Ныров, рядовой † 1916

Григорий Коменко, рядовой † 1917
 Данила Хорнов, рядовой † 1916
 Михаил Костардиев, рядовой † 1916
 Иван Винокуров, рядовой † 1917
 Борис Дудник, рядовой † 1917
 Иван Героев, рядовой † 1918
 Григорий Чивуторский, рядовой † 1918
 Федор Подоприслова, рядовой † 1917
 Афанасий Соколов, рядовой † 1918
 Игнат Серапионов, рядовой † 1918
 Николай Нитиленко, рядовой † 1917
 Григорий Федоренко, рядовой † 1917
 Лев Муровьев, рядовой † 1917
 Алексей Рыжков, рядовой † 1916
 Влас Никифоров, рядовой † 1917
 Федор Купельников, рядовой † 1916
 Кирилл Рамин, рядовой † 1916
 Василий Торелюков, рядовой † 1917
 Максим Сиркоенко, рядовой † 1916
 Николай Яковлев, рядовой † 1917
 Михаил Харбовский, рядовой † 1917
 Алексей Жобрено, рядовой † 1916
 Еремей Абаринов, рядовой † 1917
 Прокоп Никитин, рядовой † 1916
 Михаил Парфенов, рядовой † 1916
 Егор Пандуков, рядовой † 1916
 Егор Драголов, рядовой † 1917
 Христофор Климанов, рядовой † (год стерт)
 Яков Тихоньев, рядовой † 1917
 Павел Шестяков, 4-го особого полка, 2-й роты, † 1917 (каменный крест)
 Афанасий Шевурков, 3-го Русского полка, 4-й роты, † 1917 (каменный крест)
 Василий Кравченко, 4-го особого полка, 3-й роты, † 1917 (каменный крест)
 Михаил Кипелов, 4-го особого полка, 11-й роты, † 1917 (каменный крест)

Филипп Кононюк, 4-го особого полка, 4-й роты, † 1917 (каменный крест)

Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.
 Гроб с посмертными останками без имени.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Могила русских военнопленных, похороненных в 1915—1918 гг. на военном кладбище в Петроварадине¹

Список публикуется в исходном написании имен, возникшим из некой странной смеси российской и сербской орфографии, словно символизирующей единство двух народов, оплакивающих павших героев. Попытки исправить написание могли бы усложнить возможную (в дальнейшем) идентификацию имен умерших. Стоит отметить, что большинство местных писарей записывали имена на слух, что приводило к многочисленным ошибкам. Все же возможны определенные правила. Так, сербское Љ и Њ стоит распознавать как аналог русского ЛЬ (или мягкий знак) и НЬ, Ћ (строчный вариант ħ) — как русское ДЬ, Ћ (строчный вариант ħ) — как русское ТЬ и Ч (в конце фамилий), Џ — как ДЖ, Ј — как Й (или мягкий знак). Проблема в том, что «йотирование» и «смягчение» могли выражаться по-разному, а фонетическое написание абсолютно доминировало. Не говорим уже о немцах и венграх, для которых с, ш, и з в русских фамилиях плясали хороводом. Что уж говорить о других россиянах (например, татарах и кавказцах)? Также стоит иметь в виду, что писари начала прошлого века имели склонность к написанию чужих имен на свой лад. И «Юрий Дегтярев из деревни Кузьминичи» мог превратиться в «Ђурђа Ђекћарова из Кусминић» или «Јураја Детерева из Козминц». При транслитерации этих спи-

¹ *Марковић Т.* У спомен руским заробљеницима сахрањеним у Петроварадину // Новембарски дани у Новом Саду 1918: зборник радова са стручно-научног скупа одржаног 8 новембра 2012 године / ур. Д. Његован, З. Лазин. Нови Сад, 2012. С. 96—135.

сков с латиницы (на ней составлялись списки в Австро-Венгрии) в кириллицу, доминировавшую в королевстве Югославии до второй мировой войны, добавлялась своя порция ошибок.

1. НИКИТА ЈАСТРУБ (1886 — 11 августа 1915)

Место рождения: Чеченци

Губернија: Подол.

Вероисповедание: Православный

Профессия: земледелец

Размещен: И. и К. лагерь военнопленных в Нови-Саде

Статус: военнопленный № 6/64

Причина смерти: паратиф

Похоронен: 13 августа 1915, на военном кладбище в Петроварадине

2. ФРАНЦ КАЧАРОВСКИ (1894—19 декабря 1915)

Место рождения: Скржањ

Округ: Гостининска

Губерния: Варшава

Вероисповедание: римокатолик

Профессия: электрик

Размещен: военная больница, отделение № 54

Статус: русский военнопленный

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 20 декабря 1915 на военном кладбище в Петроварадине

3 ФИЛИМОН РИЧЕЊЕНКО (1885 — 5 января 1916)

Место рождения: Николајевка

Округ: —

Губерния: Харьков

Вероисповедание: Православный

Профессия: земледелец

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение № 27/Б

Статус: русский военнопленный № 6/51

Причина смерти: диабет

Похоронен: 6 января 1916, на военном кладбище в Петроварадине

4. МИХАИЛ БАЗИКИН (1885 — 21 февраля 1916)

Место рождения: Хжеј (?)

Округ: —

Губерния: Московска област

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение

№ I/V

Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 508

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 23 февраля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

5. ИВАН ТУЈУКИН (1888 — 6 марта 1916)

Место рождения: Ново... (?)

Округ: —

Губерния: Вороњешка (Азовска губернија)

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение

№ 24

Петроварадин

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 8 марта 1916, на военном кладбище в Петроварадине

6. ВАСИЛИЙ КОЗИРЈОВ (1883 — 6 апреля 1916)

Место рождения: Дјеревња

Округ: Грасњовка (?)

Губерния: Саратов

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение

№ 27/6

Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 5/58

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 7 апреля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

7. ИВАН КАЗЈЕЈКИН (1876—13 апреля 1916)

Место рождения: Адашево

Округ: Инсарскиј уезд

Губерния: Пјензенска губернија (Пенза)

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение

№ 2/а

Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 5/58

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 15 апреля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

8. НИКОЛАЙ НОЗДРИН (1893 — 18 апреля 1916)

Место рождения: Оскольскоје (Оскол)

Округ: —

Губерния: Курска

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: бродарска група у Новом Саду

Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 11,577

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 20 апреля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

9. ИЛИЈА КЛОЧКОВ (1886 — 21 апреля 1916)

Место рождения: Тангарог

Округ: —

Губерния: Тулска

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение

№ И/ц Петроварадин

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 23 апреля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

10. ИОСИФ ДИМИТРУК (1879 — 23 апреля 1916)

Место рождения: Древньовск (?)

Округ: —

Губерния: Херсон

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение № II Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 287

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 25 апреля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

11. МИХАИЛ ВИСКУЛА (1878 — 5 мая 1916)

Место рождения: Нововоронцовка

Округ: —

Губерния: Херсон

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение № II Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 287

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 7 мая 1916, на военном кладбище в Петроварадине

12. АНДРЕЙ (?) ШЕВЧЕНКО (1883 — 8 мая 1916)

Место рождения: Королюк (?)

Округ: —

Губерния: Кијев

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Размещен: трудовой лагерь для военнопленных, отделение № II Петроварадин

Статус: русский военнопленный № 287

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 9 мая 1916, на военном кладбище в Петроварадине

13. ЛЕГОР СКОВОРОДНИКОВ (1894 — 18 мая 1916)

Место рождения: —

Округ: —

Губерния: Вјатка

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: 8-й пехотный полк

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № 49

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 18 мая 1916, на военном кладбище в Петроварадине

14. ДАНИЛ ХОРОШЧЕНКО (1879 — 17 мая 1916)

Место рождения: —

Округ: —

Губерния: Тавричевска

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: 3-ий пехотный полк

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № 281

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 20 мая 1916, на военном кладбище в Петроварадине

15. ГРИГОРИ СУЧОК (1880 — 7 февраля 1916)

Место рождения: Авриловка

Округ: —

Губерния: Кијевска

Вероисповедание: Православный

Профессия: земледелец

Часть: 3-ий пехотный полк

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № 413

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 9 февраля 1916, на военном кладбище в Петроварадине

16. ИВАН ФЛОДОРОВИЧ КРУГЛАК (1883 — 29 мая 1916)

Место рождения: Королевка

Округ: Лекатаринослав

Губерния: Кијевска

Вероисповедание: Православный
 Профессия: земледелец
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: карцином
 Похоронен: 30 мая 1916, на военном кладбище в Петровара-

дине

17. ПЕТР ЛАПАНОВ (1893 — 29 мая 1916)

Место рождения: Кишњецко (?)
 Округ: Вологда
 Губерния: Вологодска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: земледелец
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез легких
 Похоронен: 31 мая 1916, на военном кладбище в Петровара-

дине

18. ВАСИЛИЙ ЈЕФИМОВ КОНАВАЛОВ (1882 — 6 июня 1916)

Место рождения: Бороској
 Округ: Тоболск
 Губерния: Тоболска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: опухоль мозга
 Похоронен: 7 июня 1916, на военном кладбище в Петроварадине

19. МИХАИЛ ПИМИОНОВ ПАРАДЈЕЈАВ (1876 — 19 июня 1916)

Место рождения: Мардовско
 Округ: Новосевска(?)
 Губерния: Тамбовска
 Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № 166
 Причина смерти: опухоль мозга
 Похоронен: 20 июня 1916, на военном кладбище в Петровара-

дине
 20. ГРИГОРИЈ АЊИФИМОВ (?) ЗАИКИН (1876 — 28 июля 1916)

Место рождения: Владимировка
 Округ: —
 Губерния: Астраханска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез легких
 Похоронен: 30 июля 1916, на военном кладбище в Петровара-

дине

21. ЈЕФИМ КУЦЕРЕНКО (1889 — 29 июля 1916)

Место рождения: —
 Округ: —
 Губерния: —
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: опухоль мозга
 Похоронен: 31 июля 1916, на военном кладбище в Петровара-

дине

22. РОМАН НИКОЛАЈЕВИЧ ПЕТРОВСКИ (1890 — 3 августа 1916)

Место рождения: ?
 Округ: —
 Губерния: ?

Вероисповедание: Православный
 Профессия: пекарь
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: опухоль мозга
 Похоронен: 5 августа 1916, на военном кладбище в Петроварадине, број надгробника № 305

23. ИВАН ИВАНОВИЧ ЈЕФРЕМОВ (1891 — 11 августа 1916)
 Место рождения: Богославск (?)
 Округ: Мариинск
 Губерния: Томска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: —
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: рожа (*erysipelas*)
 Похоронен: 13 августа 1916, на военном кладбище в Петроварадине, надгробная плита № 305

24. ПАВЕЛ ЈАШЧЕНКО (1878 — 5 августа 1916)
 Место рождения: Кобиловка
 Округ: ?
 Губерния: Курска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: пехота
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: флегмона головы и шеи
 Похоронен: 7 августа 1916, на кладбище Беочинской фабрики цемента.

25. ЈАКОБ ИВАНОВИЧ ФЕДОРЧЕНКО (1886 — 26 августа 1916)
 Место рождения: ?
 Округ: Мстиславль
 Губерния: Могильовска

Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: пехота
 Чин: унтер-офицер
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез легких
 Похоронен: 27 августа 1916, на военном кладбище в Петроварадине

26. ПЕТР ГРИГОРОВИЧ ПАВЕЛК (1878 — 5 сентября 1916)
 Место рождения: Васовка (?)
 Округ: Золотоносец (?)
 Губерния: Полтавска
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: пехота
 Чин: унтер-офицер
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: ожоги от взрыва
 Похоронен: 6 сентября 1916, на военном кладбище в Петроварадине

№ 309

27. МИХАИЛ АНДРЕЈЕВИЧ МАСЛОВ (1894 — 7 сентября 1916)
 Место рождения: Слободка
 Округ: (?)
 Губерния: Таврическа
 Вероисповедание: Православный
 Профессия: садовник
 Часть: пехота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез роговицы
 Похоронен: 8 сентября 1916, на военном кладбище в Петроварадине

№ 310

28. ФЛОДОР ДЕМЯНОВИЧ РУДИЙ (1891 — 8 сентября 1916)

Место рождения: Сиван (Живан)?

Округ: —

Губерния: Подолска

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: пехота,

Чин: пехотинец, рядовой

Размещен: лагерь Беочинской фабрики цемента

Статус: русский военнопленный № IR 2174

Причина смерти: воспаление легких

Похоронен: 8 сентября 1916, кладбище Беочинской фабрики цемента, 40/1916

29. ИВАН ПЕТРОВИЧ ГАРКУША (1879 — 5 октобар 1916)

Место рождения: Комесаровка

Округ: Верхне- Днепровск

Губерния: Лекатаринославска

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: Русский 6-й пехотный полк, 2-я рота.

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: воспаление почек

Похоронен: 6 октября 1916, на военном кладбище в Петроварадине, № 311

30. АЛЕКСАНДР ЛЕВГЕНИЧ ПТИЧКИН (—5 октября 1916)

Место рождения: Баранцова

Округ: Грезовик

Губерния: Вологодска

Вероисповедание: Православный

Профессия: торговец

Часть: Финский 1-й пехотный полк, 7 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: воспаление легких

Похоронен: 7 октября 1916, на военном кладбище в Петроварадине, № 312

31. ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ЗЕМКОВ (1880 — 10 октября 1916)

Место рождения: Семёновск

Округ: Вельска

Губерния: Вологодска

Вероисповедание: Православный

Профессия: торговец

Часть: Русский пехотный полк, 7 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 11 октября 1916, на военном кладбище в Петроварадине, № 313

32. НИКИФОР ФЛОДОРОВИЧ РЯБОВ (1893 — 24 декабря 1916)

Место рождения: —

Округ: Тамбов

Губерния: Тамбов

Вероисповедание: Православный

Профессия: торговец

Часть: Русский 54-й пехотный полк, 1 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 26 декабря 1916, на военном кладбище в Петроварадине, № 314

33. ИВАН ИПАТОВИЧ ГЕРАСИМОВ (1883 — 25 декабря 1916)

Место рождения: Брjóньика

Округ: Уезд

Губерния: Москва

Вероисповедание: Православный

Профессия: маляр

Часть: Русская артиллерийская бригада № 53

Чин: артиллерист

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: —

Похоронен: 27 декабря 1916, на военном кладбище в Петроварадине, № —

34. ЈЕГОРОВИЧ ПЕТУХОВ (1887 — 4 января 1917)

Место рождения: Максимка

Округ: Богородск

Губерния: Москва

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: Русский пехотный полк № 109, 6 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 6 января 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 320

35. ДАНИЛ ВАРЛААМОВ РАЗДОБУРДИН (1891 — 9 января 1917)

Место рождения: Слободка

Округ: Великий Устюг

Губерния: Вологодская

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: Русский пехотный полк № 111, 14 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 11 января 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 323

36. НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ СНЕГИРЛОВ (1848 — 12 января 1917)

Место рождения: Баган

Округ: Барнаульск

Губерния: Томск

Вероисповедание: Православный

Профессия: крестьянин

Часть: Русский пехотный полк № 48, 4 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 13 января 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 324

37. ВЛАДИМИР ГРИГОРОВИЧ ХЛОПОВ (1880 — 29 января 1917)

Место рождения: —

Округ: Троицки

Губерния: Оренбург

Вероисповедание: Православный

Профессия: плотник

Часть: Русский пехотный полк № 102, 11 рота

Чин: унтер-офицер, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез легких

Похоронен: 30 января 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 329

38. ГАВРИЛ ПАВЛОВИЧ КОСТЮЧЕНКО (1883 — 7 февраля 1917)

Место рождения: Зеленополье

Округ: Донская область

Губерния: Тангарог

Вероисповедание: Православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 207, 2 рота

Чин: унтер-офицер, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: круп

Похоронен: 8 февраля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 329

39. (?) САЈФУДИНИЧ САЈФУДИНОВ (1879 — 20 февраля 1917)

Место рождения: —

Округ: —

Губерния: Пермска

Вероисповедание: мусульманин

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 89, 6 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 22 февраля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 332

40. СЕМЈОН ЈЕГОРОВИЧ ЈЕГОРОВ (1890 — 22 февраля 1917)

Место рождения: Балсово

Округ: Гдовски

Губерния: Петроградска

Вероисповедание: православный

Профессия: столяр

Часть: Русский пехотный полк № 89, 6 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 24 февраля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 334

41. АЛЕКСАНДР АДАМОВИЧ ГОВАРКО (1874 — 23 февраля 1917)

Место рождения: Селец

Округ: Гродно

Губерния: —

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 299, 14 рота

Чин: рядовой, пехотинец

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 24 февраля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 335

42. ЈАКОБ САЗОНОВ ЛИТВИНОВ (1875 — 27 февраля 1917)

Место рождения: Веселоје

Округ: Милитополь

Губерния: Тавријска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 177, 16 рота

Чин: фельдфебель

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 1 марта 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 336

43. КУЗМА ТИМОФЈЕЈЕВИЧ НЕСТЧЕСЛИЕВ (1893 — 13 марта 1917)

Место рождения: —

Округ: —

Губерния: Каменец-Подолск

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 287, 3 рота

Чин: фельдфебель

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 14 марта 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 342

44. МАТВЈЕЈ ИВИНОВИЧ ЗИНОВЈЕВ (1884 — 24 марта 1917)

Место рождения: Горки

Округ: Елифановска об

Губерния: Тулска

Вероисповедание: православный

- Профессия: земледелец
 Часть: Руска пехотный полк № 44, 11 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: инфаркт
 Похоронен: 26 марта 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 345
45. ЯНКУЛ ПИНХУС ЛУБИТОВЕР (?) (1894 — 28 марта 1917)
 Место рождения: Ковел
 Округ: —
 Губерния: Волин
 Вероисповедание: иудаизм
 Профессия: продавец дров
 Часть: Русский пехотный полк № 37, 15 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: инфаркт
 Похоронен: 30 марта 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 346
46. ИВАН АНДРЕЈЕВИЧ БОЛОНЦ (1880 — 31 марта 1917)
 Место рождения: Лида
 Округ: Лида
 Губерния: Вилна
 Вероисповедание: римокатолик
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 317, 2 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 1 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 347
47. АДАМ ФИЛИПОВИЧ КОСОБУДСКИ (1892 — 5 апреля 1917)
 Место рождения: —

- Округ: Игуменский уезд
 Губерния: Минск
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 5, 4 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 6 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 348
48. СИМОН НИКИТИЧ МАТЈУШЧЕНКО (1872 — 7 апреля 1916)
 Место рождения: Казначеевка
 Округ: —
 Губерния: Ворожешка
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 139, 6 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: инфаркт
 Похоронен: 8 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 350
49. ГРИГОРИЈ ГРИГОРИЈЕВИЧ УШАКОВ (1892 — 9 апреля 1917)
 Место рождения: Дјеребино (?)
 Округ: —
 Губерния: Курска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 299, 9 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 11 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 351

50. АНДРЕЙ МАРКОВИЧ РУЖЕНКО (1892 — 11 апреля 1917)

Место рождения: Храм

Округ: Славеносербски

Губерния: Јекатаринославска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 174, 13 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: инфаркт

Похоронен: 12 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 352

51. ЈОСИФ ЈАКОВЉЕВИЧ БОЖИНСКИ (1894 — 21 апреля 1917)

Место рождения: Каролиново

Округ: Пуњски

Губерния: Варшава

Вероисповедание: римокатолик

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 10, 6 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: —

Похоронен: 22 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 375

52. ИВАН ГЕРАСИМОВИЧ КУНГУРЦЕВ (1887 — 28 апреля 1917)

Место рождения: Дерјушево

Округ: Малмижки

Губерния: Вјатска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 162, 13 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: —

Похоронен: 30 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 359

53. ИВАН КАЛЕЊСКОВ ТЈЕРЕСКО (1892 — 11 мая 1917)

Место рождения: Серск

Округ: Гродно

Губерния: Литовска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 162, 13 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 13 мая 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 363

54. АНТОН АНТОНОВИЧ ПУТЕНИС (1894 — 24 мая 1917)

Место рождения: Рудјали

Округ: Алексанрус (?) (Алексотас)

Губерния: Ковно

Вероисповедание: римокатолик

Профессия: земледелец

Часть: Русский пехотный полк № 162, 13 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 26 мая 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 365

55. ФЕДОР ЕВСТИГЊЕЈЕВ (1883 — 29 мая 1917)

Место рождения: Несвино

Округ: Холмски

Губерния: Псковска

Часть: православный

Профессия: крестьянин
 Ескадрон: Русский пехотный полк № 197, 2 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 31 мая 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 366

56. ГРАПФ (?) СОЛОМОНОВ ХЕИДЕЛБЕРГ (1895 — 23 июня 1917)

Место рождения: —
 Округ: —
 Губерния: Херсонска
 Вероисповедание: иудаизм
 Профессия: —
 Часть: Русский пехотный полк № 121, 3 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: —
 Похоронен: 24 июня 1917, еврейское кладбище в Нови-Саде, № 366

57. АЛЕКСЕЈ КЛИМЕНТИЈЕВИЧ ДУБИНА (1894 — 15 июля 1917)

Место рождения: Подхоридив (?)
 Округ: Павлоград
 Губерния: Лекатаринска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: —
 Часть: Руска пехотный полк № 139, 10 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 16 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине
 № —

58. ИВАН ПАВЛОВИЧ ЛИСЧЕНСКИ (1877 — 17 июля 1917)

Место рождения: Летки
 Округ: —
 Губерния: —
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 139, 10 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 18 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № —378

59. ЯКОВ КОНДРТАТОВ (1882 — 17 июля 1917)

Место рождения: Каменска
 Округ: —
 Губерния: Московска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: фабричный рабочий
 Часть: Русский пехотный полк № 16, 4 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 19 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 379

60. ГЕРАСИМ ИВАНОВИЧ ФОМИНИЧ (1891 — 26 июля 1917)

Место рождения: —
 Округ: Семиногорски (?)
 Губерния: Томска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: фабричный рабочий
 Часть: Русский пехотный полк № 4, 12 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —

- Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 28 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 382
61. ФЕДОР МАКСИМОВИЧ КОРШИН (1899 — 27 июля 1917)
 Место рождения: —
 Округ: —
 Губерния: Витебска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский егерский полк № 6, 7 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 29 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 383
62. АНТИМОН (?) ПЕДРОШОВИЧ (?) САГОВ (1888 — 28 июля 1917)
 Место рождения: Аластан
 Округ: Ахалкалакски ок.
 Губерния: Тифлиски
 Вероисповедание: армянско-католическое
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пешдијски пук № 78, 14 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 30 июля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 384
63. ЗАХАРИЈ ФЈОДОРОВИЧ СТОЉАРОВ (1880 — 31 июля 1917)
 Место рождения: Дабовка
 Округ: Сердобоск
 Губерния: Саратов
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец

- Часть: Русский пехотный полк № 12, 7 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 2 августа 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 385
64. НИКИТА ИВАНОВИЧ ТИМАНОВ (1882 — 3 августа 1917)
 Место рождения: Золотја (?)
 Округ: —
 Губерния: Вороњежка
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 243, 4 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: язвенный дерматит
 Похоронен: 5 августа 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 387
65. ИВАН МИХАИЛОВИЧ ПЕТРОВСКИ (1888 — 3 августа 1917)
 Место рождения: Никифоровка
 Округ: Велски
 Губерния: Вологодска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Часть: Русский пехотный полк № 91, рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: язвенный дерматит
 Похоронен: 5 августа 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 386
66. СТАНИСЛАВ (?) ЯКОБ ГИТЕР (1892 — 15 августа 1917)
 Место рождения: —
 Округ: —
 Губерния: Ламжа (Польша)

Вероисповедание: римокатолик
 Профессия: крестьянин
 Часть: Русский пехотный полк № 45, рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: заболевание почек
 Похоронен: 17 августа 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 392

67. ЈЕВСТАФИЈ (?) ПРОКОПИЧ КОЛТУЊУК (1893 — 28 августа 1917)

Место рождения: Подубск
 Округ: Николајевска обл.
 Губерния: Самарска
 Вероисповедание: римокатолик
 Профессия: крестьянин
 Часть: Русский пехотный полк № 315, рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 30 сентября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 393

68. КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ МАКАРОВ (1880 — 30 августа 1917)

Место рождения: Подубск
 Округ: Луцк.
 Губерния: Волинск
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русский пехотный полк № 37, 2 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 1 сентября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 394

69. ИВАН АЛЕКСЕЈЕВИЧ ШИЛОЈЕВ (1888 — 9 сентября 1917)

Место рождения: —
 Округ: Логиновски
 Губерния: —
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Часть: Русска пехотный полк № 14, 4 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 11 сентября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 396

70. АНТОН ГАВРИЛОВИЧ ЈЕЊЕНКО (1881 — 13 сентября 1917)

Место рождения: —
 Округ: Изјумски
 Губерния: Харьковска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: столяр
 Часть: Русский пехотный полк № 320, 6 рота
 Чин: унтер-офицер
 Размещен: —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: ?
 Похоронен: 15 сентября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 399

71. СЕМЈОН ГРИГОРОВИЧ КАБАКОВ (1893 — 29 септмбар 1917)

Место рождения: Арамашевскаја
 Округ: Верхотурски
 Губерния: Пермска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: столяр
 Ескадрон: Русский пехотный полк № 67, 6 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 30 сентября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 400

72. JOSIF TROFIMOVICH ORLICHENKO (1890 — 17 октября 1917)

Место рождения: Польаниченск (?)

Округ: Васильковски

Губерния: Кијевска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Ескадрон: Русский пехотный полк № 166, 9 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 18 октября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 404

73. ALEKSEJ ANDREJEVICH BURČEVSKIJ (1893 — 20 октября 1917)

Место рождения: Косинској

Округ: —

Губерния: Вологодскаја

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Ескадрон: Русский пехотный полк № 295, 14 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 22 октября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 406

74. Матвеј (?) IVANOVICH KOPOTILOV (1894 — 29 октября 1917)

Место рождения: —

Округ: —

Губерния: Тоболска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Ескадрон: Русский пехотный полк № 34, 11 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 30 октября 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 407

75. LAVENTIJ NIKIFOROVICH BAJURA (1890 — 3 новембар 1917)

Место рождения: —

Округ: Холмски

Губерния: Бесарабијска

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Ескадрон: Русский пехотный полк № 126, 6 рота

Чин: рядовой

Размещен: Хаймаскер (Hajmáskér — Венгрия)

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 5 новембра 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 409

76. VLADIMIR LUDVIG PJASKOVSKI (1891 — 11 новембар 1917)

Место рождения: —

Округ: Кутновскиј

Губерния: Варшавска

Вероисповедание: римокатолик

Профессия: земледелец

Ескадрон: Русский пехотный полк № 619, 7 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 13 новембра 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 411

77. ДЕМИД АПОЛОНОВИЧ БОНДАР (1882 — 16 декабря 1917)
 Место рождения: Великие Будишћа
 Округ: Гадјач
 Губерния: Полтавска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Ескадрон: Русский пехотный полк № 279, 7 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: военнопленный из Славонии
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 18 декабря. 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 412
78. СТЕПАН ВЛАДИМИРОВИЧ РУДАКОВ (1890 — 26 дека-
 бря 1917)
 Место рождения: —
 Округ: —
 Губерния: Курск
 Вероисповедание: православно
 Профессия: крестьянин
 Ескадрон: Русский пехотный полк № 5, 9 рота
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хаймаскер (Hajmáskér — Вен-
 грия)
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 27 декабря 1917, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 413
79. ГЕРАСИМ ЈЕФИМОВИЧ СТЈЕНЧЕНКО (?) (1882 — 4 фев-
 раля 1918)
 Место рождения: —
 Округ: Шарлово
 Губерния: —
 Вероисповедание: православный
 Профессия: земледелец
 Ескадрон: —
 Чин: рядовой

- Размещен: лагерь военнопленных в Нови-Саде, отдел № 26
 Статус: русский военнопленный № 283
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 5 февраля 1917, на военном кладбище в Петровара-
 дине, № 425
80. ГРИГОРИЈ АЛЕКСЕЈЕВИЧ САЗАЊЕНКО (1896 — 21 фев-
 раля 1918)
 Место рождения: Савель (?)
 Округ: Остарски (?)
 Губерния: Черњаховска
 Вероисповедание: православно
 Профессия: земледелец
 Ескадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хаймаскер, отдел № 5
 Статус: русский военнопленный № 138
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 22 февраля 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 429
81. ВАСИЛИЈ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ (— 22 февраля
 1918)
 Место рождения: ?
 Округ: Самарски
 Губерния: Самарска
 Вероисповедание: православно
 Профессия: земледелец
 Ескадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хаймаскер, отдел № 5
 Статус: русский военнопленный № 138
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 23 февраля 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 430
82. НИКОЛАЈ СПИРИДОНОВ ТОЛСТИХ (1884 — 23 февраля
 1917)
 Место рождения: ?
 Округ: ?

Губерния: Пермская
 Вероисповедание: православно
 Профессия: земледелец
 Эскадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хайлсберг, перемещен на работы в лагерь Нови-Сад № 112, отдел № 144
 Статус: русский военнопленный № 315
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 24 февраля 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 431

83. АНТОН СТАНИСЛАВ ЧОКРА (1881 — 25 февраля 1918)
 Место рождения: Вивротка
 Округ: ?
 Губерния: Лублин
 Вероисповедание: римокатолик
 Профессия: земледелец
 Эскадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хайлсберг, перемещен на работы в лагерь Нови-Сад № 66, отдел № 6
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 27 февраля 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 432

84. ШАДЕЈ САРЛАБАЈЕВ (1894 — 1 марта 1918)
 Место рождения: ?
 Округ: Орск
 Губерния: Оренбург
 Вероисповедание: мусульманин
 Профессия: земледелец
 Эскадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хайлсберг, перемещен на работы в лагерь Нови-Сад № 112, отдел № 66
 Статус: русский военнопленный № 157
 Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 6 марта 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 433

85. СЕМЈОН ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОВАШЕВ (1878 — 12 марта 1918)
 Место рождения: Васильевка
 Округ: ?
 Губерния: Уфа
 Вероисповедание: грекокатолик
 Профессия: крестьянин
 Эскадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных Хайлсберг, перемещен на работы в лагерь Нови-Сад № 112, отделение № —
 Статус: русский военнопленный № —
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 13 марта 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 434.

86. СИМОН ЯКОБ УРЕНЦОВ (1885 — 14 марта 1918)
 Место рождения: Петровка
 Округ: Орск
 Губерния: Оренбург
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Эскадрон: —
 Чин: рядовой
 Размещен: лагерь военнопленных С (?), перемещен на работы в транспортно-судовой группе Нови-Сад №1 12, отделение № 164
 Статус: русский военнопленный № 165
 Причина смерти: туберкулез
 Похоронен: 15 марта 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 435

87. СЕМЈОН ДАНИЛОВИЧ ИВАНОВ (1888 — 28 марта 1918)
 Место рождения: Петровка
 Округ: Орск
 Губерния: Оренбург
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин

Ескадрон: —

Чин: рядовой

Размещен: лагерь военнопленных Визельбург (Австрия), перемещен на работы в транспортно-судовой группе Нови-Сад № —, отделение № 4

Статус: русский военнопленный № 138

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 23 марта 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № ?

88. ЯКИМ НИКОЛАЈЕВИЧ КАЦУН (1895 — 16 апреля 1918)

Место рождения: Иванев (?)

Округ: ?

Губерния: Бесарабиска

Вероисповедание: православный

Профессия: крестьянин

Ескадрон: Русский пехотный полк № 31, 2 рота

Чин: рядовой

Размещен: —

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 18 апреля 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 449

89. ХСАМАТИН НАСМЕТИНОВ (1885 — 9 мая 1918)

Место рождения: Тјурјушеви

Округ: Белебејски

Губерния: Уфимскаја

Вероисповедание: мусульманин

Профессия: крестьянин

Ескадрон: Русский пехотный полк № 33, 7 рота

Чин: рядовой

Размещен: лагерь в Беочине при фабрике цемента

Статус: русский военнопленный № 38 668

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 12 мая 1917, на военном кладбище в Петроварадине, № 452

90. БОЛЕСЛАВ МАТИН РУДОВИЧ (1892 — 18 июля 1918)

Место рождения: ?

Округ: —

Губерния: Минск

Вероисповедание: римокатолик

Профессия: крестьянин

Ескадрон: Русский пехотный полк № 74, 9 рота

Чин: рядовой

Размещен: перемещен на работы в лагерь в г. Рума

Статус: русский военнопленный № —

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 20 июля 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 464

91. КОНСТАНТИН ГРИГОРИЈЕВИЧ КОЗЬАНОВ (1886 — 10 сентября 1918)

Место рождения: Котач (?)

Округ: Болдино

Губерния: Бесарабија

Вероисповедание: православный

Профессия: крестьянин

Ескадрон: Русский пехотный полк № 76, ? рота

Чин: рядовой

Размещен: перемещен на работы в лагерь в г. Рума

Статус: русский военнопленный №

Причина смерти: туберкулез

Похоронен: 11 сентября 1918, на военном кладбище в Петроварадине, № 472

92. АЛЕКСЕЈ КУЗМИЧ ДЕМИДОВИЧ (1880 — 28 сентября 1918)

Место рождения: ?

Округ: ?

Губерния: Минск

Вероисповедание: православный

Профессия: крестьянин

Ескадрон: Русский пехотный полк № 146, 11 рота

Чин: рядовой

Размещен: перемещен из лагеря Шоморин в Словакии, вспомогательный работник в венгерском сельскохозяйственном банке

Статус: русский военнопленный №

Причина смерти: воспаление после перелома ребер
 Похоронен: 30 сентября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 473
 93. ИВАН АФАНАСЈЕВ ПЕТРОВ (1891 — 9 октября 1918)
 Место рождения: —
 Округ: Петроград
 Губерния: Петроград
 Вероисповедание: православный
 Профессия: столяр
 Эскадрон: Русский пехотный полк № 92, ? рота
 Чин: рядовой
 Стационарирован —
 Статус: русский военнопленный №
 Причина смерти: воспалительный процесс
 Похоронен: 11 октября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 476
 94. ДИОНИСИЈ ШОВЧУК (1885 — 10 октября 1918)
 Место рождения: ?
 Округ: —
 Губерния: Кијев
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Эскадрон: Русский пехотный полк № 285, ? рота
 Чин: рядовой
 Стационарирован: —
 Статус: русский военнопленный №
 Причина смерти: воспалительный процесс
 Похоронен: 12 октября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 477
 95. ГРИГОРИЈ МУРГАН (1888 — 17 октября 1918)
 Место рождения: Кугирешти
 Округ: —
 Губерния: Бесарабија
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Эскадрон: Русский пехотный полк № 56, ? рота
 Чин: рядовой

Стационарирован: перемещен на работы на сельскохозяйственное
 имение Павловци (у г. Рума)
 Статус: русский военнопленный №
 Причина смерти: воспалительный процесс
 Похоронен: 19 октября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 483
 96. ПАВЕЛ ПОГОЊЕВ (1888 — 21 октября 1918)
 Место рождения: Алексијев
 Округ: —
 Губерния: Ставропольска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: крестьянин
 Эскадрон: Русский пехотный полк № 12, ? рота
 Чин: фельдфебель
 Стационарирован: перемещен на работы в Беочинской фабрике це-
 мента
 Статус: русский военнопленный №
 Причина смерти: воспалительный процесс
 Похоронен: 22 октября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 488
 97. ВАСИЛИЈ САВИН (1883 — 22 октября 1918)
 Место рождения: Паракимо
 Округ: —
 Губерния: Симбирска
 Вероисповедание: православный
 Профессия: портной
 Эскадрон: Русский пехотный полк № 53, ? рота
 Чин: фельдфебель
 Стационарирован: перемещен на работы на сельскохозяйственное
 имение Гладнош (с. Бешка)
 Статус: русский военнопленный №
 Причина смерти: воспаление легких
 Похоронен: 23 октября 1918, на военном кладбище в Петрова-
 радине, № 489
 98. ЛЕГОР ГРИГОРОВИЧ ЗАХАРИЕВ (1896 — 31 октября 1918)
 Место рождения: Ниш. Никинскоје
 Округ:

Губерния: Јелисаветполье

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Эскадрон: Русский пехотный полк № 58, ? рота

Чин: фельдфебель

Стационариран: перемещен на работы на сельскохозяйственное
имение Гладнош (с. Бешка)

Статус: русский военнопленный №

Причина смерти: воспаление легких после испанского гриппа

Похоронен: 2 ноября. 1918, на военном кладбище в Петрова-
радине, № 509

99. АНТОН ТРЉЕВ (1888 — 25 октября 1918)

Место рождения: Михайловск

Округ

Губерния: Харьков

Вероисповедание: православный

Профессия: земледелец

Эскадрон: Русский пехотный полк № ?, ? рота

Чин: —

Стационариран —

Статус: русский военнопленный №

Причина смерти: —

Похоронен: 2 ноября 1918, на военном кладбище в Петрова-
радине, № 509

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Русские военнопленные, похороненные в Зреняине (Бечкерек)

Александр Ермоленков, русский военнопленный, возраст 26 лет,
родился в Михайловском. Причина смерти тиф.

Потап Дубинин, русский военнопленный, возраст 24 лет, родил-
ся в Рудковской — Россия. Причина смерти воспаление легких.

Василенко Феодор, солдат Императорского русского 302 полка,
возраст 27 лет, родился в Хармовенату — Россия. Причина смерти
азиатская холера.

Тимофей Фадеев, пехотинец Императорского заамурского пол-
ка, возраст 25 лет, родился в Ласини — Россия. Умер от азиатской
холеры.

Николай Остапенко, русский военнопленный, возраст 30 лет,
родился в Таврической губернии — Россия. Причина смерти: вос-
паление легких.

Василий Бочкарев, солдат Императорского русского пехотного
328 полка, возраст 34 лет. Умер в 1915 от перитонита.

Арсений Сарахефанов (?), русский военнопленный, возраст
30 лет, родился в с. Борисовка. Умер в 1916 от туберкулеза.

Николай Алексеев, русский военнопленный, возраст 35 лет, ро-
дился в Молочане — Россия. Умер в 1916.

Степан Шиянов, русский военнопленный, возраст 25 лет, ро-
дился в Борхилонки (?) — Россия. Умер в 1916 от тифа.

Василий Баушев, русский военнопленный, возраст 38 лет, ро-
дился в Костромской губернии — Россия. Умер в 1916.

Иван Семенов, русский военнопленный, возраст 24 лет, родился
в Казаково — Россия. Умер в 1916 от повреде главе.

Василий Спиридонов, русский военнопленный, родился в 1880 в Пшеников — Кашин. Умер в 1916 от тифа.

Николай Милованов, русский военнопленный, родился в 1874 в России. Умер в 1917 от воспаления легких.

Павел Полянский, русский военнопленный, родился в 1883 в с. Красилово в России. Умер в 1917 от туберкулеза.

Михаил Дмитриевич Клементьев, русский военнопленный, возраст 33 года. Погиб на принудительной работе в 1917 г.

Григорий Топоров, русский военнопленный, родился в 1896 в Краснотирске — Россия. Умер в 1917 от туберкулеза.

Василий Корабельников, русский военнопленный, родился в 1889 в Ижевске — Россия. Умер в 1917 от туберкулеза.

Тихон Левицкий, русский военнопленный, родился в 1891 в с. Калиновка — Россия. Умер в 1917 от туберкулеза.

Данил Рогалев, русский военнопленный, возраст 31 лет, родился в с. Бурнишкино — Россия. Умер в 1917 от воспаления легких.

Семен Плопа, русский военнопленный, возраст 34 лет, Родился в Арганештепу (?) — Россия. Умер в 1917 от воспаления почек.

Феодор Солопов, русский военнопленный, родился в 1885 в с. Яндиевке — Россия. Умер в 1917 от истощения.

Петр Вязников, русский военнопленный, возраст 29 лет, родился в с. Хомянки — Россия. Умер в 1917 от заражения крови.

Тимофей Габов, казак, возраст 49 лет, родился в Сепнеши (?) — Россия. Умер в 1917 от воспаления легких.

Аким Пименов, казак, родился в 1884 в с. Жад. Умер в 1917 от тифа.

Александр Максимов, русский военнопленный, родился в 1879 в Велчурти. Умер в 1917 от тифа.

Феодор Александров, русский военнопленный, родился в 1889 в месту Залесно. Умер в 1917 от заражения крови.

Дмитрий Паламарчук, русский военнопленный, возраст 25 лет, родился в месту Кришопал — Россия. Умер в 1917 от воспаления легких.

Петр Кудрявцев, русский военнопленный, родился в 1890 в м.¹ Салтан — Россия. Умер в 1917.

¹ М. (место) — может означать и местечко, и город, и село, и просто область.

Петр Морозов, русский военнопленный, возраст 25 лет, родился в с. Заболотноје — Россия. Умер в 1917.

Николай Божанов, русский военнопленный, возраст 24 лет, родился в м. Кузманск — Россия. Умер в 1917 от тифа.

Василий Сахаров, русский военнопленный, возраст 30 лет, родился в Нзаркам (?) — Россия. Умер в 1917 от болезни легких.

Дмитрий Крот, русский военнопленный, возраст 29 лет, родился в м. Водопей — Россия. Умер в 1917 от тифа.

Андрей Агафонов, русский военнопленный, родился в 1881 в м. Каштанов — Россия. Умер в 1917 от болезни легких.

Филимон Швалев, русский военнопленный, возраст 24 лет, родился в м. Каумаков — Россия. Умер в 1917 от туберкулеза.

Данила Галицкий, русский военнопленный, возраст 35 лет, родился в Святославске — Россия. Умер в 1917 от тифа.

Иван Тихоненко, русский военнопленный, возраст 32 лет, родился в с. Тешанк — Россия. Умер в 1917 от тифа.

Василий Хорасенко¹, казак, возраст 29 лет, родился в ст. Семёновской. Умер от повреда 1917.

Прокопий Димитрович², русский военнопленный, возраст 27 года, родился в ст. Никарской. Умер в 1918 от тифа.

Иван Шепунов, русский военнопленный, возраст 42 лет, родился в Долоховске — Россия. Умер в 1918 от сердца.

Владимир Добричев, русский военнопленный, возраст 31 лет, родился в Анфифовалу (?) — Россия. Умер в 1918 от тифа.

Михаил Старченко, русский военнопленный, родился в 1880 в Криники — Россия. Умер в 1918 от воспаления легких.

Илья Турченко, русский военнопленный, родился в 1892 в с. Весло — Россия. Умер в 1918 от воспаления легких.

Ерофим Кобилев, русский военнопленный, родился в 1890 в Шумске — Россия. Умер в 1918 от туберкулеза.

Сергей Горстим (?), русский военнопленный, родился в 1874 в с. Пшехим (?) — Россия. Умер в 1918.

¹ Один из примеров «утраченных фамилий» — это мог быть и Герашенко и Хорошенко.

² «Димитрович» — отчество или фамилия? При этом возможно, что фамилия была Димитриев, которая в написании местных писарей превратилась в Димитовича.

Иван Беринка, русский военнопленный, родился в 1872 в с. Куштак — Россия. Умер в 1918 от тифа.

Алексей Каленик, русский военнопленный, возраст 28 лет, родился в с. Голодюки — Россия. Умер в 1918 от туберкулеза.

Андрей Гляненок, русский военнопленный, 47 полк, возраст 32 лет, родился в м. Романовск — Россия. Умер в 1918 от туберкулеза.

Петр Кучеров, русский военнопленный, 34 гвардейский полк, родился в 1888 лет, в с. Моесеевка — Россия. Умер в 1918 от туберкулеза.

Йосиф Чечеринов, русский военнопленный, место и год рождения неизвестны, убит в 1918.

Иван Шишин, русский военнопленный, 88 полк, родился в 1884, в с. Коломенское — Россия. Умер в 1918 от туберкулеза.

Павел Тарасов, русский военнопленный, живописец, возраст 24 года, родился в м. Жагин — Москва. Умер в 1918 от туберкулеза.

Григорий Шишин, русский военнопленный, 72 полк, родился в 1884 в с. Коломенское. Умер в 1918 от туберкулеза.

Иван Вичтомов, русский военнопленный, возраст 25 лет, родился в Уст-Сарапунке. Умер в 1918 от туберкулеза.

Павел Ершов, русский военнопленный, возраст 29 лет, родился в Москве. Умер в 1918 год.

Никифор Боштан, русский военнопленный, возраст 31 лет, родился в Коленкауцу. Умер в 1918 от туберкулеза.

Михаил Крижанко, русский военнопленный, 48 полк, родился в 1890 в с. Заниве. Умер в 1918 от туберкулеза.

Григорий Смирнов, русский военнопленный, 323 полк, родился в 1886 в Звягине. Умер в 1918 от воспаления легких.

Григорий Болотов, русский военнопленный, 324 полк, возраст 41 лет, родился в м. Миркова-шуя. Умер в 1918 от воспаления мозга.

Михаил Покровский, русский военнопленный, родился в 1886 в м. Уштан Тургая — Сибирь. Умер в 1918 от гриппа.

Феодор Бойков, русский военнопленный, родился в 1893 в Малозарощье. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Тордава Вавилон, русский военнопленный, 120 полк, родился в 1892 в м. Мулава. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Александр Миценко, русский военнопленный, 81 полк, родился в 1886 в м. Будешће. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Яков Штрипчик, русский военнопленный, 120 полк, родился в 1880 в м. Ханук. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Андрей Карачов, русский военнопленный, родился в 1885 в м. Иценда. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Николай Ильин, русский военнопленный, 301 полк, родился в 1887 в Падови. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Йосиф Видинов, русский военнопленный, 247 полк, родился в 1875 в м. Жердовкино. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Михаил Шаранов, русский военнопленный, 164 полк, родился в 1889 в м. Дадимерск. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Максим Кучерявин, русский военнопленный, 21 полк, родился в 1885 в м. Кучерява. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Лука Кошчит, русский военнопленный, 12 полк, родился в 1887 в Коштане. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Тимофей Буцик, русский военнопленный, родился в 1875 в м. Помокля. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Павел Николаенко, русский военнопленный, родился в 1892 в м. пиндовка. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Никифор Шестаков, русский военнопленный, 65 полк, родился в 1882 в с. Ибицкое. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Иосиф Видинов, русский военнопленный, родился в 1875 в с. Веревкино. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Федор Шемелянов, русский военнопленный, родился в 1878 в Зимбрни (?). Умер в 1918 от испанского гриппа.

Йосиф Ковалицкий, русский военнопленный, родился в 1894 в м. Лихта. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Максим Титов, русский военнопленный, родился в 1880 в Москве. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Дмитрий Матвеев, русский военнопленный, родился в 1894 в м. Хамария (?). Умер в 1918 от испанского гриппа.

Феодор Крайнов, русский военнопленный, 130 полк, родился в 1893 в м. Андебез (?). Умер в 1918 от испанского гриппа.

Павел Николаевский, русский военнопленный, родился в 1893 в с. Спиндовка. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Иван Витенко, русский военнопленный, 55 полк, родился в 1890 в с. Семеновское. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Феодор Бужеляев, русский военнопленный, возраст 33 лет, родился в с. Кучина. Умер в 1918 от испанского гриппа.

Петр Жилнов, русский военнопленный, возраст 30 лет, родился в м. Шаранское. Умер в 1918 от испанского гриппа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Русские военнопленные, похороненные в Сенте¹

Терентий Мазаев (имя отца?), (1881—1915).
Федор Павлюкин (имя отца?), (1892—1916).
Федор Давыдов (имя отца Григорий), (1881—1916).
Иван Фадеев (имя отца Георгий), (1892—1917).
Терентий Бураков (имя отца Корнелий), (1883—1917).
Филип Давыдов (имя отца Марк), (1887—1917).
Алексей Николаев (имя отца Николай), (1878—1917).
Николай Иванович (имя отца Трофим), (1894—1917).
Александр Чуханов (имя отца?), (1895—1918).
Георгий Доганий (имя отца?), (1891—1918).
Николай Нешипов (имя отца?), (1882—1918).
Алексей Шарин (имя отца?), (1885—1918).
Владимир Быков (имя отца Александр), (1883—1918).
Григорий Кривокоевски (имя отца Андрей), (1887—1918).
Иван Шмурко (имя отца Андрей), (1886—1918).
Стефан Козлов (имя отца Антон), (1893—1918).
Стефан Лунго (имя отца Варфоломей), (1890—1918).
Федор Гемнов (имя отца Василий), (1890—1918).
Михаил Трегубов (имя отца Василий), (1891—1918).
Алексей Бажанов (имя отца Георгий), (1884—1918).
Василий Иванов (имя отца Герат (?)), (1888—1918).
Петр Яков (имя отца Григорий), (1893—1918).
Егор Иосипов (имя отца Григорий), (1890—1918).
Семен Подгорник (имя отца Григорий), (1879—1918).

¹ Molnár T. Az I. világháború zentai áldozatai. Zenta, 2001. С. 184—190.

Игнатий Колесников (имя отца Данила), (1893—1918).
 Архип Леоса (имя отца Дмитрий), (1889—1918).
 Иван Шолотков (имя отца Дмитрий), (1883—1918).
 Дмитрий Восров (имя отца Дмитрий), (1888—1918).
 Семейон Афинов (имя отца Иван), (1880—1918).
 Сергей Книш (имя отца Иван), (1894—1918).
 Алексей Волищев (имя отца Иван), (1884—1918).
 Афанасий Шимахов (имя отца Егор), (1880—1918).
 Иван Рябчиков (имя отца Ефим), (1887—1918).
 Иван Леонтьев (имя отца Леонтий), (1889—1918).
 Антон Дудка (имя отца Михаил), (1888—1918).
 Иван Шарпов (имя отца Михаил), (1885—1918).
 Иван Анфинов (имя отца Николай), (1889—1918).
 Афанасий Колчак (имя отца Николай), (1881—1918).
 Григорий Попов (имя отца Павел), (1892—1918).
 Стефан Ругищенко (имя отца Павел), (1885—1918).
 Егор Бунин (имя отца Петр), (1891—1918).
 Антон Черенышенко (имя отца Петр), (1893—1918).
 Герасим Петров (имя отца Петр), (1889—1918).
 Иван Рудяков (имя отца Петр), (1890—1918).
 Михаил Хвыров (имя отца Прокоп), (1891—1918).
 Николай Кирицкий (имя отца Прокоп), (1891—1918).
 Семен Шошановски (имя отца Стефан), (1883—1918).
 Константин Корелицкий (имя отца Федор), (1888—1918).
 Иван Колесников (имя отца Федор), (1888—1918).
 Петр Муравьев (имя отца Фома), (1875—1918).
 Филимон Лишенко (имя отца Филимон), (1884—1918).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны	3
Литература и опубликованные источники о русско-сербском военном сотрудничестве в годы Первой мировой войны	15
Краткий обзор действий русских воинских формирований в Сербии во время Первой мировой войны	36
ДОКУМЕНТЫ	51
1. Генерал Воин Максимович, профессор Военной Академии. «Военные связи и отношения Сербии и России (1806—1917)»	51
2. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова о военной помощи, оказанной Россией Сербии с начала войны до сентября 1914 г.	98
3. Записка В.А. Григоренко о боевых действиях в Сербии в августе—декабре 1914 г.	100
4. Отчет старшего лейтенанта Волховицкого о действиях отряда с момента ухода из Севастополя до эвакуации Белграда, август—ноябрь 1914 г.	115
5. Рапорт начальника инженерного отряда особого назначения в Сербии полковника Доброва начальнику Морского генерального штаба	120
6. Донесение начальника Экспедиции особого назначения капитана 1-го ранга флигель-адъютанта Веселкина о походе в Сербию, сентябрь—октябрь 1914 г.	128

7. Журнал деятельности Экспедиции особого назначения в период с 16 октября по 30 ноября 1914 г.	143
8. Журнал деятельности Экспедиции особого назначения в период с 1 по 31 декабря 1914 г.	163
9. Краткий обзор деятельности и жизни инженерного отряда особого назначения в Сербии, 1914—1915 гг.	178
10. Краткий обзор деятельности Экспедиции особого назначения, начиная с первого похода 1 октября 1914 г. по 20 апреля 1915 г.	199
11. Рапорт В.А. Григоренко о действиях русского Морского отряда Экспедиции особого назначения в Белграде, сентябрь 1915 г.	208
12. Донесение капитана 2-го ранга Б.П. Ильина о действиях морских отрядов Экспедиции особого назначения с момента начала бомбардировки г. Белграда, сентябрь—ноябрь 1915 г.	213
13. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды, сентябрь—ноябрь 1915 г.	220
14. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды, сентябрь—октябрь 1915 г.	224
15. Поездка императора Николая II и цесаревича Алексея в Штаб Экспедиции особого назначения на Дунае в г. Рени, ноябрь 1915 г.	228
16. Отдельные наградные приказы начальника Экспедиции особого назначения М.М. Веселкина, февраль—декабрь 1915 г.	231
17. Письмо доктора С.К. Софотерова по поводу деятельности русских медицинских служб в Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны, 26 декабря 1925 г.	250
18. Памятники русским воинам, погибшим и умершим на территории Республики Сербии во время Первой мировой войны	259

Приложение 1

«Политика», 24 мая 1935 г. № 9701.....	265
--	-----

Приложение 2

Список имен военнослужащих, останки которых в жестяных гробах находятся в мемориальном склепе на Новом кладбище в Белграде.....	268
---	-----

Приложение 3

Могилы русских военнопленных, похороненных в 1915—1918 гг. на военном кладбище в Петроварадине.....	272
---	-----

Приложение 4

Русские военнопленные, похороненные в Зреняине (Бечкерек)	309
---	-----

Приложение 5

Русские военнопленные, похороненные в Сенте	315
---	-----

Возвращение утраченной истории. Первая мировая

**РОССИЯ НА СЕРБСКОМ ФРОНТЕ
ПЕВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
Помощь армии и флота России
Королевству Сербия в 1914—1918 гг.**

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *М.Г. Хабибуллин*
Дизайн обложки *А.Ю. Никулин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.10.2014. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт» 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru